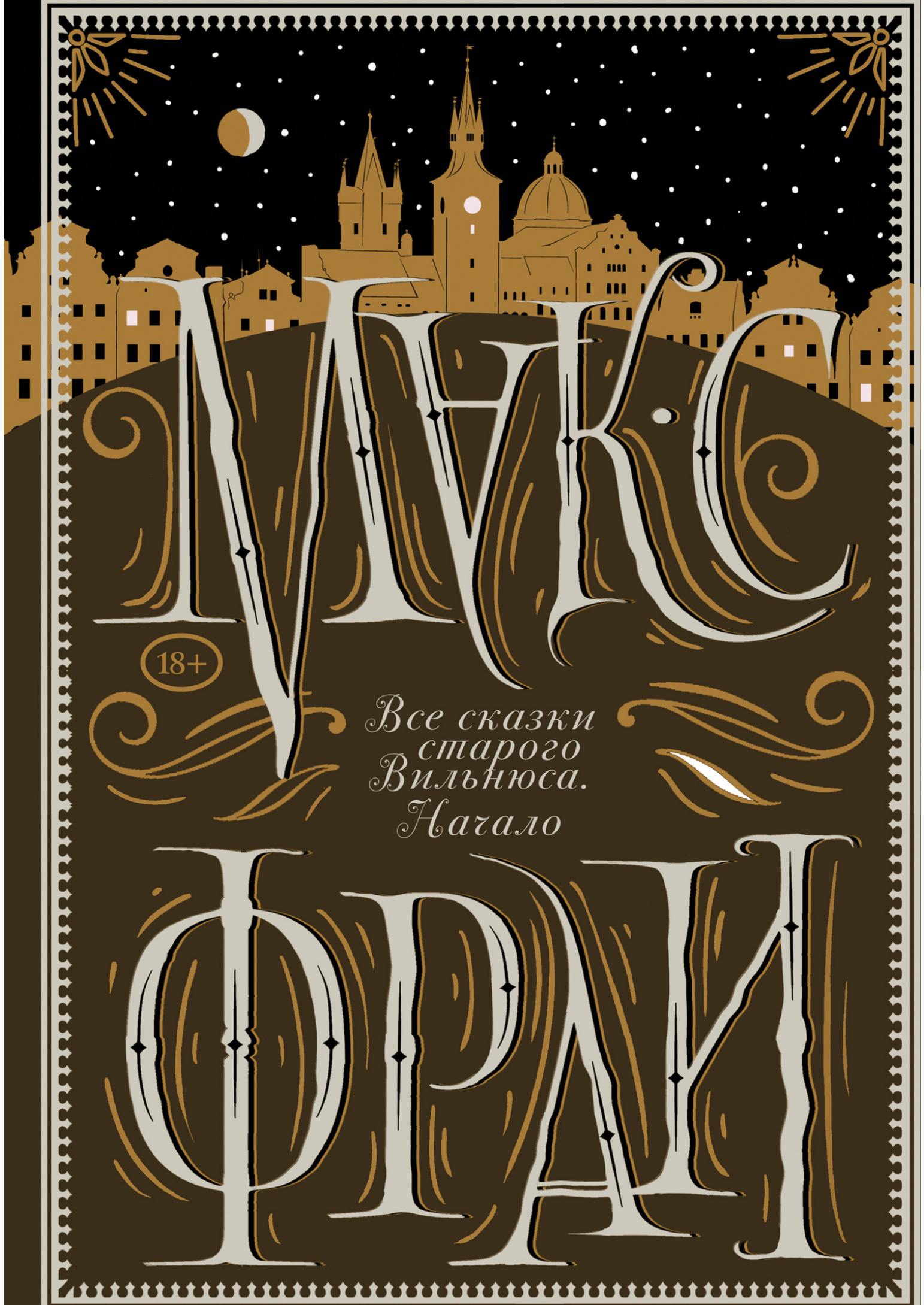
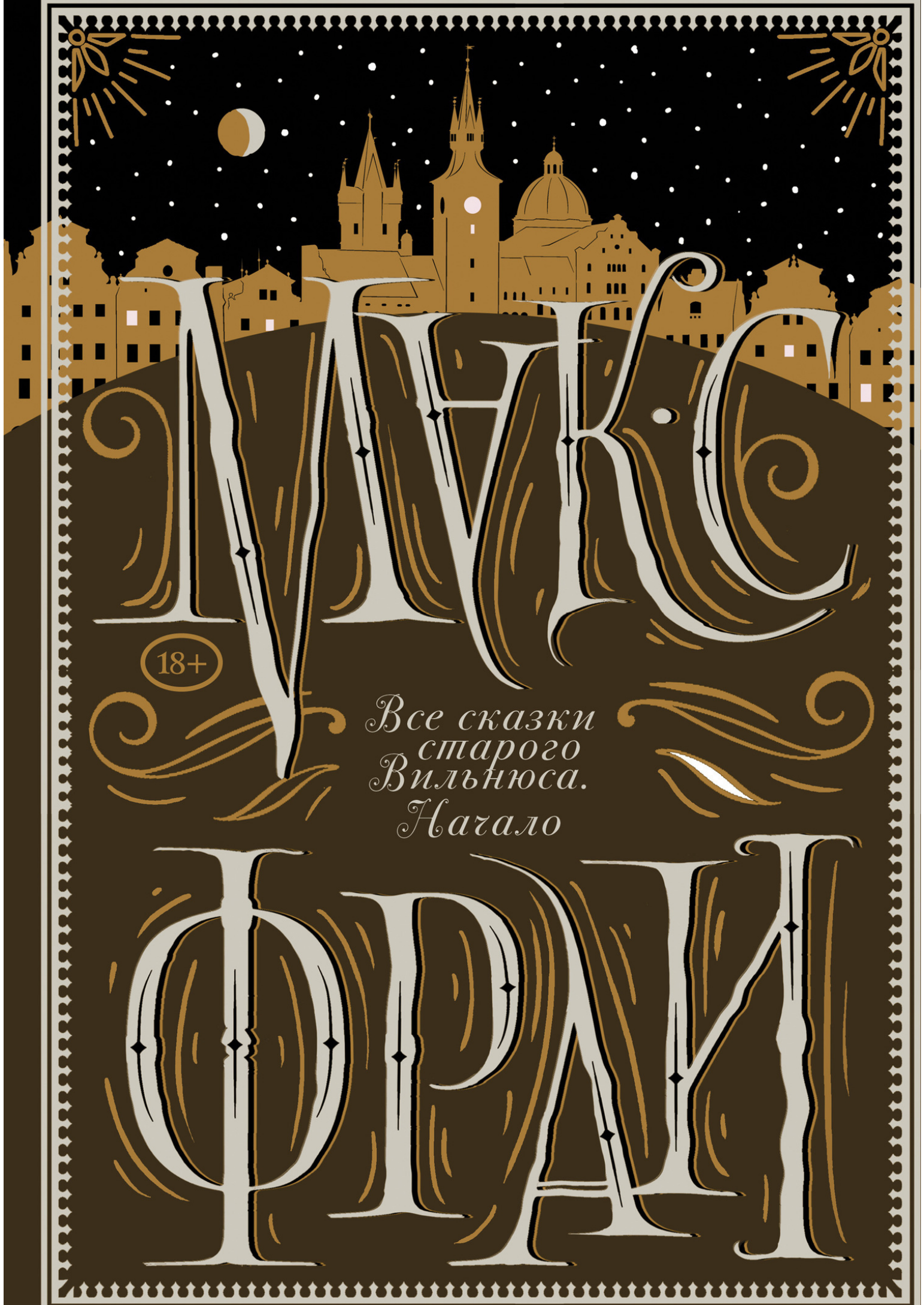

ВН

18+

*Все сказки
старого
Вильнюса.
Начало*

ПН

Макс Фрай

**Все сказки старого
Вильнюса. Начало**

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Все сказки старого Вильнюса. Начало / М. Фрай —
«Издательство АСТ», 2012

ISBN 978-5-17-092508-7

Имя Макса Фрая уже известно всем ценителям хорошей литературы, а «Сказки старого Вильнюса» – один из самых известных и ожидаемых циклов современного фэнтезийного мира. «В Старом городе Вильнюса, как выяснилось, сто сорок семь улиц, переулков, площадей, рынков и мостов; зная характер нашего города, мы не сомневаемся, что это число еще не раз изменится, здесь у нас чуть ли не каждый день что-нибудь появляется и исчезает, а всем кажется, всегда так и было – это одно из правил нашей тайной повседневной игры...» В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-092508-7

© Фрай М., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Улица Агуону	6
Улица Альгирдо	13
Улица Антоколскё	22
Улица Арклю	28
Улица Арсенало	39
Улица Аугустиону	42
Улица Аукштайчю	49
Улица Аушрос Варту	55
Улица Ашмянос	58
Улица Базилиону	61
Улица Балстогес	74
Переулок Балтасис	78
Улица Барборы Радвилайте	85
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Макс Фрай

Все сказки старого Вильнюса. Начало

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Улица Агуону (Aguonų g.) Белый ключ

Правильно заваривать чай его учил Зденек в те смешные времена, когда на паях с приятелем открыл чайный клуб (прикинь, какой приколы: почти сто сортов чая и больше ничего, ни вина, ни сэндвичей, ни печенья какого-нибудь, ни даже кофе, только чай, а народ все равно ходит, мест свободных нет).

Без практики знания быстро вылетели из головы, остались только бессмысленно красивые формулировки: «жемчужные нити», «рыбы глаза», «шум ветра в соснах», «белый ключ». Все это разные стадии кипения воды; лучше всех запомнил «белый ключ». Во-первых, его легко определить, это когда закипающая вода становится мутно-белой, а во-вторых, именно в этот момент и следует заваривать чай; кофе, кстати, тоже – если используешь френч-пресс. Очень важно успеть, пару секунд спустя уже будет поздно. Китайцы называют крутой кипяток «мертвой водой», вроде бы в ней остается слишком мало кислорода или что-то вроде того.

Выражение «мертвая вода» его впечатлило, всегда был излишне чувствителен к словам. С тех пор всегда покупал прозрачные чайники и кипятил воду только в них. Стоял у плиты, замороженно смотрел, как со дна поднимаются мелкие пузырьки, постепенно складываются в тонкие нити, а потом их становится так много, что вода белеет, словно в нее добавили молоко, вот в этот момент и пора убирать чайник с огня.

Сам Зденек быстро утратил интерес к чайным церемониям, демонстративно заливал бумажные пакетики «Липтона» крутым кипятком, щедро сыпал сахар, резал лимон, ржал: «Я – чайный гранж-мастер». А он так на всю жизнь и остался верным последователем «белого ключа».

За Зденеком вообще было не угнаться, он всегда был скор на расправу со своей жизнью, менял одну на другую, не задумываясь, не торгуясь, не искал ни выгоды, ни даже какого-то особого смысла, только возможности в любой момент все разрушить и начать заново. Что Зденек действительно отлично умел, так это красиво начинать.

Очень этой его лихости завидовал. И вообще всему Зденеку, целиком. Впрочем, «завидовал» не совсем верно сказано. Просто хотел быть таким же, а родился совсем другим – собой. Говорят, выше головы не прыгнешь; глупости, выше – как раз запросто. Что действительно невозможно так это выйти из собственных берегов, а глядя на Зденека, хотелось именно этого. Зденек был – океан.

Впервые увидел Зденека в детстве на пляже и запомнил на всю жизнь.

Никогда не спрашивал, бывал ли Зденек в том курортном городе, куда его каждое лето возили отдыхать, и без расспросов не сомневался: там, у моря, был именно он. Прыгал в воду с высокого пирса и так при этом лихо кувыркался, словно в цирке выступал. Думал тогда, этот дочерна загорелый белобрысый мальчишка гораздо старше; оказалось, ровесник, просто такой вот длинный. Зденек на всю жизнь так и остался выше, почти на целых полголовы, и это тоже было обидно – вот же засранец, и тут обскакал.

А в тот день смотрел на него, открыв рот. Сам прыгать с пирса не стал, понимая, что на фоне белобрысого акробата будет выглядеть неуклюжим мешком. Потом до отъезда тренировался, чтобы тоже так научиться. В конце концов, более-менее получилось, однако особой радости не принесло. Во-первых, где теперь тот белобрысый мальчишка, поди его отыщи. А во-вторых, даже если объявится, ясно, что не станет сидеть в стороне и восхищаться его кувырками.

А на меньшее был не согласен.

Вспомнил об этом несколько лет спустя, когда Зденек пришел в их класс – посреди учебного года, видимо, семья внезапно переехала; впрочем, какая разница, главное, что в классе появился новенький, длинный, белобрысый и такой загорелый, словно на улице стояло лето, а не дождливый ноябрь.

Сразу его узнал и понял, что это шанс. Незаметно открыл окно, вышел из кабинета, обогнул здание школы, каким-то чудом, цепляясь за карнизы, вскарабкался на подоконник третьего этажа. Ему тогда здорово повезло, что не свалился, потому что проделывал этот трюк в первый раз.

Свалился в класс через окно, сразу после звонка, как ни в чем не бывало, поздоровался с математичкой, вежливо извинился за опоздание и сел на свое место; нечего и говорить, что это был настоящий триумф. Его, конечно, таскали к директору и родителей вызывали, мать перепугалась до смерти, дома был страшный скандал, но все это не имело никакого значения, потому что Зденек смотрел на него примерно так, как он сам когда-то на пляже, с плохо скрываемым восхищением – во дает!

На третий день знакомства они подрались; теперь уже не вспомнить, по какому поводу и был ли он вообще. Драку, можно сказать, свели вничью: Зденек был сильнее, а в нем оказалось больше злости, о которой до того дня даже не подозревал. Потом, конечно, подружились, как это нередко случается после подобных драк, которые на самом деле не столько выход агрессии, сколько исследование: кто ты? И кто я, когда я рядом с тобой?

Это была странная дружба; впрочем, наверное, любая дружба странная, когда смотришь на нее не со стороны, а будучи одним из действующих лиц. Откуда вдруг возникает прочная связь между двумя чужими людьми? Чем скрепляется, пока длится, почему так радует и дает столько сил? Как вообще все это работает? Черт его разберет.

Потом, много позже, став взрослым, почти пожилым человеком, говорил, что дружба – это неосознанная, но очень храбрая попытка установить личные отношения с, условно говоря, богом, используя другого человека в качестве средства связи. Всегда провальная, никогда не напрасная.

Впрочем, вряд ли важно, что он там говорил. Слова – это только слова, даже если удачно подобраны. Правда настолько больше слов, что в человека не помещается. Человек – мелкое озерцо, в лучшем случае море. Правда – всегда океан.

Ладно, это была странная дружба, а как еще сказать. Даже не то чтобы постоянное соревнование, скорее выступление, нескончаемые танцы на глазах друг у друга. Оба в результате стяжали сладкую славу неуправляемых хулиганов, при этом школу он закончил с отличным аттестатом, хотя прежде имел твердую репутацию «способного, но ленивого» троечника, как, наверное, все нормальные дети, которых никто ничем толком не сумел заинтересовать. Но мычать и блеять у школьной доски на глазах у Зденека, обладавшего феноменально цепкой памятью, было бы невыносимо, поэтому приходилось зубрить все, включая ненавистные языки, которые этому гаду давались с полпинка, как бы сами собой. Дозубрился до того, что несколько раз решал за друга особо сложные задачи по физике. Засчитал себе как победу; что думал по этому поводу Зденек, так никогда и не узнал.

Это продолжилось в университете. На вступительных экзаменах сами толком не понимали, чего хотят больше: учиться вместе или все-таки утереть другому нос, оставив его за бортом. В любом случае поступили оба, причем как-то на удивление легко, особенно если вспомнить, сколько дешевого белого вина выпили в ходе подготовки к экзаменам, демонстрируя друг

другу гигантские размеры болтов, якобы забитых на учебу. На самом деле оба, конечно, зубрили, как проклятые – в лютом похмелье, врозь, по утрам.

Их преподавателям и сокурсникам, можно сказать, повезло; по крайней мере, скучно не было. Хотя, вспоминая их со Зденеком выходки, шутки и перепалки, догадывался, что, с точки зрения окружающих, все это было немного чересчур утомительно. Да и для него самого, даже тогда – перебор. Но куда деваться, если где-то рядом вечно болтается Зденек, и его надо как минимум приводить в изумление. В идеале – восхищать.

Долгое время был уверен, что Зденек совсем не старается его поразить. Думал, он сам по себе такой – парадоксальный, блестящий, феерический. Кумир девушек в возрасте от четырех до восьмидесяти и некоторых особо злобных профессоров. Но однажды Анна, та самая, которую они несколько раз азартно отбивали друг у друга, к сожалению – где были наши глаза?! – вовсе не ради ее самой, сказала что-то вроде: «Без тебя Зденек совершенно нормальный, а при тебе вечно начинает выпендриваться так, что тошно становится». Сделал вид, будто не обратил на ее слова никакого внимания, но на самом деле, конечно, ликовал. Надо же, оказывается, Зденек тоже прикладывает усилия, чтобы меня удивить! Засчитал этот факт как победу вместе с теми школьными задачками по физике. Хотя в глубине души догадывался, что существование этого списка побед само по себе сокрушительное поражение. Нокаут, не по очкам.

Очень много в те годы путешествовали, в основном автостопом – у студентов, даже подрабатывающих всеми доступными способами, редко есть деньги на билеты. Иногда ездили компанией, но чаще отправлялись вдвоем, и это, наверное, самое лучшее, что с ним было, не только во времена их со Зденеком дружбы, а вообще за всю жизнь. Мир оказался безгранично велик, местами обескураживающе красив и так интересен, что можно было временно оставить друг друга в покое. У гор, морей и звездного неба все равно лучше получается изумлять человека, как ни старайся, их не превзойдешь, и это совсем не обидно. Ну, почти не.

Тогда, собственно, и познакомились по-настоящему, уже совсем всерьез. Путешествия дают ответы примерно на те же вопросы, что и школьные драки: кто ты? И кто я, когда я рядом с тобой? – только гораздо более развернутые и подробные.

Интересные ответы, надо сказать.

Когда буквально через месяц после защиты диплома родители погибли в аварии, оставив его с четырнадцатилетней сестрой Лаурой на руинах раз и навсегда рухнувшего мира, сразу позвонил Зденеку. Честно сказал: если можешь, будь рядом, я при тебе сразу начну притворяться великим героем, глядишь, выдержу, не сорвусь. Так и вышло, при Зденеке он отлично держался, и сестренка, глядя на них, более-менее успокоилась – насколько это вообще было возможно. Положа руку на сердце, Зденек их тогда спас – самым фактом своего существования, не допуская возможности лечь и сдаться, пойти вразнос.

На поминках они не пили – рано было расслабляться. Оставались трезвыми весь вечер и еще три дня, пока не отвезли Лауру в Ригу, к родственникам, которые организовали ей плотную программу с поездками и развлечениями до конца лета. А вернувшись домой, наконец-то надрались как следует, вдвоем, в просторной квартире на улице Агуону, которая, несмотря на оставшуюся от родителей мебель, казалась совершенно пустой.

Вот тогда, на исходе второй бутылки, Зденек горячо зашептал, склонившись к самому уху: «Ты не думай, что их совсем нигде больше нет. Там, после смерти, до фига всего интересного, в сто раз больше, чем здесь».

Господи, да ему-то откуда знать?

Тараторил с такой скоростью, словно боялся, что с неба вот-вот спустится ангел в милицейской форме и потащит его в райскую кутузку за разглашение секретных сведений, не дав договорить: «Когда мне было восемь лет, я утонул – совсем, представляешь? Мы тогда жили у

моря, я часто удирал купаться с мальчишками из двора, плавать еще толком не научился, а в тот день были сильные волны, и одна... Ай, неважно, в общем, я утонул и умер, и за мной пришли такие отличные сияющие чуваки... или, кстати, чувихи, не знаю, вот уж на что мне тогда было плевать. Они мне очень понравились, обещали отличные приключения, я даже обрадовался, что можно с ними пойти, но тут вспомнил, что нам послезавтра должны оставить дядину собаку на две недели, я с начала лета этого ждал, а вечером по телевизору будет новая серия мультфильма про Черного Плаща, и так стало обидно все это пропустить, что я отпросился. Ну что ты ржешь, действительно отпросился, ты меня знаешь, я, если очень надо, кого угодно могу уговорить, а у моих сияющих чуваков оказался покладистый характер, они согласились, что собака – это ужасно важно, и мультфильм интересный, а у них телевизоров нет, сказали – ладно, гуляй еще тридцать лет, потом приходи».

Пьян был к тому моменту до изумления. И все еще раздавлен гибелью родителей. Наверное, поэтому так легко поверил в Зденеков гон о сияющих чуваках и прекрасной загробной жизни, которая понравится маме и папе – чего еще можно было желать. И что рыдал в три ручья у него на груди от горя и облегчения, тоже в общем понятно. И теоретически прости-тельно. Но простить себя, конечно, не смог. И Зденека за компанию – что оказался одновременно причиной и свидетелем его слабости. Хотя Зденек никогда, ни при каких обстоятельствах об этом не вспоминал.

Не то чтобы они после этого разговора перестали дружить, но виделись гораздо реже. По объективным причинам, – говорил он себе. Ему тогда пришлось много работать, Лауркина пенсия по утрате кормильцев курам на смех, а почти взрослую девушку надо не только кормить, но и наряжать, и возить на каникулы, и водить к репетиторам, и за все это как-то платить. И дома ее надолго одну не оставишь, и бухать с собой не потащишь, и к себе никого особо не приведешь, сестра-подросток в этом смысле гораздо хуже самых строгих родителей: при ней противным взрослым хмырем, который знает, как лучше и все запрещает, поневоле становишься ты сам. Удивительное превращение, вот уж от себя не ожидал.

Но в глубине души понимал: дело не в сестре и не в двух с половиной работах, ему просто стало тяжело видеть Зденека. И непонятно, как себя с ним вести. После всего, что было, вряд ли получится притворяться веселым, бесшабашным, бесстрашным и легким на подъем. А быть другим при Зденеке не хотел.

...Потом жизнь завертела их окончательно и почти развела. Наступили совсем иные времена, трудные, но и полные удивительных новых возможностей. Он внезапно обнаружил в себе способность зарабатывать настоящие деньги и быстро вошел во вкус, а Зденек тогда как раз вовсю начал экспериментировать с переменами участи – менял работы чаще, чем женщин, которые у него тоже не слишком задерживались, вечно куда-то уезжал, потом возвращался, звонил, всегда неожиданно, натурально падал на голову, пропахший другими жизнями и веселыми чужими ветрами, неизменно приносил какую-то экзотическую выпивку, травил завиральные байки о своих похождениях, был ему по-прежнему очень дорог, но и безмерно раздражал.

На фоне Зденека сразу начинал снова чувствовать себя тем самым противным взрослым хмырем, в которого когда-то превратился ради сестры; сам понимал, что это не так, у него все отлично, и Зденек восхищенно качал головой, расспрашивая о бизнесе – ну ты даешь, я бы не смог! – но сердцу хотелось совсем другого. Хрен знает чего.

В один из своих приездов Зденек и ввязался в затею с чайным клубом; он не особо верил в успех будущего предприятия, но под руку не каркал, даже помог им с партнером найти подходящий подвал в самом центре, на отличных условиях, в смысле настолько дешево, что сам не ожидал. За помощь получил звание почетного гостя номер один, читай – гарантированное

место в любое время; эта привилегия очень пригодилась потом, когда вопреки его пессимистическим прогнозам, в клубе начался постоянный аншлаг.

В те дни они со Зденеком снова стали видаться часто, как прежде, ходил к ним почти каждый вечер, очень полюбил это смешное, пропахшее благовониями место, и ритуал приготовления чая на огне – тихий, неторопливый, но не лишенный некоторого утонченного пижонства – тоже полюбил. Завороженно смотрел, как со дна прозрачного чайника поднимаются первые пузырьки, как сплетаются в тонкие нити, как постепенно белеет и мутится вода. Белый ключ! – победоносно восклицал Зденек и брался за дело, принимался заваривать чай.

Это было очень красиво. К тому же чай, особенно улун, который почему-то называли не «зеленым», а «бирюзовым» – с какой стати? где там та бирюза? – всегда оказывал на него удивительное воздействие, иногда расслабляющее, иногда, наоборот, бодрящее, чайные мастера говорили, это зависит от множества факторов – сорта чая, времени его сбора, даже текущей фазы луны – но чувствовать себя взрослым хмырем он в любом случае переставал. Всего на пару часов, но и это огромное облегчение, на которое не рассчитывал никогда.

И Зденеку он в эти вечера совсем не завидовал, хотя, по идее, было чему – в полумраке чайного клуба, в китайском шелковом кафтане, склонившийся над подносом с драгоценной посудой, его старый друг и вечный соперник, выглядел легкомысленным юным богом, решившим смеху ради провести каникулы среди людей.

Но потом Зденеку все надоело. Сперва он перестал заваривать чай и занялся закупками, мотался в Китай, приезжал оттуда довольный собой и жизнью, но еще через год заехал по дороге в Индию, решил открыть там хостел на берегу океана и окончательно пропал из виду. Ну как – окончательно. На пару лет пропал.

Чайный клуб никуда не делся, им занимался Зденеков приятель. Хуже там, объективно говоря, не стало, и бирюзовый чай по-прежнему оказывал на организм целительное воздействие, но он все равно постепенно перестал туда ходить. Без Зденека никакого смысла – вообще ни в чем.

Но все равно как-то жил. Впрочем, почему «как-то»? Очень даже неплохо. Жизнь и без смысла, сама по себе вполне хороша.

Спасаясь от очередного острого приступа отвращения к собственной взрослости, купил мотоцикл, и это было такое прекрасное решение, что долго потом изумлялся, почему не завел его раньше. Мотоцикл оказался таким же хорошим другом, как Зденек. Ну, почти таким же, поговорить с ним все-таки не получалось. Зато он совершенно не раздражал. Не подавлял своим великолепием – все-таки не человек, а машина, просто хорошая вещь. А внимания и напряжения сил требовал, пожалуй, не меньше, чем их студенческая дружба. И радости приносил не меньше. Каждая поездка была немного похожа на их со Зденеком путешествия, только гораздо короче. Но два часа счастья настолько больше, чем ничего, что грех роптать.

Зденек тогда как раз снова вернулся, покончив со своей чуть было не удавшейся индийской жизнью. И, конечно, сразу оценил мотоцикл. Смотрел с таким же восторгом, как в тот день, когда он вошел в класс через окно. Попросил разрешения прокатиться и, похоже, всерьез боялся услышать отказ. А через неделю купил себе такой же. Честно признался, что спустил на него почти все деньги, которые успел заработать, и ни о чем не жалеет, кроме того, что не сделал это давным-давно.

Когда узнал, что Зденек погиб, разбившись на своем новеньком мотоцикле, совершенно не удивился, как будто именно такого финала и ждал. Невольно прикинул: в конце зимы Зденеку исполнилось тридцать восемь, так что все сходится, насколько отпустили, столько и погу-

лял. Но легче от этого, конечно, не стало, какое там «легче». Чувствовал себя так, словно умер сам.

Но, конечно, не умер. С чего бы. Только мотоцикл продал, быстро, первому попавшемуся покупателю, здорово продешевив. Плевать, все равно он был нужен, чтобы удивить Зденека, а потом время от времени его обгонять. А теперь зачем.

На похороны не ходил, для него это было как-то слишком. Вместо этого пошел в чайный клуб, где все тоже были изрядно пришиблены новостью, в глазах один и тот же немой вопрос: как же мы теперь без Зденека? Хотя уже давно отлично справлялись без него.

Попросил разрешения самому заварить чай. Ему без вопросов сразу выдали чайник, газовую горелку, специальный поднос и все остальное, что требовалось. Сидел в дальнем, самом темном углу, скрестив ноги, на подушках, смотрел, как со дна поднимаются пузырьки. Дождался, пока вода станет мутно-молочной, снял чайник с огня, прежде чем понял, что делает, выплеснул воду на пол, словно собирался заварить вместо чая весь окружающий мир.

Пол, кстати, остался совершенно сухим. Никто не понял, как это произошло, но особо не удивились. Когда поминаешь человека вроде Зденека, всякое может случиться. Не о чем тут говорить.

Дальше было уже неинтересно. То есть много разного, но по сути – ничего. Как-то жил, что-то делал, зарабатывал деньги, возился с племянниками, иногда путешествовал – без особого удовольствия, самому себе, утратившему интерес к поездкам, назло. Через пару лет после смерти Зденека женился, с каким-то нелепым чувством, что теперь-то, чего уж, все можно. Как будто раньше кто-то запрещал. Брак, как ни странно, оказался довольно удачным – насколько что-то вообще могло быть удачным для него. По крайней мере, стало гораздо проще объяснять себе, почему до сих пор жив и кому это надо – как же, кому, а вот, к примеру, жене и сыну. Какой с меня спрос.

Иногда вспоминая Зденека, думал: получается, я все-таки выиграл – его нет, я живу. Но в глубине души знал, что на самом деле проиграл – каким-то образом сразу все.

Жил долго, вырастил сына, который всегда казался ему совершенно чужим человеком; ладить это им, впрочем, не мешало, даже наоборот. Дождался внуков, похоронил жену, чрезвычайно выгодно избавился от бизнеса, объявив, что хочет отдохнуть, от безделья предсказуемо захворал, болезни особо не сопротивлялся, наоборот, с облегчением думал, что скоро можно будет перестать притворяться живым.

Очень от этого спектакля устал.

Впервые по-настоящему испугался уже в больнице, после операции, которая прошла неудачно, было ясно, что счет пошел скорей на часы, чем на дни. Вот тогда действительно стало страшно; впрочем, на собственный страх смотрел словно бы со стороны, отстраненно, думал: наверное, так со всеми бывает, обычное дело, инстинкт самосохранения, из-за него тело боится умирать, даже если не хочет жить. Все-таки Зденек везучий, умер неожиданно, как говорили врачи, мгновенно, еще молодым и очень счастливым, с кучей дурацких планов, дал мне подсказку, как хорошо уходить, а я не прислушался. Такой был дурак. А теперь одно утешение – настолько ослаб, что орать и визжать от ужаса не смогу при всем желании; и на том спасибо, хоть остатки достоинства сохраню.

Открыв глаза, увидел, что у изголовья постели кто-то сидит на стуле, подумал: наверное, медсестра, в больницах положено, чтобы при умирающем кто-то дежурил. Вернее, медбрат, вон какой длинный; ай, да какая разница, кто пришел тебя провожать.

Впрочем, разница все-таки есть.

– Видишь, я снова смог договориться, – сказал ему Зденек, такой молодой и красивый, что снова ощутил давно забытую зависть: я тоже хочу быть таким, а не этим бессмысленным искромсанным хирургическими ножами, накачанным морфием мягким кожаным бурдюком, почти пустым, только жалкий, подкисший остаток жизни на самом дне.

– Всегда знал, что ты доживешь до старости, – говорил Зденек. – А старикам трудно умирать, если только не выжили вовремя из ума. Но дураку понятно, что эта лазейка не для тебя. Поэтому заранее договорился, чтобы мне разрешили тебя подождать; я кого хочешь уболтаю, ты знаешь. Прикинул: увидишь меня, начнешь по привычке выпендриваться, забудешь о страхе, красиво уйдешь.

Глазам своим, конечно, не верил. Ушам – тем более. Предсмертные галлюцинации – обычное дело, в свое время много об этом читал. Но какая разница, пришел к нему Зденек или просто примерещился. Главное – он здесь.

– Там действительно до хрена всего интересного, – говорил тем временем Зденек, – я тебе той ночью – помнишь? – не врал. Пока ждал тебя, не сидел на месте, кое-что разведал, не то чтобы много, но есть с чего начать. Может, пойдем прямо сейчас? Зачем тебе эта дурацкая агония? Ты упрямый, я тебя знаю, не захочешь сразу сдаваться, а никакого особого смысла в этих мучениях нет.

Молча кивнул, и тогда Зденек протянул ему руку, помог подняться; это оказалось неожиданно легко. А потом они вместе – сидя? стоя? паря под потолком? хрена лысого разберешь, когда такое творится, – смотрели, как дрожит, пузырится, сияет и кружится все еще зримый мир, как постепенно светлеет и загустевает ночное небо над городом, словно в него добавили молоко.

Улица Альгирдо (Algirdo g.) Введение в контекст

Несколько эпизодов из жизни сотрудников Граничной полиции города Вильнюса

– Это и есть адское смертоносное хрючево? – спрашивает высокий незнакомец в черном пальто.

В руке у него красный картонный стакан из кофейного автомата. Судя по безмятежному выражению лица, он еще не успел сделать ни глотка. От кофе из этого автомата кого хочешь перекосило бы. Даже его.

Таня смотрит на незнакомца в черном пальто, улыбается все шире и шире и ничего не может сделать с этой своей дурацкой улыбкой, потому что, конечно, его узнала, вернее, сразу поняла, кто он такой. Старый друг; ну то есть как – друг. На самом деле просто фейсбучный приятель. Никогда прежде его не видела, но – даже не то чтобы надеялась однажды случайно встретиться в городе, скорее, считала, что их встреча вполне неизбежна. Когда регулярно болтаешь в фейсбуке с ангелом смерти, поневоле привыкаешь к мысли, что однажды он придет за тобой. Даже отчасти на это рассчитываешь. В смысле всем сердцем надеешься, что старый верный читатель, не оставляющий без лайка ни одной фотографии твоего кота, не доверит такое важное дело, как завершение твоей жизни, черт знает кому.

Хотя, – думает Таня, – именно сейчас это было бы крайне некстати. Работы много, и что-то чем дальше, тем ее больше. Чуть ли не через день какой-нибудь впечатлительный гость подкидывает нам очередную несовместимую с жизнью иллюзию хренадцатой с гаком степени достоверности; из всех потусторонних щелей, открытых, чтобы в городе всегда дул вольный ветер неведомого, за компанию с ветром бодро лезет не пойми что, как правило, очень голодное; дня не проходит, чтобы какой-нибудь неосторожный прохожий, замечтавшись, не провалился за ветхую подкладку реальности, на ее изнанку, где без специальной подготовки уцелеть мало шансов; при этом рутинных еженощных противозаконных кошмаров тоже никто не отменял. Старых кадров просто на все не хватает, а от новичков пока мало толку, их еще учить и учить. А тут еще я такая – ну все, я пошла, не скучайте, привет!

Стефан, – думает Таня, – будет страшно ругаться, если я вот так безответственно возьму и помру за полчаса до дежурства. И, чего доброго, обратно за ухо приволочет. Стефан есть Стефан, у него особо не забалуешь; при всех его несомненных достоинствах, работать с ним нелегко.

– Нет, – наконец говорит она. – В этом автомате не смертоносное. Согласно моей классификации, просто обычное адское хрючево. Не надо тебе его пить.

– Да ладно, не настолько я привередлив, – старый друг-незнакомец тоже улыбается до ушей. – К тому же я сейчас не на работе, – поспешно добавляет он. – Поэтому легко обойдусь без всего смертоносного. Обычное адское хрючево тоже вполне сойдет.

– Я имею в виду, кофе из этого автомата недостаточно ужасный, чтобы пить его ради обретения уникального опыта, – объясняет Таня. – А об удовольствии, сам понимаешь, речи нет. Но если уж так удачно сложилось, что мы встретились на вокзале, ты не на работе, и у меня еще почти полчаса до начала дежурства, пошли дойдем до автобусной станции, покажу тебе кофейный автомат с настоящим адским смертоносным хрючевом. Равных ему во всем городе нет.

– А это что, вылить? – спрашивает незнакомец, в смысле старый фейсбучный приятель, выразительно крутя в руках свой красный картонный стакан.

– Не надо ничего выливать, – говорит Таня. – Лучше отдай его мне. Я за ним сюда специально пришла. Перед каждым дежурством обязательно пропускаю стаканчик привокзального адского хрючева, просто для создания рабочего настроения.

– Чтобы в достаточной степени озвереть и стать настоящим злым полицейским? – подмигивает ей ангел смерти.

– Что-то вроде того, – невозмутимо кивает Таня. И, помолчав, добавляет: – Я так рада, что мы с тобой наконец-то встретились, и ты при этом не на работе, а я не сплю, то есть не на дежурстве. Зашибись получилось. Идеальный вариант.

* * *

Демон Виктор Бенедиктович, кое-как задремавший после бессонной ночи – до утра возился с очередным отчетом, все сделал как надо, предсказуемо чуть не сдох, – подскакивает от птичьего щебета своего дверного звонка. Серdito спросонок думает, нашаривая ногами тапки: это кого еще принесло? Наконец, приходит в себя, вспоминает: я же никого не жду, ни посылку, ни доставку продуктов, ни электрика с водопроводчиком, так что пошли все в задницу, не буду открывать, – и снова укладывается на диван, демонстративно накрыв голову подушкой. Но тут же снова подскакивает, вспомнив, что обычно его дверной звонок пронзительно верещит, как голос Пятой Седой Негодующей Твари в летнем доме старшего мертвого брата над вечной пропастью Йенн; потому, собственно, и установил его – из сентиментальных соображений, чтобы почаще вспоминать любимого брата и всех остальных. А на птичий щебет звонок переходит только по воле Стефана. Старому другу почему-то не нравится голос Пятой Седой Негодующей Твари; может, его просто в детстве укусила такая? Интересно, очень ли бестактно будет его об этом спросить?

Демон Виктор Бенедиктович, кряхтя, поднимает с дивана свое немолодое грузное тело; привычно удивляется: зачем я такое выбрал? – привычно же вспоминает: думал, будет смешно; собственно, поначалу и было, просто потом надоело, невозможно смеяться над одной и той же шуткой шестьдесят лет подряд, – и идет открывать.

Стефан стоит на пороге, такой сияющий, словно подрядился на полставки подрабатывать в этом городе дополнительным солнцем; с него, кстати, стало бы, он неугомонный и жадный до любых новых дел. Говорит:

– Я с гостинцем.

И достает из кармана куртки прозрачную аптечную склянку, на дне которой беспокойно ворочается густая тяжелая крупная капля Синей Шор-Обрианской Тьмы.

– Ну ты даешь, – восхищенно вздыхает Виктор Бенедиктович. И от избытка чувств повторяет: – Ну ты даешь!

Синюю Шор-Обрианскую Тьму он в этом дурацком человеческом теле, конечно, не выпьет. Но ее не обязательно пить, достаточно втереть в кожу на висках и запястьях, а потом вдыхать аромат, явственно ощущая, как откуда-то из тайных глубин твоего существа поднимается жаркая веселая сила, которую, наверное, можно назвать местным человеческим словом «счастье»; это будет очень неточно, но все-таки по смыслу ближе всего.

– Пустяки, – отмахивается Стефан. – Совершенно случайно мне досталась. Один знакомый контрабандист с Другой Стороны подарил.

На самом деле он чрезвычайно доволен собой. Стефан любит делать подарки почти больше всего на свете. Больше, чем делать подарки, он любит только командовать и спасать.

Вот и сейчас сразу начинает командовать:

– А ну давай, включай свою кофеварку. Мне тоже срочно требуется тьма. Но не Шор-Обрианская, а местная, крепкая, горькая, хорошо бы со сливками, потому что так жрать хочется, что аж переночевать негде. И не с кем. Да и некому, если начистоту.

Открывает холодильник, вытаскивает оттуда кусок подсохшего сыра, впивается в него зубами, с набитым ртом говорит:

– Прости. Я не хамло бесцеремонное, как может показаться, а просто зверски голодный. Тут у нас такие дела: сперва объявился очередной фрагмент Серого Ада, тридцать восьмой степени достоверности, как обычно, возле вокзала, где еще ему быть. Полночи с ним разбирались, а прямо с утра пораньше пришлось гоняться за Голодным Мраком, да не простым, а очень старым и хитрым, сумевшим объявиться одновременно в трех местах; что-то, кстати, в последнее время эти твари к нам зачастили, надо бы с ними разобраться кардинально, раз и навсегда. С другой стороны, чему я удивляюсь? Все наши входы и выходы нараспашку, штатных дневных чудовищ пока не хватает, вот и прет на свободное место неведомо что. А закрываться даже на время – не выход, какой мы тогда, к ядреным чертям, Граничный город, правильно?.. Слушай, я что, невовремя? Ты мне не рад?

– Я тебе рад, насколько вообще могу сейчас хоть чему-нибудь радоваться, – отвечает демон Виктор Бенедиктович, аккуратно свинчивая крышку с заветной склянки. – Почти не спал. Всю ночь с отчетом валандался.

– С отчетом? – хмурится Стефан. – Но тебе еще несколько лет до конца контракта, зачем какой-то отчет?

– Восемнадцать, – педантично уточняет Виктор Бенедиктович. – Как по мне, это не «несколько лет», а целая чертова вечность, чтоб ей пусто было... Впрочем, нет, лучше не надо пусто, все-таки вечность – не чья-нибудь, а моя. А чего ты вдруг всполошился? Я писал обычный рутинный отчет, по моей текущей человеческой работе. Особого смысла в нем нет, и даже практическая польза, на мой взгляд, крайне сомнительна, но все, за что по какой-то причине берешься, следует делать хорошо. Вот и сидел до утра, куда деваться. А мое дурацкое тело не для подвигов рождено. Ничего, твой гостинец это быстро поправит; если экономно расходовать, его хватит надолго, может, на целый год. Спасибо, я твой должник.

– Да ладно тебе, – смеется Стефан. – Можешь считать это взяткой. Не в обмен на что-то конкретное, просто всем нам здесь очень нужен максимально счастливый ты, насколько это вообще сейчас для тебя возможно. Окажешь мне такую услугу?

– Постараюсь, – улыбается демон Виктор Бенедиктович. – Кстати, давно собирался тебя спросить, но боялся показаться бестактным. Однако пока ты бесцеремонно роешься в моем холодильнике...

– Да-да-да, – с набитым ртом мычит Стефан, только что вероломно лишивший старого друга здоровенного куса ветчины. – Сейчас идеальный момент, чтобы забить на правила хорошего тона. Просто звезды на редкость удачно встали, да еще и на растущей Луне. О чем ты хотел спросить?

– Какие у тебя проблемы с Седыми Негодующими Тварями? Они тебя что, в детстве покусали?

– Никто меня не кусал, – удивленно отвечает Стефан. – Я об этих твоих Негодующих Тварях до знакомства с тобой вообще слыхом не слыхивал. А с чего ты решил, будто?..

– Да с того, что тебе мой дверной звонок не нравится.

– Ну так просто он верещит фальшиво, – совершенно серьезно объясняет Стефан. – А у меня очень тонкий слух и ярко выраженное стремление к гармонии. И, вынужден признать, как это ни постыдно, крайне консервативный вкус. Я даже атональную музыку с трудом выдерживаю, какая может быть Негодующая Тварь.

– Да, ты действительно консерватор, – соглашается демон Виктор Бенедиктович. – Но для твоей нынешней должности так, наверное, даже лучше. Авангардист на страже порядка – это, как по мне, перебор.

Он осторожно макает палец в густую подвижную каплю цвета ночного неба, тщательно закручивает крышку, мажет тьмой виски и запястья, втирает, массирует и вдруг начинает плакать. Такое вообще-то с ним очень редко случается. Только в самые трудные дни.

– Это тебе так хорошо или все-таки плохо? – встревоженно спрашивает Стефан.

Виктор Бенедиктович машет рукой, дескать, отстань, потом. Стефан кивает, берет приготовленный кофе и усаживается на подоконник, чтобы не мешать.

– Прости, – наконец говорит демон Виктор Бенедиктович. – Конечно, мне сейчас хорошо. И по контрасту с обычным моим состоянием особенно остро понятно, насколько же я устал от жизни в этом дурацком теле, способность которого испытывать боль, на мой взгляд, несоразмерна практической необходимости, зато все остальные ощущения почему-то притуплены в гораздо большей степени, чем у старейших из наших мертвецов. А мне еще восемнадцать лет тут сидеть, согласно контракту. Не знаю, как я их вытерплю. Очень хочу домой.

– Это я понимаю, – серьезно кивает Стефан. – Сам иногда так здесь устаю, что начинаю думать: а может, послать все к черту?..

– Ай, не свисти, – невольно улыбается Виктор Бенедиктович. – А то я не знаю, что ты любишь этот нелепый город чуть ли не больше собственной жизни. Кого ты хочешь обмануть?

Стефан задумчиво улыбается:

– Да знаешь, пожалуй, не столько сам город, сколько возможности, которые здесь открываются перед такими, как я, и всеми, кто по воле судьбы окажется рядом. В мире, где почти все считается невозможным, любое действие, исполненное любви и силы, становится чудом. А я обожаю чудеса. Родился бы обычным человеческим человеком, стал бы небось цирковым фокусником, чтобы вконец не затосковать. Но если уж так повезло, как мне, грех отказываться. Пока карта прет, надо играть.

– Твоя правда, – кивает демон Виктор Бенедиктович. – Где и выступать с фокусами, если не здесь. Когда закончится мой контракт, знаешь, чем займусь первым делом?

– Напьемся? – смеется Стефан.

– Это да, непременно. А проспавшись, сразу засяду за ходатайство в Высшую Потустороннюю Комиссию о многократном увеличении числа Граничных городов в этой, на мой взгляд, до абсурда печальной реальности. Здесь иначе вообще нельзя. Или открываем все окна и двери нараспашку, выворачиваем наизнанку все, что получится вывернуть, стираем границы между явью и сном, перемешиваем сбывшееся с несбывшимся, в самых неожиданных местах размещаем удивительные возможности, а сверху густо посыпаем прельстительными наваждениями, просто для красоты, или получаем на свою голову совершенно бессмысленный ад, который противоречит не только гуманистическим соображениям, но и здравому смыслу. Зачем он такой?

– Вот это будет доброе дело, – благодарно улыбается Стефан. – Ко мне они там не особо прислушиваются, у меня та еще репутация, зато твое слово – почти закон. – И, помолчав, добавляет: – Ты Синюю Тьму особо не экономь. Ни в чем себе не отказывай. Мой приятель обещал, что скоро притащит еще. А мне она, ты знаешь, без надобности. Я сам себе Синяя Шор-Обрианская Тьма.

* * *

– Меткий стрелок хорошо целится, делает необходимые поправки на ветер, ловко выпускает стрелу и обычно попадает в цель, – говорит Безымянный.

Как еще его называть после того, как он сжег свои имена, пока никто не придумал, а ему самому, похоже, все равно. Выкручивайтесь, как знаете, дорогие друзья, это ваша проблема. Я весь, целиком – ваша проблема. Сладчайшая из ваших неразрешимых проблем.

– Безупречный стрелок, – продолжает Безымянный, довольный, как кот, только что безнаказанно вылакавший полную крынку хозяйских сливок, – выпустив стрелу, направляет ее полет своей нестигаемой волей; он всегда попадает в цель.

Неудачно вышло, что он дома один, – думает Альгирдас. – Сидел бы тут Нёхиси, хоть в каком-нибудь виде, мне было бы проще. Он, конечно, сам по себе вполне ужасающий, даже когда кажется облаком или птицей, зато его в присутствии Безымянный никогда не выходит из берегов.

– Ну и, конечно, настоящий мастер стрельбы из лука, выпустив стрелу, не ждет результата, а отворачивается и уходит в поисках новой цели, – говорит Безымянный. – Он и так знает, что его стрела попала в мишень. Просто не могла не попасть.

Альгирдас пришел вовсе не за наставлениями. Сам мог бы такие дюжинами раздавать. Но все равно вежливо слушает. В некоторые моменты Безымянного лучше не перебивать. Например, когда собираешься выписать ему штраф за превышение полномочий, а он внезапно решил осчастливить тебя лекцией по прикладной философии. Не хочешь внезапно очнуться на другом краю города в женском ситцевом сарафане и, например, с бородой до пояса, – молчи и внимай. Желательно с умным лицом.

– Но все это полная ерунда, – неожиданно заключает Безымянный. – По-настоящему интересен совсем другой уровень мастерства. Тот, на котором ты сам – и стрелок, и мишень, и летящая стрела. И абсолютно неважно, насколько метким оказался твой выстрел. Важно только, был ты всем этим или не был. И кем в результате стал. Я вот, к примеру, однажды стал всем этим городом сразу, его разумом, силой и волей, его одиночеством, его тоской по несбывшемуся, его голосом, смехом и звонким криком: «Выходи играть!» – и всеми храбрыми игроками, и самой игрой. И это оказалось так восхитительно, что хожу теперь совершенно офонаревший. Никак в свое счастье поверить не могу. А и не надо. Зачем во что-то невероятное верить, когда можно просто им быть.

– Что офонаревший – это довольно заметно, – наконец говорит Альгирдас. – Я имею в виду, у тебя глаза горят, как фонари. Хотя на улице белый день.

– Ну что ж теперь делать. Не могу же я быть счастливым строго по ночам ради экономии внутренней электроэнергии. Да и толку-то экономить то, чего бесконечно много, сам посуди. Хочешь кофе? Он у меня вообще-то закончился. Но вот ты пришел, и я смотрю: снова полбанки есть. Сразу видно хорошего гостя. Все бы так вовремя приходили, когда мне лень в лавку идти.

– Кофе очень хочу, – говорит Альгирдас. – Но, по-моему, это как-то нечестно – пить кофе с тем, кого пришел...

– Оштрафовать? – улыбается Безымянный. – Я так и знал, что Стефан тебя пришлет. Или Татьяну. Ему самому обычно неловко все эти ваши нелепые штрафные квитанции мне под нос совать.

– Да перестань, все ему ловко, – отмахивается Альгирдас. – Была бы у Стефана мать, первым делом оштрафовал бы ее за собственное рождение. И, кстати, было бы поделом. Просто тебе всегда удается так заболтать шефа, что он забывает, зачем приходил, а потом вопрос становится неактуальным, потому что ты успеваешь натворить что-нибудь еще.

– Да, – соглашается Безымянный, – я настоящий трудяга. Всем пример. Вы из-за хостела на меня рассерчали? Имеете полное право. Хотя, по-моему, было весело...

– Обхохочешься, – кивает Альгирдас. – Двадцать семь постояльцев уснули в хостеле на улице Видуолё, а проснулись в том же самом хостеле, но почему-то на улице Паупё¹. С утра посмотрели в окна. Что потом было, ты знаешь лучше, чем я.

– Ничего особо ужасного, кстати. Даже в окно никто с перепугу не выпрыгнул. И докторов к ним не вызывали. Крепкая нынче пошла молодежь. На самом деле я очень рад за ребят. Не с каждым происходят настолько необъяснимые вещи, да еще и в присутствии такой кучи свидетелей, что на игру воображения и похмелье, хоть тресни, не спишешь. Сам хотел бы оказаться на их месте. Впрочем, я и оказался. Побывал каждым из них. Изнутри это еще более прекрасное зрелище, чем снаружи: паника, растерянность, полное непонимание и поперек всего этого – яркий, неистовый, неподдельный восторг. Нёхиси вон до сих пор там крутится, никак наиграться не может; таким довольным я его с прошлой зимы не видел. Все-таки я удивительный молодец.

Он сейчас так беззастенчиво самодоволен, что Альгирдас постепенно начинает понимать, почему все его коллеги время от времени испытывают желание дать этому милому и обаятельному челу... ладно, скажем так, существу в глаз. До сих пор ему казалось, ребята преувеличивают, делают из мухи слона. Но, пожалуй, все-таки нет.

Однако затевать драку с этим типом, когда он в таком приподнятом настроении, совершенно бесполезно. Максимум – захохочет, вылетит в трубу, и штрафные квитанции останутся неподписанными. А это не дело совсем.

Поэтому Альгирдас строго говорит:

– Тем не менее, перемещать с места на место здания, населенные людьми, строжайше запрещено двести третьей статьей Граничного Кодекса. И ты это знаешь...

– Ты переоцениваешь мои способности. В этом вашем Граничном Кодексе четыреста с лишним статей. Да я сдохну прежде, чем хоть половину вызубрю. А жизнь между тем хороша. Настолько хороша, что я с превеликим удовольствием заплачу столько штрафов, сколько потребуется. Слова тебе поперек не скажу. Сколько с меня?

– Двенадцать экскурсионных сновидений для приезжих и столько же лекционных для местных, – говорит Альгирдас нарочито скучным, канцелярским голосом, чтобы хотя бы отчасти уравновесить своим кислым видом эту благую весть.

Безымянный мечтательно воздевает глаза к потолку:

– Даже местных можно поучить уму-разуму? Спасибо, боже. Неужели я настолько хорошо себя вел? – и, подписывая бумаги, подмигивает Альгирдасу: – Все-таки ужасно смешно, что вы принудительно заставляете меня заниматься тем, что я люблю почти больше всего на свете – морочить головы людям. Сам знаешь, я с огромным удовольствием делал бы это и просто так.

– Просто закон требует, чтобы ты был строго наказан за превышение полномочий и нарушение Граничного Кодекса. А здравый смысл подсказывает, что при этом ты должен быть счастлив, иначе всем в нашем городе крупно не поздоровится. Поэтому вот такой компромисс, – пожимает плечами Альгирдас и принимает из рук оштрафованного гения места здоровенную кружку, до краев полную крепким ароматным кофе, который этот невыносимый тип все-таки варит лучше всех в городе, что бы там кто ни говорил.

¹ Для тех, кто не знаком с топографией Вильнюса, поясним: это – даже не соседние улицы. Расстояние между ними около двух с половиной километров. А вид из окон домов на улицах Видуолё и Паупё открывается настолько разный, что в первый момент вполне можно решить, будто их разделяют многие тысячи километров. И, возможно, века полтора.

* * *

– Познакомьтесь, – говорит Стефан. – Это пани Шона, которую сегодня некоторые из присутствующих видели в комиссариате на Альгирдо². Ее подготовка позволяет буквально с завтрашнего дня начинать нести патрульную службу наяву, в группе Анджея, который давно нуждается в подкреплении, остальному обучим по ходу дела; не представляете, как я рад. Очень любезно с вашей стороны, пани Шона, предоставить для нашей общей встречи уютное пространство своего сновидения. Лично я чувствую себя здесь, как дома. А остальные... ай, ладно, как-нибудь переживут.

Так вот значит как шеф представляет себе домашний уют, – думает Таня, без особого, впрочем, удивления окидывая взглядом пещеру, в которой они все сейчас находятся. С потолка свисают угольно-черные сталактиты, радужные зонты и прозрачные пластиковые пакеты, туго набитые летучими мышами, не то спящими, не то простодохлыми, поди разбери. Зато пол пещеры густо усыпан разноцветными конфетти и блестящей новогодней елочной мишурой, изрядно потрепанной и измятой, как на третий день не в меру затянувшегося праздника. В ближайшую к Тане земляную стену вмонтирована панель управления, как в лифте, на ней всего три кнопки, с надписями «Наверх», «Вниз» и «Не туда». Причем последнюю кнопку, похоже, уже кто-то нажал, потому что пещера неспешно, но явственно движется – не вверх, не вниз, а куда-то вбок. В подобных случаях всегда очень нервирует отсутствие окон и соответственно полная невозможность выглянуть наружу, но Таня напоминает себе: волноваться нет повода, это всего лишь сон. Между прочим, далеко не из худших, просто чужой, а не привычный, рабочий, где хаос, присущий неконтролируемым онейрологическим образам, обычно так или иначе привязан к знакомой топографии городских пространств, которые следует патрулировать. Вот и все.

– Извините, пани Шона, за непрошеное вторжение, – Стефан улыбается, как на светском приеме. – Однако, если вы после этого безобразия не передумаете служить в Граничной полиции, подобные вторжения будут происходить регулярно: общие совещания в пространстве сновидения – рутинная часть нашей работы, имеет смысл заранее к ним привыкать.

Шона чувствует себя полной дурой. Во-первых, она стоит посреди какой-то нелепой пещеры, в окружении толпы незнакомых и нескольких малознакомых людей, причем почему-то в пижаме. Голубой, с оранжевыми утятами. В общем, в какой накануне уснула, в такой и стоит. Во-вторых, босиком, что на самом деле даже к лучшему, потому что домашние тапки у Шоны в виде ушастых собачьих голов, только этих плюшевых церберов здесь сейчас не хватало. В-третьих, она сжимает в руках огненный меч, который до сих пор существовал только в ее воображении. В смысле, когда Шоне мерещилась всякая опасная мерзопакость, которая, по уверениям ее будущих коллег, на самом деле является неотъемлемой, хоть и невидимой для подавляющего большинства людей частью объективной реальности, она мысленно представляла, как рубит врагов на куски огненным мечом, и ей сразу делалось легче. Но теперь меч у Шоны в руках, большой, тяжелый. И пылает, как положено огненному мечу; впрочем, надо отдать ему должное, сдержанно, с достоинством и даже соблюдением техники безопасности, как газовый факел на зимней веранде кафе.

– Извините, – наконец говорит Шона, – что я в таком виде. Просто не знаю, что надо сделать, чтобы присниться себе и всем остальным нормально одетой. Я вообще с детства не видела снов.

² По адресу улица Альгирдо, 20 расположен Второй Вильнюсский Городской Полицейский Комиссариат; вероятно, именно там находится та небольшая часть приемного отделения Граничной Полиции Вильнюса, которая существует наяву.

– Те, кто видит сны каждый день, тоже обычно не знают, как это сделать, поэтому снится им, как правило, что попало, – утешает ее Стефан. – Да вы не смущайтесь. Мы и сами сегодня на удивление хороши.

И то правда. Серьезный седой Альгирдас, прежде казавшийся Шоне воплощением здравого смысла, явился на встречу в тельняшке, шляпе-канотье из розовой соломки и почему-то с губной гармошкой. Таня нарядилась в лохмотья, но не настоящие, а словно бы позаимствованные из театрального гардероба: несколько слоев драных юбок, кружева и искусственные цветы. Блондин по имени Ари, наяву красивый, как выстрел в сердце, стал почему-то полупрозрачным, так что кости черепа явственно проступают сквозь кожу лица; выглядит это настолько пугающе, что не будь у Шоны в руке успокоительного огненного меча, завизжала бы сейчас, как резаный поросенок и проснулась. И вероятно получила бы завтра первый выговор за прогул. Круглолицый кудрявый Анджей, ее будущий непосредственный начальник, с которым познакомилась только сегодня днем, стоит надменный, как римский патриций, завернувшись вместо тоги в старое оранжевое одеяло, зато с таким же, как у самой Шоны огромным огненным мечом. А сам Стефан, начальник городской Граничной Полиции, стал как минимум вдвое выше. Тот факт, что одет он вполне прилично, сводят на нет зачем-то отросшие на его голове удивительные изогнутые рога. Остальных присутствующих Шона пока не знает, но остатки здравого смысла подсказывают, что рыцарские латы, атласные панталоны, костюмы для погружения с аквалангами, драконьи головы и клоунские трико – не совсем обычная форма одежды для полицейских, даже во сне.

– Вот что значит разрешить сотрудникам являться на совещания в штатском, – говорит ей Стефан. – Присниться, когда надо, в форме почему-то ни для кого не проблема, за исключением разве что меня самого. Но, положив руку на сердце, я просто не особо стараюсь. Зачем вообще быть начальником, если не ради привилегии в любой ситуации выглядеть как черт знает что.

Шона растерянно глядит на присутствующих. Присниться в форме, значит, для них не проблема. Ну-ну.

Я вообще не понимаю, – думает Шона, – как это можно: просто так, по собственному желанию взять и присниться кому-то конкретному. И как, интересно, я собираюсь с ними работать? Или я никому сниться не обязана? Они сами приснятся мне, если что?

– Вы еще всему успеете научиться, – улыбается Стефан. – Просто ничего не делается в один день. И не беспокойтесь, сверхурочные за сны про работу у нас аккуратно выплачиваются. За одно сновидение, вне зависимости от его фактической продолжительности, как за полный рабочий день.

Вот уж о чем я сейчас беспокоюсь меньше всего на свете, – думает Шона. Но идея получить какие-то дополнительные деньги за сны про работу кажется ей настолько смешной, что из Шониного рта вылетает небольшая картонка в форме облака, как рисуют в комиксах. На картонке написано: «Ха-ха-ха».

– Не обращайтесь внимания, – говорит Стефан. – Поначалу в сновидениях постоянно какие-нибудь глупости происходят, это совершенно нормально. Потом само пройдет. И станете вы скучной занудой, вроде меня самого.

Скучной занудой трехметрового роста с рогами, – думает Шона. – Прекрасная перспектива.

Но вслух говорит, слава богу, на этот раз просто человеческим голосом, без дурацких картонок:

– Было бы хорошо.

– Вы на самом деле отлично начали, – утешает ее Таня. – Всех сразу во сне увидеть смогли. Мне, например, когда поступила на службу, первые пару месяцев вообще никто кроме

Стефана не снился. Да и он только потому, что вообще в любое сновидение пролезть способен, даже камню может присниться, если ему припечет.

– Удовольствие, кстати, более чем сомнительное, – встречается Стефан. – Сны у камней медленные, тягучие и тяжелые, вконец изведешься, пока они хоть что-нибудь поймут. Если у вас однажды появится выбор, сниться камням или нет, мой вам совет: отказывайтесь наотрез.

– Ладно, – кивает Шона. – Не стану сниться камням. – И спрашивает, набравшись храбрости: – А этот мой сон – он что, правда, наш общий? И мы все будем помнить его наяву?

– Очень на это надеюсь. Забывать сны – крайне непрофессионально и безответственно. Да и просто обидно, в конце концов. Люди, конечно, редко что-то запоминают, но с моих сотрудников особый спрос.

– И все запомнят, что я была одета в пижаму, а у вас выросли рога? Или каждый видит что-то свое?

– Видеть «что-то свое» даже более непрофессионально и безответственно, чем забывать, – строго говорит Стефан. – Во сне следует видеть вещи такими, каковы они есть. Впрочем, наяву вы с этим отлично справляетесь. Я имею в виду, видите все настолько, как есть, что это невыносимо для неподготовленного человека. Значит, и во сне не должно быть проблем.

Шона еще о многом хочет его расспросить, но просыпается от звона будильника. Немного невовремя, но ничего не поделаешь: чтобы успеть на работу, надо вставать.

Вот интересно, – думает Шона по дороге на кухню, – когда снится, что ты на работе и одновременно надо вставать, чтобы наяву пойти на работу, что следует предпочесть? Какие у нас приоритеты? Надо будет спросить.

Улица Антоколскё (M. Antokolskio gatvė) Шесть чуд

– Теперь будешь волшебник.

Целую секунду думал: «Где я? Кто я? Зачем?» Потом сообразил, что для начала неплохо бы открыть глаза. И ответы на вопросы, возможно, появятся сами.

Ну, или не появятся.

Ответ на первый вопрос: в гостиной у Иоланты. На диване. Зашел, называется, провести родню. И тут же заснул сидя, вот молодец.

Ай, ладно. Я после дежурства. Сестричка простит.

Ответ на второй вопрос: я – Томас. Доктор Томас – это я, такие дела. И хватит об этом.

Ответ на третий вопрос нет и не будет. По крайней мере, явно не сейчас.

– Я сделала волшебную палочку. И тебе дарю. Теперь будешь волшебник!

Племянница Элька забралась на колени, машет перед носом сухой веточкой, завернутой в малиновую фольгу от шоколада.

Переспросил:

– Это мне?

Элька серьезно кивнула.

– Ты в прошлый раз говорил маме, что ты не волшебник. И был такой грустный. А теперь будешь волшебник, потому что я сделала для тебя волшебную палочку на шесть чуд.

Элька с тех пор, как научилась считать, очень любит число шесть. Назначила его самым главным и самым сказочным числом в мире. Кто ее разберет почему.

Подумал: надо же. Дети – загадочный народ. Никогда заранее не знаешь, что из наших взрослых разговоров они услышат и запомнят. И как это поймут. И что из этого впоследствии. Но Элька-то у нас какая молодец. Подслушала разговор, выяснила, что дядя Томас не волшебник, и вместо того, чтобы навек разочароваться на радость своим будущим психоаналитикам, тут же придумала, как исправить ситуацию. Все бы так.

Сохраняя серьезность, поблагодарил племянницу, спрятал блестящую палочку во внутренний карман.

– Только не забудь, когда шесть раз поколдуешь, чуды закончатся, – предупредила Элька. – Ты не плачь тогда!

Пообещал:

– Не буду плакать. Шесть чудес – это очень много. Мне хватит.

От обеда наотрез отказался. Сказал сестре: «Ну его к черту, лучше просто свари мне кофе, от еды совсем развезет. А мне бы до ночи на ногах продержаться».

– Опять работать? – сочувственно спросила Иоланта.

– Упаси боже. Я бы сейчас наработал, пожалуй. Ко мне друг приехал, завтра утром опять умогает. Если не погуляю с ним сегодня, все локти потом искусаю. Он редко до меня добирается.

– Самое время гулять, – вздохнула сестра. – Погодка что надо. Эх вы, счастливики.

...Погода, к слову сказать, была вполне ничего – для декабря. Минус два – не минус двенадцать. Небо затянуто облаками, но их них, хвала Небесной Канцелярии, ничего не сыпется и не льется. И ветер с реки просто зябкий, а не такой студеный, как обычно в эту пору.

Грех жаловаться.

* * *

– Я все продумал, – бодро сказал Томас. – Будем передвигаться короткими перебежками, от кофейни к кофейне. Мерзнуть и греться, мерзнуть и снова греться. И так – до упора, пока на ногах стоим. Правда здорово?

– *Из огня, стало быть, опять на лед. Похоже, что вы уготовили мне ад уже на земле*³, – продекламировал Юл, ходячий сборник неопознаваемых цитат.

Выглядел он, впрочем, совершенно довольным.

Четыре часа, пять чашек кофе, три глинтвейна, флягу коньяку и полбутылки рому на двоих спустя, оба не чувствовали ни кончиков замерзших пальцев, ни земли под ногами, были невесомы, как лунные жители, возбуждены и громкоголосы, как вырвавшиеся из-под опеки подростки, на языках, как в старые времена, плясал веселый огонь – все равно, о чем говорить, какие слова бросать в эту ненасытную топку, лишь бы не умолкать, не успокаиваться, не останавливаться, не вспоминать об усталости, не поворачивать в сторону теплого дома – успеется, потом, не сейчас, *мы только разыгрались*.

Томас сам не знал, за каким лешим полез во внутренний карман – бумажник на улице был без надобности, а ничего иного за пазухой у него обычно не хранилось. Вытащил палочку, завернутую в малиновую фольгу, расплылся в улыбке:

– О! Гляди, что у меня есть. Элькин подарок. Волшебная палочка. Да не простая, а на целых шесть чуд.

– Полезная штука, – одобрил Юл. – Давай колдовать, раз так.

– Давай. Заказывай. Чего хочешь?

Они как раз свернули под арку, на Антоколскё, освещенную не фонарями, а несколькими бледными окнами. Летом здесь приходится пробираться бочком, потому что всю узкую непроезжую мостовую занимают столы, выставленные из кафе «Рене», а стулья то и дело норовят выбраться на тротуары. Но сейчас пусто, ни столов, ни прохожих, ни толстых дворовых котов, ни даже голубей. *Необъятный простор и ничего священного*⁴, мог бы продекламировать Юл, если бы не был так занят сочинением грядущих чудес.

– Хочу, чтобы в городе зацвел шиповник, – наконец объявил он. – Ну хотя бы только ближайший куст, – и убедительно ткнул указующим перстом куда-то в темноту двора.

– А там точно есть шиповник? Никогда не замечал.

– Да точно, точно. Помню, как он цвел на этом самом месте в позапрошлом августе. Ты каких-то знакомых девиц в кафе заметил и побежал охмурять, а я от скуки занялся прикладной ботаникой. Все окрестные цветы перенюхал, тебя дожидаясь. Неужели не помнишь?

– Конечно, не помню. Но верю тебе на слово, – кивнул Томас и взмахнул Элькиной палочкой. – Пусть зацветет шиповник во дворе!

Ничего, конечно, не произошло. Впрочем, двор был такой темный, что поди проверь. И шли-то почти наугад, наощупь. Если в подобных обстоятельствах вам вдруг приспичит вообразить, будто где-то неподалеку расцвел куст шиповника – на здоровье. Реальность в темноте

³ Томас Манн «Доктор Фаустус», перевод с немецкого С. Апта и Наталии Ман.

⁴ Ответ Бодхидхармы на вопрос императора Лян Уди о главной истине Учения.

становится смирной и стоворчивой, мнения своего прохожим не навязывает и причудам их фантазии особо не препятствует.

– Надо бы теперь тепла наколдовать, – спохватился Томас. – Твоему шиповнику этот наш дурацкий минус совсем не понравится. Как думаешь?

– Ни в чем себе не отказывай. Чего ты меня спрашиваешь? Палочка-то у тебя.

– Палочка у меня, а чудеса – твои. Я же сам тебе предложил заказывать. А тут целое желание, получается, корыстно отбираю. Вопреки законам гостеприимства.

– Ничего, я тоже погреться не откажусь. Только смотри не переусердствуй. Не больше плюс десяти. Все-таки не апрель какой-нибудь на улице. А лютый теоретически декабрь. Совесть надо иметь.

– Ну да, чтобы братья-месяцы рыла нам не начистили за усердие, – ухмыльнулся Томас. Снова взмахнул Элькиной палочкой, приказал:

– Пусть потеплеет до плюс десяти!

В глубине души, смешно сказать, надеялся: а вдруг получится? Оттепель сейчас не помешала бы. Хоть на пару часов. Очень уж замерз, а домой пока совершенно не хочется. Когда еще так погуляем.

Но теплее, конечно, не стало. Разве что совсем чуть-чуть. Нос, по крайней мере, мерзнуть перестал, и к рукам понемногу возвращалась чувствительность. Впрочем, это можно было списать на совокупное действие всех употребленных в ходе прогулки напитков. В какой-то момент они просто обязаны были сработать. Так почему бы не сейчас.

– А еще пусть в ваших краях немедленно заведется птица шухшнабель, – неожиданно потребовал Юл.

– Кто-кто пусть заведется?

– Птица шухшнабель. Она же королевская цапля. По-арабски абу-маркуб, отец башмака. По-русски китоглав. Никогда не видел? Неудивительно. Они только в болотах Африки водятся.

– Как тебя туда занесло?

– Не занесло. Я шухшнабеля в зоопарке встретил, кажется, в Цюрихе. Отличается от прочих птиц примерно как жираф от остальных млекопитающих. То есть натурально инопланетянин. Воооот такенный клюв, – Юл убедительно развел руки в стороны. – Как с такой конструкцией можно взлететь – неведомо. Однако летает, факт. Меня от его вольтера силой уводили, любовь с первого взгляда. Поверь на слово, дружная стайка таких птиц украсит любой город. А уж Вильнюс и подавно. Этому городу вообще все к лицу.

– Ладно, хорошо. Пусть у нас будет птица шухшнабель, – кивнул Томас.

И взмахнул Элькиной палочкой.

– Если уж возможна птица шухшнабель, значит, возможно вообще все, – решил Юл. – Поэтому четвертым пунктом у нас с тобой будет лестница в небо.

– Stairway to Heaven?

– Йес, сэр. Она же Лестница Иакова, мирадж Магомета, со следами Будды на нижней и верхней ступеньках. *Лестница с горных небес, по которой ангелы и духи поднимаются в течение дня продолжительностью в пятьдесят тысяч лет...* Впрочем, нет, это как-то слишком. В течение дня, и точка.

– Лестница в небо, договорились, – легко согласился Томас. – Стало быть, теперь небеса станут отворяться для нас на одну ночь в году?

– На самом деле лучше бы почаще. И не в какой-то конкретный день, а наугад, как получится. И всякий раз в новом месте. Непредсказуемо. Чтобы никто не мог подготовиться заранее. На небеса следует попадать внезапно, ошарашенным, счастливым и благодарным за такую удачу, иначе – нечестно.

– Ладно, как скажешь.

И, направив Элькину палочку строго вверх, объявил:

– Желаем, чтобы время от времени с неба в город спускалась лестница, и каждый, на чьем пути она окажется, мог бы воспользоваться такой оказией и добраться до каких-нибудь таких небес, где ему непременно понравится.

Замаялся и поспешно добавил:

– Но и остальным пусть будет с этого прирост. Пусть весь город продувает в такие дни небесным сквозняком, чтобы легче дышалось нам всем. Чтобы был в нашей жизни хоть какой-то смысл... Вернее, чтобы смысл, который и так есть, становился наконец очевиден.

– Годится, – одобрительно кивнул Юл. – Так гораздо лучше, чем просто лестница для отдельных праведников и прочих счастливиц. И при таком раскладе мне хотелось бы приезжать сюда почаще. Обидно было бы все пропустить. Это – заказ.

– Не вопрос, – улыбнулся Томас. И взмахнул палочкой. – Пусть Юл приезжает сюда почаще. Например... – и адресовал другу вопросительный взгляд.

– Ну, хотя бы пару раз в год, – вздохнул тот. – А еще лучше – раз в месяц. Хотя совершенно не представляю, как это организовать. На чудо одна надежда.

– Раз в месяц, – твердо сказал Томас. И еще раз взмахнул палочкой для закрепления успеха.

– Отлично, – Юл улыбался до ушей. – Будущее мое, таким образом, начинает становиться вполне лучезарным.

– И при этом у тебя осталось еще одно желание, – напомнил Томас.

– Оставь его себе. Заначь на черный день. Пусть будет. Мало ли, чего тебе завтра в голову взбредет.

– Завтра ты уедешь. И настроение будет уже совсем не то.

– Вот именно поэтому, – кивнул Юл. И веско повторил: – Именно поэтому.

– Ладно, как скажешь. Тогда пойдем поищем какой-нибудь путевый бар. Потому что лично я замерз как цуцик. Какие-то хреновые плюсы десять у нас с тобой получились.

– Ну уж, какие есть, все наши, – безмятежно отвечал Юл.

Домой возвращались уже за полночь.

– Вот же черт! – внезапно выругался Юл возле самого подъезда.

– Кто тебя обидел, прелестное дитя?

– В лужу вляпался, – сердитой скороговоркой объяснил он. – Полечу завтра весь такой прекрасный в замызганных штанах, переодеться-то не во что. В твои я при всем желании не влезу.

– Где ты лужу-то нашел? Они уже недели две как замерзли.

– Когда они замерзли – это тебе виднее. Но в честь моего визита, как видишь, решили растаять. Чтобы оставить в моей жизни неизгладимый след. В смысле неисчищаемый.

– Смотри-ка, и правда все растаяло, – изумился Томас. – Ну надо же. Выходит, оттепель мы с тобой все-таки наколдовали. Такие молодцы. Слава нам!

– Всегда знал, что за колдовство полагается зловещее возмездие, – проворчал Юл. – Но не предполагал, что выйдет настолько досадно. Хоть плачь.

– Плакать нельзя, – вспомнил Томас. – Элька не велела.

– Тогда не буду. Маленьких девочек надо слушаться. Этот мир принадлежит им.

* * *

После почти двух суток на ногах спал как убитый. Сквозь сон слышал, как бродит до дому Юл, шумит вода в ванной, гремит кухонная посуда, но не смог даже открыть глаза. Неубедительно пробормотал что-то вроде: «Надо же тебя отвезти», – и тут же заснул крепче прежнего, так и не услышав ответ: «Не говори ерунду, вызову такси».

Проснулся только в полдень, от телефонного писка. Прочитал сообщение: «Я уже прилетел». Озадаченно покачал головой – вот это заспался! Из больницы ни разу не звонили, значит, там все в порядке. Лучшая новость – отсутствие новостей, в моем случае это чистая правда. Значит – что? Значит, можно просто отдыхать дальше. Ну надо же.

Нажал кнопку кофейного аппарата, подошел к окну. Стоял, уткнувшись носом в стекло, слушал, как фыркает умная машина. Без особого интереса привычно взглянул на градусник – сколько там у нас? Сегодня, впрочем, это не имеет особого значения, если холодно, можно просто сидеть дома, какое сча... Что?!

На градуснике было плюс десять. И на солнечные лучи не спишешь, пасмурно. Да и вообще северная сторона, тут всегда тень.

Подумал: наколдовали все-таки оттепель, ай да мы! Отлично погуляли, ничего не скажешь.

Понятно, что просто совпадение. Но какая разница. Все равно здорово.

Написал Юлу: «А у нас, между прочим, плюс десять». Тот сразу же ответил: «Неудивительно. Когда я выходил, уже было плюс семь».

Минуту спустя, когда сделал первый глоток кофе, телефон снова брякнул. «Проверь, как там мой шиповник», – написал Юл.

Делать больше нечего. Шутник хренов. Впрочем, на его месте и сам так бы пошутил.

Делать мне больше нечего, – думал Томас, пока кофейная машина трудилась над второй порцией. Делать мне больше нечего, говорил он себе, изумленно разглядывая в интернете удивительную птицу шухшнабеля-китоглава. Делать мне больше нечего, – твердо сказал Томас, отправляясь к машине за третьей чашкой кофе. Делать больше нечего мне, мне нечего делать больше, нечего больше мне делать, – повторял, меняя слова местами, для разнообразия, чтобы самому себе не надоест с этим рефреном.

Все равно надоел. И стал одеваться. В такой прекрасный день, плюс десять в декабре, любой повод выйти из дома – благо. Даже такой дурацкий. Тем более, пройтись в Старый город, до Антоколскё и обратно, полчаса в один конец, если не спешить, лучше не придумаешь.

В конце концов в прошлом году в декабре у нас цвели каштаны, думал Томас. А в позапрошлом форзиция, во дворе на Бокшто. Оттепель в декабре – это нормально. Хотя, конечно, каждый раз кажется чудом. Каковым, строго говоря, и является.

Но как бы здраво ни рассуждал, а свернуть во двор на Антоколскё не решался долго. Целый час кружил в окрестностях. Постепенно сужал радиус нарезаемых кругов, а позавтракав в кулинарии на Стиклю, внезапно преисполнился храбрости. Сказал себе: что бы ни зацвело нынче в городе, я это переживу. Случались со мной вещи и пострашнее цветочков. *Знаю, висел я в ветвях на ветру*⁵. И все в таком роде.

Вышел и сразу свернул за угол, на Антоколскё. Прошел под аркой, мимо шляп на витрине кафе «Рене», прямоком во двор, где, по заверениям Юла, рос куст шиповника, которому вчера было велено зацвести.

Думал, что готов к чему угодно. Ну, то есть к двум вариантам, как в анекдоте про блондинку, встречающую динозавра: шиповник либо цветет, либо нет. Однако реальность припрятала в рукаве козырный туз и теперь с нескрываемым удовольствием выложила его на стол.

⁵ Цитата (без явного повода) отсылает нас к «Речам Высокого» из «Старшей Эдды»: *Знаю, висел я в ветвях на ветру* девять долгих ночей, пронзенный копьем, посвященный Одину, в жертву себе же, на дереве том, чьи корни сокрыты в недрах неведомых.

Юл, похоже, все перепутал. Немудрено, в незнакомом городе поначалу чуть ли не все дворы на одно лицо. И в этом дворе шиповник явно не рос. Во всяком случае, ни одного мало-мальски колючего куста, усеянного почерневшими от мороза ягодами, Томас не заметил.

Однако других кустов, по-зимнему голых и потому неопознаваемых, здесь хватало. И все они были украшены цветами, вырезанными из бумаги. Нескольких штук вполне хватило бы, чтобы остановиться, придерживая рукой ошалевшее сердце, но их были – сотни. Бело-розовая бумажная мишура кипела и пенилась, сладко шуршала от прикосновений южного ветра и, кажется, даже благоухала, хотя в этом вопросе Томас не стал бы доверяться органам чувств. Чего только ни примерещится, когда ты обескуражен, совершенно сбит с толку и – что это за непривычное, но все же смутно знакомое ощущение? – да, именно. Счастлив.

Шел потом по городу – пальто нараспашку, улыбка до ушей, глаза, если верить отражениям в витринах, совершенно бешеные. Думал: интересно, как станет теперь выкручиваться птица шухшнабель, почтенный Отец Башмака? Найдет ли себе рыбу по вкусу в наших холодных реках? Зато за Небесную Канцелярию можно не волноваться, уж эти всегда выкрутятся, и лестниц у них, небось, видимо-невидимо, и небесные сквозняки дуют без наших просьб, ныне и присно, во веки веков, на сквозняках этих земля стоит. На сквозняках и еще, надо понимать, на клювах птиц китоглавов, аминь.

То и дело нащупывал во внутреннем кармане Элькину веточку. Думал: еще одно чудо у меня в запасе. Все что угодно могу натворить. То есть вообще все, что взбредет в голову, я – могу. И весь мир сейчас приподнялся на цыпочки, смотрит на меня, слушает, ждет, чего я решу.

Подумал: если так, я знаю, что делать.

Достал из кармана волшебную палочку, взмахнул ею, для пущей убедительности вычертил в воздухе завалившуюся на бок восьмерку, общеизвестный символ бесконечности. Очень строго, как легкомысленному пациенту перед выпиской, сказал:

– Пусть чуды никогда не заканчиваются.

Конечно, не заплакал.

Улица Арклю (Arklių g.) Встреча выпускников

Когда Юстас вышел на платформу, часы на табло показывали 22:22. Но Юстас не обратил внимания на красивое совпадение, только с легкой досадой отметил, что наверняка прибыл раньше всех. Еще даже темнеть не начало.

«Интересно, – насмешливо подумал он, – откуда я приехал?» Судя по новенькой табличке на ярко-красном вагоне, который он только что покинул, выходило, что из Минска. Ладно, предположим. Пусть так.

Юстас пошел было к выходу, но, сделав несколько шагов, остановился, сообразив, что ему, как и остальным пассажирам, предстоит проверка документов. Это было совершенно некстати: с официальными документами у Юстаса не ладилось еще со студенческих времен. Казалось бы, что может быть проще, чем паспорт? Однако Юстас ухитрился перепутать не только цвет обложки, но даже размер документа. Не говоря уже о фантазмагорических датах рождения и именах, появлявшихся по его прихоти в соответствующей графе. Гагууап Биргуран, Ойтоёлки Маняня Трупадируаль, Виндермурмуний Сусипусиански, Клюхтойопи Увертюрингс Дыдымц – эти и другие новаторские находки Юстаса неизменно веселили его друзей, но нервы сотрудников пограничной службы все-таки следовало поберечь.

Нет уж, ну его к черту, – решил Юстас.

Огляделся по сторонам. Народу, конечно, полно, но все бегом устремились к выходу, чтобы оказаться первыми в очереди на паспортный контроль. Вот и хорошо.

Секунду спустя никакого Юстаса на платформе не было, а порыв теплого летнего ветра подхватил разноцветный конфетный фантик и понес его в сторону вокзальной площади, где томились в ожидании клиентов ушлые виленские таксисты.

Бьянка вошла в город пешком, со стороны Утены. Одета она была в алое вечернее платье, состоявшее в основном из вырезов и разрезов, однако за спиной у нее болтался большой походный рюкзак, а белокурую голову украшал венок из крупных лиловых чертополохов, сезон цветения которых, строго говоря, еще не наступил.

Она шла так легко и стремительно, словно была обута в удобные кеды, а не в босоножки на высоченных каблуках. Но факт остается фактом: на ногах Бьянки были блестящие ярко-красные босоножки, подходящие скорее для триумфального выступления в стриптиз-клубе, чем для долгих прогулок. Впрочем, приглядевшись, внимательный наблюдатель заметил бы, что идет она, не касаясь земли.

Однако наблюдателей вокруг не было – ни внимательных, ни рассеянных, вообще никаких. В ночь с воскресенья на понедельник даже центр города почти вымирает, об окраинах нечего и говорить. Очень удачно все-таки назначили день встречи. Можно не особо тщательно придерживаться правил поведения в населенном пункте и все равно никого не напугать.

Форнеус вообще никуда не приезжал и не приходил, просто внезапно обнаружил себя в холле какого-то ресторана; так, с ходу, и не сообразишь, то ли собрался зайти, то ли, наоборот, выйти. Его сомнения разрешил официант, сочувственно сообщивший: «Извините, мы уже закрываемся».

Форнеус равнодушно пожал плечами – дескать, ладно, как скажете. И вышел на улицу, где стояла такая сладкая, теплая летняя ночь, насквозь пропитанная хмельным ароматом цве-

тущих лип и речных водорослей, что он невольно задался вопросом: почему я так долго сюда не возвращался? Ах, ну да, нам же нельзя.

Ладно, неважно. Главное, что сегодня я здесь.

Покосился на свое отражение в витринном стекле, чуть не расхохотался вслух от неожиданности: ну и вид у меня! Лысый коротышка с оттопыренными ушами, в очках с такими толстыми стеклами, что глаза за ними кажутся бледными кляксами голубого туманного киселя. Настоящий герой-любовник, ничего не скажешь. Умею я все-таки наряжаться на вечеринки. Как мало кто.

Прежде, чем припарковаться, Сибилла некоторое время внимательно разглядывала синюю табличку с правилами стоянки, наконец сообразила, что изображенные рядом с символическими монетами римские цифры I–VI означают, что по воскресеньям стоянка бесплатная. А сегодня и есть воскресенье. И быть ему воскресеньем еще примерно полчаса. Не то чтобы это было действительно важно, но Сибилла старалась никогда не нарушать правила по мелочам, тем более, случайно, по недосмотру. Недостойное поведение. Если уж нарушать правила, то осознанно и по крупному. В этом, по крайней мере, есть шик.

Ключ оставила в замке зажигания – если кто-то захочет воспользоваться, на здоровье. Если воришке крупно повезет, этот роскошный, золотой, как сны Индианы Джонса, автомобиль сохранит свою соблазнительную форму аж до рассвета. А во что он превратится потом, – злорадно усмехнулась Сибилла, – даже мне лучше не знать.

...Ярко-желтый чемодан очень удивился, когда его сняли с транспорта. Это что вообще творится? Какое наглое похищение! Я не ваш! Я вообще ничей!

Но недоразумение тут же разрешилось, звонкий девичий голос сказал: «Ой! Это не мой. Надо же, я думала, желтых больше ни у кого нет».

Однако обратно на транспортер обладательница звонкого голоса чемодан не вернула, просто поставила на пол.

Быть чемоданом, стоящим на полу, оказалось чертовски скучно. Я так не играю! – окончательно обиделась Аглая. Превратилась в полную даму средних лет с двумя увесистыми кошелками и тяжело, вперевалку пошла к выходу. Конечно, нехорошо проделывать такие фокусы на глазах у посторонних людей. Но, во-первых, им сейчас не до того, пялятся на транспортеры в ожидании своего багажа. А во-вторых, сами виноваты. Не дали мне покататься! – возмущенно думала она.

Кошелки Аглая бросила прямо у входа в зал прибытия, притворившись, что отошла на минутку, посмотреть автобусное расписание. Удачный элемент выбранного образа, кто бы спорил. Но таскаться с ними по городу – нет уж, увольте! Еще чего.

Некоторое время Джидду с интересом разглядывал свои руки – большие, как у кузнеца, в черных бархатных перчатках. На мизинце левой красовался массивный перстень, роль самоцвета исполняла розовая граненая пробка от стеклянного графина. Такой отлично выглядел бы на театральной сцене – если, конечно, смотреть откуда-нибудь из ложи, а не из первых рядов.

Впрочем, когда ты пассажир последнего ночного троллейбуса, направляющегося в депо, а одет при этом в атласную пижамную куртку, велосипедные шорты и шляпу пчеловода с сеткой-вуалью, не стоит, наверное, излишне придирается к своим ювелирным украшениям. Как мог, так себя и украсил. Скажите спасибо, что не повесил на шею ожерелье из кроличьих черепов.

Счастье, что троллейбус был совершенно пуст. Или, наоборот, досадно? В глубине души Джидду сознавал, что, конечно, второе. Надо же, остался совершенно таким же дураком, каким был в студенческие времена! И вот это как раз почему-то чертовски приятно. Совершенно от себя не ожидал.

Джидду покинул троллейбус на первой же остановке; оглядевшись, понял, что это следовало бы сделать гораздо раньше, отсюда обратно в центр идти и идти. Эх, – вздохнул он, – значит, как всегда, опоздаю. То есть можно, конечно, стремительно к ним прилететь, но для этого придется утратить текущий облик, а он уж очень хорош. Обидно, если ребята не увидят мой новый фамильный перстень. Лучше уж опоздать.

* * *

– Почему Стефан разрешил им устроить вечеринку прямо в кукольном театре, вот чего я никогда не пойму, – сказал Альгирдас.

– Ну а где еще? – пожал плечами Таня. – Здесь отличный мрачный подвал⁶, специально оборудованный для развлечения младенцев. Им там самое место.

– Ну тоже правда, – невольно улыбнулся Альгирдас. Но тут же снова нахмурился: – Однако с какой радости присматривать за этой бандой развеселых наваждений он отправил именно нас? Да еще и наяву. Вроде бы ничего ужасного мы с тобой в последнее время не натворили. Наоборот, накрыли шайку отравителей грез, предотвратили свыше десятка покушений на целостность сознания сновидцев и добились практически стопроцентной эффективности профилактических бесед при транстопографической миграции негативных онейрологических образов⁷, по крайней мере, после Казюкаса⁸ ни одного рецидива. А как Большую Весеннюю Охоту провели – до сих пор вспоминать приятно! За такое по-хорошему внеочередную премию положено выписать, а не дополнительную головную боль.

– Зато потом в отпуск, – мечтательно вздохнула Таня. – Вот прямо завтра с утра, сразу после окончания дежурства – отпуск, прикинь! Крепись, друг. Ты уже придумал, куда поедешь?

– Боюсь, после этого дежурства я уже никуда не поеду. А пойду. Пешком. Сдаваться в психушку.

– Не имеет смысла. Психушка – это наша суровая повседневность. На то и отпуск, чтобы хоть немного сменить обстановку. Лично у меня три любимые подружки чрезвычайно удачно поселились на трех разных морях, и я собираюсь навестить всех по очереди. А ты?

– У моего друга дом в Финляндии на берегу озера. В центре озера остров, а на острове ферма, где гонят и продают смородиновое вино. В жизни не пил ничего вкуснее, но важно даже не это, а что, выпив бутылку, спишь потом десять часов кряду без единого сновидения. Именно так я и представляю себе настоящий отпуск. Сейчас даже не верится, что послезавтра уже буду там.

– Будешь, куда ты денешься, – пообещала Таня, протягивая напарнику термос с условно горячим кофе. – Да не переживай ты, – добавила она, глядя на его скорбно насупленные брови. – Все будет нормально, увидишь. Подумаешь, какое великое горе – ежегодная встреча выпускников Граничной Академии Художественных Сновидений. Пережили же мы как-то их выпускной бал.

– Вот именно, «как-то», – язвительно согласился Альгирдас. – А что половина улиц тогда поменялась местами, а потом наотрез отказалась становиться на место, и пришлось спешно перерисовывать все существующие карты города и тайком подменять их везде, вклю-

⁶ Вильнюсский кукольный театр Lelė занимает здание XVI века, владельцем которого был маршал Игнас Огинский. В так называемом «готическом» подвале здания сейчас находится Малый зал на 50 мест. Там обычно проводят театральные игры с марионетками для самых маленьких зрителей.

⁷ Проще говоря, в случаях контрабанды кошмаров, т. е. созерцания страшных снов на территории города Вильнюса приежими.

⁸ То есть с начала марта. Ярмарка Казюкас проводится в первые выходные этого месяца.

чая помойки и рюкзаки уже покинувших город туристов, так это, если тебя послушать, сущие пустяки.

– Да ладно тебе. Не нас же с тобой заставят все перечерчивать. И подменять, в случае чего, отправят молодежь.

И, помолчав, мечтательно добавила:

– А то я бы, пожалуй, такое нарисовала, что, чем исправлять, проще дружно уйти из города, забрав с собой кошек, детей, воробьев и герани, и больше никогда не вспоминать, что на этом месте когда-то был населенный пункт.

– Иногда, – усмехнулся Альгирдас, – ты рассуждаешь так, словно сама училась в этой чертовой художественной академии.

– На самом деле я бы очень хотела, – призналась Таня. – Но мне объяснили, что таких, как я, туда не принимают. В смысле настолько людей.

* * *

– Это сколько же лет мы не виделись с прошлого года? – взволнованно спрашивает Сибилла. Она вообще довольно сентиментальна, хотя, глядя на любое из ее проявлений, не заподозришь. – Нет, правда, сколько? Я давным-давно сбилась со счета. Сто? Двадцать восемь? Шесть?

– Мне кажется, семнадцать, – отвечает Юстас, зачем-то поглядев на часы.

– Всего-то четыре года, – пожимает плечами Аглая. – Не о чем говорить.

– То ли семь, то ли восемь, – неуверенно хмурится Бьянка.

– Одиннадцать, – говорит лысый коротышка, в которого зачем-то превратился красавчик Форнеус.

– А по моим подсчетам выходит ровно тридцать, день в день, – улыбается Джидду. – Годы – это, конечно, субъективно; лично я всегда жадничал, старался прожить целую весну, а то и две подряд за какую-нибудь неделю, но насчет того, что день в день, зуб даю. Выпускной тоже был перед самым солнцестоянием, с девятнадцатого на двадцатое, только тогда получилось с пятницы на субботу. И весь город тоже гулял, как будто бы в нашу честь, благо погода удалась не хуже сегодняшней. Я почему, собственно, точно помню: мне так понравилась эта наша последняя вечеринка, что не меньше тысячи раз ее проживал. И, наверное, именно поэтому не особо страдал от невозможности с вами повидаться: мне хватало воскрешенных воспоминаний. Но теперь вижу вас наяву – насколько это вообще возможно, – и сразу ясно, как себя ни обманывай, а лицом к лицу несравнимо слаще.

– Ничего себе, тридцать лет за какой-то несчастный год! – восхищенно вздыхает Бьянка. – Да, ты и правда жадина!

– Ну и как, я с тех пор не слишком изменилась? – кокетливо спрашивает Аглая.

– До полной неузнаваемости, – притворно вздыхает Джидду. – За это время у тебя стало на три головы меньше, а той, что осталась, не хватает зазубренных клыков. В них таилось столько очарования!

– Ах ты засранец!.. – хохочет Аглая, грозит ему кулаком, но вместо того, чтобы драться, виснет на его шее. – Как же я все-таки по тебе соскучилась! – признается она.

– А по мне? – возмущенным нестройным хором спрашивают остальные четверо.

– Ну а как вы думаете? – спрашивает Аглая. И становится густым предрассветным туманом, сиреневым от внезапно нахлынувших чувств.

На самом деле туман – одна из самых удобных форм для дружеской встречи. Благо обнять за один присест он способен сколько угодно народу, даже если каждый из обнимаемых сам по себе вполне бесконечное существо.

* * *

– Ну вот, пожалуйста, – сварливо сказал Альгирдас. – Полночь едва миновала, то есть нажраться до утраты рассудка они там вряд ли успели, даже если каждый заливал в сотню глоток сразу, а город уже окутан сиреневым туманом, небо над нами зеленое, стены домов, по крайней мере, здесь, на Арклю стали совершенно прозрачными, а земля у нас под ногами горит. В смысле под нашими колесами. Хорошо хоть паленой резиной, пока не воняет, но это, боюсь, только вопрос времени. Эти красавцы обожают имитировать полную достоверность, воздействуя на все чувства сразу, у них в Академии это считается особым шиком. А нам с этим шиком жить.

– Да ладно тебе, – улыбнулась Таня. – Земля не горит, а просто временно покраснела, нашим булыжникам это только на пользу, и старые стены тоже любят казаться прозрачными, пусть наслаждаются, дольше потом простоят. А туман так и вовсе в порядке вещей, обычное природное явление.

– Обычное, – кивнул ее напарник. – Что может быть обычной сиреневого тумана, который вот прямо сейчас у нас на глазах принимает форму гигантского спрута, чьи щупальца, между прочим, видны не только нам и успевшим крепко уснуть, но и бодрствующим горожанам. По крайней мере, на ближайших улицах. И, кстати, на Ратушной площади. А там всегда кто-нибудь да гуляет, даже в ночь с воскресенья на понедельник. Наверняка.

– Вот бедняги! Значит, будут теперь славить пришествие Ктулху, – расхохоталась Таня. – А сколько убедительно мутных фотографий нащелкают телефонами! Заранее страшно за инстаграм.

– Тебе бы все ржать.

– Ты прав, мне бы – да! Такое уж у меня сейчас настроение. И не только у меня, а во всем этом сновидении, общем для Старого города, в центре которого после долгой разлуки встретились веселые друзья, чтобы вместе владеть этим миром до самого утра, а там хоть трава не расти. Удивительно, кстати, что ты не ощущаешь их радости. Обычно ты даже более чуткий, чем я.

– Да все я ощущаю, – почти сердито сказал Альгирдас. – Отличное настроение, ты права. Будь у меня сегодня выходной, я бы непременно постарался оказаться где-нибудь поблизости от этой их вечеринки, что ж я, дурак – удовольствие упускать? Но пока мы с тобой на дежурстве, нам не следует подпадать под чужое влияние, даже настолько благотворное. Это как минимум непрофессионально. И помешает быстро отреагировать, если ситуация выйдет из-под контроля. А почему, как ты думаешь, я так недоволен, что начальство нас припахало на это дежурство? Вот именно поэтому, да.

– Ой, а ведь ты совершенно прав! Невовремя я расслабилась.

Некоторое время Альгирдас снисходительно взирал на Танины попытки взять себя в руки. В смысле срочно перестать ощущать себя счастливой, и всемогущей, и влюбленной в этот смешной осьминогообразный туман, чьи щупальца ласково обнимают храмовые колокольни, и во все остальное, и во всех остальных, живых и когда-то живших, настоящих и выдуманных, а особенно, конечно, в виновников торжества.

Наконец он сказал:

– Да ладно тебе, брось, не старайся. Веселись, пока можно. Если что-то пойдет не так, этим красавцам непременно приснится, что я вылил тебе на голову ведро ледяной воды. Уж на этот трюк моего мастерства всегда худо-бедно хватало.

– Ух какой ты грозный! – восхитилась Таня. – Настоящий мастер ночного кошмара. Вот что значит старая школа!

– Что да, то да.

* * *

– У меня с собой бутылка шампанского, – говорит Форнеус. – И я не вижу ни одной мало-мальски веской причины не открыть ее прямо сейчас. Эй, девчонки, вы что-то совсем разошлись. А ну быстро превращайтесь во что-нибудь плотное. С руками, щупальцами, клешнями или чем вы там собираетесь держать бокалы. И хоть с каким-нибудь условно ротовым отверстием, чтобы пить.

– Да почему же «условно»? – возмущается Бьянка. – Эй, красавчик, посмотри на меня! Вот эти нежные губы, созданные для поцелуев, ты сейчас назвал «условно ротовым отверстием»? Анафема тебе, стыд и позор!

– Прости, дорогая. Но у меня есть смягчающее обстоятельство: всего пять секунд назад ты выглядела, как гигантская сосулька, слегка подтаявшая – надеюсь от невыносимой любви ко всем присутствующим, а не просто от летней жары.

– Ну, – смущенно потупившись, признается Бьянка, – не без того.

И принимает из его рук бокал.

– Сибилла, детка, – строго говорит Форнеус, – ты, конечно, самая прекрасная в мире огненная спираль. Уж сколько я их на своем веку перевидал, а с тобой ни одна не сравнится. Но меня мучает опасение, что в такой форме тебе будет довольно затруднительно сделать хотя бы глоток.

– Кто спираль? Я спираль?! – с деланным возмущением переспрашивает Сибилла. – Ты на меня не наговаривай, я девица порядочная, не какой-нибудь легкомысленный завиток.

И поправляет рыжий завиток у виска таким знакомым жестом, что у Юстаса замирает сердце.

– Объясни мне, Си-Би, как я жил без тебя все эти годы? Весь этот бесконечный год? – говорит он.

– Как? Наотмашь, стремглав, впопыхах, кисло-сладко, впритык, враскоряку, слегка, безответственно, молча, шатаясь, дальше придумывай сам!

Сибилла смеется, но губы ее дрожат от нежности, а глаза подозрительно блестят.

– Все мы как-то друг без друга жили, – вздыхает Аглая. – И не то чтобы лично я не старалась это изменить. Но ничего не вышло. Нам не ввали, когда предупреждали: после выпуска получится видеться только на специально назначенных встречах, только в этом городе, только летом, только в самую короткую ночь... вернее, за сутки до самой короткой ночи, но я бы не сказала, что это существенное послабление. Так зачем-то надо, ничего не поделаешь. Суров закон, но... В общем, он дура. Набитая, как по мне.

– Дура дурой, но больше одного специально обученного создателя сновидений ни одна территория радиусом меньше тысячи километров долго не выдержит, – напоминает ей Джидду. – Рассыплется, сотрется из собственной памяти, потеряет себя, и жизнь там станет невыносимой даже для нас самих. Только этот город с нами более-менее справляется, да и то изредка. Раз в человеческий год.

– Ну, справедливости ради, пока мы тут учились, он каждый день превосходно справлялся, – говорит Бьянка. – Как-то не рассыпался, не стирался и не забывал. И наша жизнь становилась невыносимой только накануне экзаменов, да и то не на самом деле, это же просто такая студенческая игра: все делают вид, будто ничего не знают, ужасно волнуются, пишут шпаргалки и не спят ночами, хотя заранее ясно, что все будет отлично, из нашей Академии еще никто никого никогда не отчислял.

– Однако меня же действительно чуть не выперли, когда я три раза подряд завалил имитацию письменного документа, – вспоминает Юстас. – По крайней мере, вполне убедительно грозили отчислением. Если бы Си-Би меня не натаскала, ни за что бы не сдал. Честно говоря, до

сих пор толком не научился. Мой последний шедевр – паспорт республики Коми оранжевого цвета, формата примерно А3. Счастье, что по мгновенному исчезновению у меня стабильно были «десятки»; надеюсь, тот горемычный пограничник просто решил, что ему пора в отпуск, с кем не бывает, переработал, устал.

– Но на кой тебе сдалось переться с паспортом через какую-то там границу? – изумленно спрашивает Аглая.

– Ну как тебе сказать. Так-то, по идее, действительно никакого смысла. Просто я люблю романтические приключения в духе «совсем как настоящий человек».

– «Настоящий человек» в твоём исполнении – это должно быть незабываемое зрелище, – одобрительно говорит Форнеус. – Я тебя обожаю; впрочем, ты в курсе.

И вручает ему бокал.

* * *

– Скучаете? – приветливо спросил Стефан. – Вас можно понять, полноценным дебошем происходящее пока не назовешь.

Не дожидаясь приглашения, распахнул дверь патрульного автомобиля и уселся на заднее сидение.

Ну надо же, совесть у начальства оказывается все-таки есть, – подумал Альгирдас. – Не бросил нас наедине с огненной лавой, которая теперь считается мостовой, под этим треугольным газированным северным небом, кислым, как желтый лимон, на этом мятом колючем льняном ветру, с этим хрустальным смехом, который переполняет тело, с печалью обо всем несбывшемся у всего человечества сразу, со сладким мучительным обещанием неизвестно чего – когда-нибудь, не сейчас.

А вслух проворчал:

– Если это еще не полноценный дебош, страшно подумать, чего ты от них ожидаешь.

– Они такие милые, – улыбнулась Таня. – Трогательные и забавные. Беззаботные, как дети на ярмарке, где даже небо – огромный, хоть и недосягаемый леденец. Отчаянно нежные и очень счастливые. И соскучились друг без друга так, словно не виделись целую сотню лет. Тоже мне страшные сны.

– Да почему же именно страшные? – удивился Стефан. – Странные – да, согласен. Их работа – удивлять. Зачем бы нашей Академии специально обучать кошмары? Какой от них прок? Со страхами человеческое подсознание обычно само справляется на отлично, запугивает себя так, что добрую половину так называемых спонтанных самостоятельных сновидений лично я предпочел бы никогда не досматривать до конца. Зато удивить себя хотя бы во сне мало кому по плечу. В этом деле людям нужны помощники. То есть выпускники нашей Художественной Академии. Их именно этому и учили: выбивать из колеи, смущать, поражать воображение, кружить головы и давать надежду на нечто неизъяснимое, но бесконечно важное, хотя, конечно, вряд ли возможное. С другой стороны, мне ли не знать, иногда невозможное вдруг оказывается единственной реальностью, данной нам в ощущениях. Хорошие специалисты еще и не до такого цугундера доведут.

– Так-то оно так, – согласился Альгирдас. – А все-таки их выпускные балы – сущее наказание. Счастье еще, что случаются только раз в девять лет. Но ежегодные встречи выпускников – это, по-моему, перебор. Раньше такого не было. Кто им вообще разрешил?

– Да я и разрешил, кто же еще. По настоятельной просьбе педагогического коллектива и других заинтересованных лиц. Чрезвычайно, надо сказать, заинтересованных. Чуть предпоследнюю душу из меня не вытрясли, требуя позволить этому выпуску ежегодные встречи. Впрочем, не то чтобы я особо сопротивлялся. Сам понимаю, иначе нельзя. Ребятам и правда необходимо хотя бы изредка встречаться друг с другом. И где, если не у нас.

– А почему именно им? – оживилась Таня. – Что с ними не так?

– Да, можно сказать, вообще все не так. Самый необычный набор за всю историю нашей Художественной Академии, где с момента основания учились эфирные духи, истосковавшиеся по возможности иметь хоть какую-то форму; вымыслы, мечтающие воплотиться; закончившиеся ураганы, не желающие размениваться на сквозняки; неудачные пророчества, фрустрированные невозможностью сбыться; отражения ангелов, застрявшие в зеркалах, но сумевшие выбраться на волю; раскаявшиеся суккубы, внезапно проникшиеся идеей общественной пользы, и прочие существа, для которых морочить людей в сновидениях – вполне естественное дело. Надо только отработать несколько тысяч новых приемов, ознакомиться с техникой безопасности, накопить побольше разнообразного опыта под присмотром преподавателей и набраться свежих идей.

– А эти? – нетерпеливо спросила Таня.

– Даже не знаю, как сформулировать, чтобы не сбить вас с толку. Скажем так, все они слишком рано осиротевшие вымышленные друзья.

– Чьи?!

– Чьи – это на самом деле уже совершенно неважно. Говорю же, ребята осиротели. В смысле выдумавшие их мечтатели умерли – кто в детстве, кто в ранней юности. Дело, конечно, не в этом, многие люди умирают, не достигнув зрелого возраста. И некоторые из них успевают сочинить себе целую кучу друзей, это довольно распространенное хобби. Но мало кто вкладывает в свои фантазии столько силы и страсти, что они становятся почти материальны. И уж точно одухотворены, в этом смысле с ними, честно говоря, трудно сравниться. Эти существа рождены любовью, граничащей с бесконечным отчаянием. Можно сказать, созданы для любви – в данном случае это, как вы понимаете, совсем не метафора. После смерти своих создателей ребята не просто остались в одиночестве, но и лишились единственного смысла своего существования, который состоит в том, чтобы быть самым близким другом, бесконечно любить, отчаянно дорожить.

– Боже, – ахнула Таня, прижав ладони к щекам.

Ее напарник отвернулся к окну в надежде, что хотя бы его затылок выглядит более-менее невозмутимо. С лицом-то, ясно, совсем беда.

– Да ладно вам, – сказал Стефан. – Сами видите, все закончилось хорошо. Но начиналось, конечно, – хуже не придумаешь. Бедняги совсем свихнулись от горя, одиночества и полной невозможности умереть. И вдруг выяснилось, что это не только их проблема, а наша общая. Их настроение уже тогда, задолго до обучения обладало достаточной силой, чтобы влиять на город. Не то чтобы все виленские обыватели сутками напролет оплакивали бессмысленность своего существования, но на пару тысяч лютых депрессий эти красавцы нам статистику ухудшили. И тогда мне пришлось выходить на охоту. Теперь-то смешно вспоминать: приготовился к встрече с новым неведомым злом, а когда увидел виновников наших бед, чуть не прослезился. Какое уж там зло, просто самые одинокие дети во Вселенной. Но пока я раздумывал, что с ними теперь делать, куда девать, как облегчить их боль, разрушительную для всего остального мира, они успели найти выход самостоятельно. В смысле обрести друг друга. Строго говоря, это было вполне неизбежно: камера предварительного заключения для овеществленных наваждений у нас всего одна. И уже к утру в этой камере сидели не изнывающие от тоски сироты, а компания влюбленных друг в дружку лю... Нет, конечно же, не людей, а явлений природы, не поддающихся точной классификации. Оставалось придумать, как бы приставить их к делу, которое, если повезет, станет для них новым смыслом. Таким, чтобы мог заполнить и очень короткую, и бесконечную жизнь – никто пока точно не знает, насколько долг век подобных существ. К счастью, руководство Академии Художественных Сновидений загорелось идеей набрать такой... специфический курс. По их словам, отлично получилось, один из лучших выпусков за всю историю; к последнему курсу ребята даже дебоширить научились, а этого от них никто особо не

ждал. Но, в отличие от других выпускников, которые, получив дипломы, разлетаются по свету, даже не всплакнув напоследок, эти ребята очень привязаны друг к другу и, конечно, тоскуют в разлуке. Это их уязвимое место. Все-таки они изначально созданы для любви. Пришлось это учесть и пойти им навстречу: разрешить ежегодные вечеринки. Впрочем, сейчас я понимаю, что это скорее выгодная сделка, чем благотворительность. Городу их любовь и радость только на пользу. Достаточно посмотреть, как все у нас изменилось за последние десять лет.

– Именно десять? – переспросил Альгирдас.

– Ну да. С начала их учебы.

– Да, пожалуй, все сходится.

– Еще как сходится, – подтвердила Таня.

И они умиротворенно замолчали, наблюдая, как печные трубы тянутся ввысь, принимая форму деревьев, и вот уже над городом шумит листвою, дрожит, трепещет, переливается всеми цветами радуги кривой, кривой, словно бы наспех неумелой детской рукой нарисованный, но, вне всяких сомнений, не какой-нибудь, а именно райский сад.

– Однако рисунку их, похоже, так и не научили, – наконец усмехнулся Альгирдас. – А ведь, по идее, профильный предмет.

– Это в обычной Художественной Академии он профильный, – напомнил ему начальник. – А у наших просто короткий спецкурс; кажется, даже не обязательный к посещению. Возможно, напрасно, ты прав.

* * *

– Ты лей, я скажу, когда хватит, – хохочет Аглая.

Форнеус уже хорошие пять минут льет шампанское в подставленный ему бокал, щедро, толстой струей, но несмотря на его старания, бокал по-прежнему пуст, а бутылка полна примерно на четверть. Однако Форнеус, конечно, сохраняет полную невозмутимость, такой ерундой его не примешь.

Аглае всегда очень нравился голубоглазый щеголь Форнеус, поэтому она любила его меньше, чем остальных сокурсников, обычное дело, чрезмерное восхищение всегда мешает любви. Но нынче ночью он явился на встречу нелепым лысым коротышкой в очках, форменным олухом царя небесного, и Аглаю наконец отпустило. Любить такого Форнеуса оказалось легко и приятно, и теперь Аглая дразнит и задирает его, стараясь наверстать упущенное, а он совершенно не возражает, наоборот, радуется, что все наконец встало на место, говорит себе: ясно теперь, для кого я так по-дурацки вырядился на вечеринку, зачем мне этот костюм.

– ...такой крутой чувак оказался, – рассказывает Джидду. – Когда я впервые ему прикинулся, сразу меня вычислил, хотя я в тот момент был скорее местом действия, чем персонажем, чем-то вроде заброшенного города в джунглях, почему-то выглядевших как степь. Но он тут же сказал: «Ага, наконец-то в моих снах объявился кто-то посторонний». Я так растерялся, что обрадовался уже потом, задним числом, сообразив, что у меня завелся новый приятель. Это же большая редкость среди сновидцев – люди, способные с нами дружить или хотя бы просто поддерживать разговор. А я, сами знаете, и до этого жаден безмерно. В смысле до задушевных разговоров и новых знакомств.

– И до новых романов, – подмигивает ему Сибилла.

– Да, конечно, – легко соглашается тот. – Роман – естественное продолжение приятного знакомства. И довольно веский повод поговорить!

– ...Этому фанту показать нам свое подлинное лицо, – говорит Бьянка.

Фантом оказывается паспорт Юстаса, полосатый, как тельняшка, узкий и вытянутый, зато толстый, как два тома «Войны и мира». Хорошо, что не стал показывать его пограничникам, а для игры в фанты в самый раз.

Присутствующие растерянно переглядываются. Довольно неудачная шутка. Бьянку иногда заносит, к этому вроде бы все привыкли, но «подлинное лицо» – это все-таки перебор.

Но Юстас разряжает обстановку.

– Подлинное! Ну ты даешь! – смеется он. – Если бы оно у меня когда-нибудь было, я бы первым делом постарался его забыть.

– Конечно, ты постарался, – соглашается Бьянка. – И все у тебя получилось. Извини, что спросила. Просто иногда натурально умираю от любопытства: какой ты на самом деле? Ну, в смысле каким ты когда-то был? И я, и все остальные.

– Вряд ли это действительно так уж интересно, – примирительно говорит Джидду. – Лично я, докопавшись до самых потаенных глубин своей памяти, ничего увлекательного там не обнаружил. Только боль. Очень много боли. А боль кажется забавным ощущением только первые две секунды. Дальше уже не то.

– С детьми проще всего, – говорит Сибилла.

И все дружно кивают: еще бы! Одно удовольствие иметь дело с детьми.

– Так вот, – продолжает Сибилла, – я придумала, как поступать со взрослыми. Очень простой лайфхак, но я до сих пор не слышала, чтобы кто-нибудь это делал, поэтому рассказываю, учитесь, пока жива. Если взрослому снится, что он снова ребенок, он и ведет себя потом соответственно. Вообще без малейшей фальши, как будто иначе нельзя. Практически из любого взрослого можно сделать идеального компаньона; до сих пор мне встретилось всего два исключения, но оно и понятно: первый с рождения болен, а второй, как выяснилось, вообще не очень-то человек. Но очень умело замаскированный, я до последнего момента не заподозрила подвоха.

– Боже, но кто же тогда? – смеется Форнеус.

– До сих пор понятия не имею. Мы очень быстро расстались. Сразу после того, как оно поняло, что не ест таких, как я. Это было очень воодушевляющее открытие! До сих пор рада, что пронесло.

– Пока вы, зануды, кудахчете о работе, у меня в кастрюле закипает крепчайший весенний дождь семилетней выдержки, – говорит Джидду. – Ну что вы так смотрите, разве забыли, что мы пили в честь окончания третьего курса? Так вот, этот точно такой же, только шотландский. Тамошние горцы знают толк в пьяных дождях.

Ответом ему становится общий восхищенный вздох. И звон поспешно подставленных кружек.

* * *

– О. Вот теперь они наконец-то ведут себя, как нормальные люди, а не какая-нибудь прогрессивная мистическая молодежь, – ухмыльнулся Альгирдас. – Нажрались и песни орут. Хорошо хоть «Оду к радости»⁹, а не «Ой, мороз-мороз».

– Страшно даже подумать, к чему бы это могло привести в июне, – подхватила Таня.

– Да ладно вам, – сказал Стефан. – Не настолько мы олухи, чтобы совсем забыть на меры безопасности. «Оду к радости» с ними перед выпускным специально разучивали, предвари-

⁹ «Ода к радости» была написана немецким поэтом Шиллером и позже положена на музыку Бетховеном (вошла в состав его 9-й симфонии).

тельно подпоив за казенный счет. Столько раз заставили повторить, что натурально выработали условный рефлекс. Теперь эти красавцы чуть только примут на грудь, сразу заводят: «Все, что в мире обитает, вечной дружбе присягай!¹⁰» По-моему, неплохое техническое задание для окружающей реальности. Не то чтобы я верил в настолько легкий успех, но чем черт не шутит, вдруг нас всех однажды проймет?

¹⁰ Фрагмент текста «Оды к радости» в переводе И. Миримского.

Улица Арсенало (Arsenalo g.) И муравей

– Столько всего было. Господи боже, столько всего. А что впереди? Зима, дружище. Только чертова зима.

Двое мужчин сидят на лавке у реки. Лицом к воде, спиной к Арсенальной улице, башне Гедиминаса и повисшей над ней по-летнему сизой туче.

Один плотный с рыжеватыми усами, уже тронутыми инеем седины, неброская практичная демисезонная куртка Timberland, неброские практичные ботинки той же марки, хоть сейчас в каталог – при условии, что перестанет хмуриться так, словно только что проглотил грядущий ноябрь. Второй, тощий, загорелый и жилистый, как лесоруб, кутается в тонкий, не по погоде, просторный серый плащ. Разглядывая его потертую шляпу, Шерлок Холмс мог бы надиктовать Ватсону захватывающий роман на шестьсот страниц, мы же лишь скромно осмелимся предположить, что владелец исследуемого головного убора знал хорошие времена, но было это, прямо скажем, не на прошлой неделе. И даже не год назад.

– Ну, зима, – говорит усатый. – И что с того? Хорошее время. Снег, морозные узоры на стекле, Рождественские огни. Красиво. Не драматизируй на пустом месте.

– В родительском доме, который за каким-то чертом на меня свалился, до сих пор печное отопление. Ты в курсе, почем нынче дрова? У меня до сих пор волосы дыбом от этой информации.

– Ну так установи газовую колонку.

– Совсем ты с ума сошел. Знаешь, сколько это стоит?

– Да нормально стоит, не выдумывай.

– Не хотелось бы ранить твое нежное сердце, Адам. Но в мире полным-полно людей, для которых «нормально стоит» – это, к примеру, пятьдесят литов. Которые, впрочем, тоже еще надо где-то добыть. И я – один из них.

– Прости. Не подумал.

Какое-то время они сидят молча.

– А чего ты ее не продашь? – наконец спрашивает усатый. – В смысле квартиру. Тебе одному такая здоровенная все равно не нужна. Купил бы, к примеру, студию. У нас в Новом городе сейчас заброшенные заводы под жилье активно перестраивают – ну, лофты, как в Америке. Отличные получаются квартиры, маленькие и недорогие, и от центра не то чтобы далеко. А на разницу жил бы себе долго и счастливо.

– Я тоже так думал. А на самом деле эту чертову хату сейчас даже за половину рыночной цены не продашь. Кризис. Говорят, надо подождать несколько лет. Несколько лет, ты только вслушайся. Звучит, как злая шутка.

– А сдать?

– Квартиру с печным отоплением и без горячей воды? Где последние сорок лет ни хрена не ремонтировали, только потолки изредка белили? Не смеши. В такой и бесплатно мало кто жить согласится. Я бы, к примеру, ни за что не согласился, если бы у меня был хоть какой-то выбор. И, пожалуйста, не говори, что ремонт – проблема решаемая. Для меня – нерешаемая.

– Ладно, не буду говорить. Хотя на самом деле... Ай, ладно.

Снова молчание. Тощий использует паузу, чтобы достать кисет и на коленке слепить самокрутку. Усатый набивает пенковую трубку, изрядно пожелтевшую от времени и хозяйских рук.

– Йошка, – говорит наконец он. – Мать твою, Йошка. Как же так, а. Ты же был лучший на курсе. А может, вообще самый лучший – из всех выпусков, за все годы. Некоторые профессора так говорили, я слышал. Ты же, в отличие от всех нас, мог выбирать любую жизнь. Вообще любую, какую захотел бы.

– А я и выбрал какую хотел.

– Правда, что ли?

– Правда.

Новая пауза так щедро заполнена вороньим гвалтом, словно птицам поручили продолжить беседу, пока люди курят и молчат.

– Я много лет жил, как хотел, – наконец говорит тощий Йошка. – Грех жаловаться. Объездил полмира. Для тебя это, знаю, пустяки, дурная суета, а для меня – самое важное. Быть везде, видеть и слышать все, играть – для всех, кого бог пошлет. При всяком удобном случае. Я играл в захолустных оркестрах и шикарных кабаках. На деревенских свадьбах и на палубах круизных лайнеров. В ночных клубах и на туристических улицах, в студийных подвалах и на городских крышах – по ночам, пока все спят. Чего только не было, Адам. Чего только со мной не было. Порой спал где и с кем попало, а порой на долгие месяцы запирался от всех в первой попавшейся съемной конуре. Деньги тратил без счета, не жалея, свои и чужие. Но и окурки на улицах собирал не раз. Видишь, у меня с собой банка из-под китайского чая? Это чтобы их потрошить. Докуривать за чужими всегда брезговал, а в самокрутки – ничего, сойдет... Зато и настоящих кубинских сигар я выкурил больше, чем ты съел пирожков с капустой. Хотя, уверен, их в твоей жизни было предостаточно. Твоя мама их знатно пекла. И Ляльку наверняка научила. Скажешь – нет?

– Научила, конечно. А ты не думал, чем это может кончиться? Вся эта твоя развеселая жизнь?

– Конечно, не думал. Зачем думать, когда и так знаешь? Но другой жизни мне не было надо, вот в чем штука, дружище. И если ты считаешь, будто я сам выбирал, каким уродиться, ты ошибаешься. Во всяком случае ничего подобного не припомню.

– Жаль, что так все вышло, – вздыхает усатый. – Очень жаль, Йошка. Не тебя лично. Вообще – жаль.

– Ты погоди, – говорит тощий. – Вот буквально минуту погоди, а потом жалея, если сможешь.

Жестом фокусника достает из-под плаща футляр, из футляра – кларнет.

– Ого. Когда это ты духовые освоил?

– Ай, чего я только не освоил. Рояль за собой по свету особо не потаскаешь. И это, знаешь, даже к лучшему. После шести-семи инструментов начинаешь понимать, что можешь вообще все. Это как проснуться и обнаружить, что говоришь на всех языках, включая птичьи и звериные. Вернее, что отныне все языки – один язык. Для тебя. И для тех, кто окажется рядом. А теперь послушай, что я тебе скажу, Адам. Просто послушай.

...Он подносит кларнет к губам. Начатая было Мессияновская «Бездна птиц» внезапно сменяется «Голубой рапсодией»; в какой момент заканчивается Гершвин и начинается импро-

визация, определить не может даже Адам, опытнейший концертмейстер, выдающийся авторитет.

Выдающийся авторитет сидит на лавке, закрыв лицо руками, потому что сам не знает, смеется он или плачет сейчас, когда твердая скорлупа неба вдруг треснула над его головой, и звук стал светом, свет – ангельским смехом, а смех – благодатным огнем, который, оказывается, был всегда, внутри и снаружи, везде, всем.

Тощий Йошка играет долго. Четверть часа, почти вечность.

Потом они молчат. И это тоже вечность, но другая. Не такая пронзительная. Но, как и музыка, совершенно необходимая. Хотя бы для того, чтобы наскоро заделать трещину в небе. Косметический ремонт, утешительная иллюзия. А все равно.

– Я больше не знаю, кто из нас дурак, – наконец говорит Адам.

– Да нечего тут знать, – безмятежно отвечает Йошка. – Оба дураки. Но это не беда, людям так положено.

– И еще я не знаю, какого черта я – не ты, – горько добавляет Адам.

– Не факт, что тебе понравилось бы.

– Сам знаю, что не факт.

– Тебе совсем не надо быть мной. Ты и так самый лучший. Ты умеешь слушать, как никто. И всегда умел. Только поэтому я тебя и разыскал. Я сейчас очень хорош, дружище. Не знаю, почему именно сейчас и сколько еще мне отпущено, но сегодня это – так. Поэтому мне позарез нужен слушатель вроде тебя. Чтобы смысл, заключенный во мне, не растратился совсем уж впустую, пока я играю на рассвете для голубей и ворон. И вот сбылось. Я играл, ты слушал, все у нас с тобой получилось, дружище. Теперь мне вообще ни черта не страшно. Пусть приходит зима. Плевать.

– Я пригоню тебе грузовик дров, – говорит Адам. – Знаю, где дешево взять, сосед кумами как раз торгует, уступит по знакомству. У тебя хоть есть, куда складывать?

– Во дворе полно дурацких дровяных сараев, – безмятежно отвечает Йошка. – Какой-то из них наверняка мой. Надо будет спросить соседей.

Улица Аугустиону (Augustijonų g.) Билет и чемодан

– По-моему, тебе пора в отпуск, – говорит Нёхиси.

Это, во-первых, чистая правда. А во-вторых, конечно, полная чушь. Какой может быть отпуск?! Еще чего.

– Еще чего, – огрызаюсь я. Вслух, чтобы было понятно: это не случайная вздорная мысль, рожденная духом противоречия, а моя официальная позиция.

Но Нёхиси моя официальная позиция до одного места. Он настойчивый.

– Ты на себя в зеркало посмотри, – говорит он. – Если, конечно, в городе найдется хоть одно настолько безумное, что согласится тебя отражать. А жаль, зрелище поучительное. Ты же зеленый уже!

– Не уже, а еще. Я, если ты не заметил, с мая зеленый. Как минимум раз в неделю. Обычно по вечерам.

– То-то и оно что с мая, – вздыхает Нёхиси. – Никогда еще с тобой такого не было, чтобы дурацкая шутка затягивалась так надолго... Эй, это что за нелепое недоразумение прямо перед моим носом? Откуда оно взялось?

– Это кулак, – объясняю я. – Мой. Одна штука. Не настолько пудовый, как хотелось бы, но уж какой есть. Я тебе им грожу.

– Ясно, – кротко кивает Нёхиси. – Ладно, хорошо, не дурацкая. Но и остроумные шутки обычно надоедают тебе после первого употребления. Повторяться ты не любитель.

Это, кстати, чистая правда. Но зеленеть мне почему-то пока не надоело. Этот цвет лица меня неизменно смешит.

– Черт знает что с тобой в последнее время творится, – снова вздыхает Нёхиси. – По-моему, ты слишком много работаешь. И почти перестал развлекаться. Хотя развлекаться – и есть твоя основная работа. Такой вот удивительный парадокс.

– Погоди. Как это – перестал развлекаться? А чем, по-твоему, я занимаюсь по сто сорок восемь часов или сколько их там в этих дурацких сутках, которыми здесь зачем-то измеряют время?

– Всего двадцать четыре. Согласен, что маловато, но продолжительность суток не в моей компетенции. Извини.

– Вот сколько есть, столько и развлекаюсь. Не покладая верхних конечностей и временами задействуя нижние. Что не так?

Нёхиси молчит, но столь выразительно, что крышу заброшенного двухэтажного дома на улице Аугустиону, где мы сегодня засели, окутывает влажный, густой, совершенно осенний туман, а температура воздуха резко понижается с плюс двадцати четырех до примерно семи. Но все-таки выше нуля. И на том спасибо.

– Прорехи, которые ты оставляешь в реальности, становятся все шире, – наконец говорит Нёхиси. – Но валится из них на наши головы, по большей части, какая-то па... Ладно. Скажем так, не настолько забавные штуки, как раньше. То есть вообще не забавные. Как магнитом их сюда тянет. И это совсем не смешно.

Я начинаю понимать, что разговор, который я считал дружеским трепом, как-то незаметно превратился в производственное совещание. В ходе которого мне делают самый настоящий втык. Тоже, надо понимать, производственный. Интересное ощущение. Отчасти даже прельстительное – свежестью и остротой.

– Ты почти перестал вытворять бесполезные глупости, – продолжает Нёхиси. – Как будто – типун мне на язык! – вдруг повзрослел. И разлюбил свои лучшие игрушки. Это, конечно, можно понять, ни одно сердце в мире не безразмерно, даже твое. А все-таки моста через Вильняле напротив Бернардинского кладбища мне жаль до сих пор. Такой был отличный почти общедоступный путь к новой судьбе; не удивлюсь, если кратчайший во всей Вселенной. И тайная лестница во дворе на Бокшто, спускаясь по которой практически каждый получал небольшой шанс угодить прямо в Тонино кафе, теперь закрыта на ремонт. Для завсегдатаев, понятно, невелика проблема, у них свои тропы, но этой твоей замечательной лотереи для случайных прохожих больше нет.

– Мост я не разлюбил, а просто не удержал, – признаюсь я. – Всего на несколько дней отвлекся, перестал по нему гулять, а оказалось, мое внимание было не одной из множества опор, как я думал, а последней, единственной. Мне самому очень жаль. Но что касается лестницы у Тонино кафе, поверь, все только к лучшему. В последнее время там стали появляться чрезвычайно неприятные визитеры. Приходить приходили, но не видели ничего, кроме пыльных руин. Даже музыку не слышали, прикинь. От их невидящих взглядов штукатурка над барной стойкой трещинами пошла. И угадай с трех раз, кого припахали шпатлевать стены? Тоже, конечно, взглядом. Но все равно тяжелый физический труд. Терпеть не могу такой ерундой заниматься. В общем, я рассердился и прикрыл лестницу. Временно. Когда остыну, снова открою. Ну или не открою. Поглядим. Как пойдет.

– Ладно, – неохотно соглашается Нёхиси. – Ежедневно шпатлевать стены и правда невелика радость. Но ангел-то чем тебе не угодил? Отлично смотрелся в арке на Ужупе со своей трубой и добросовестно отменял личный конец света для каждого, кто проходил там в трудную минуту. А красный самолет с улицы Тототью?..

– Да почему сразу «не угодил»? Они просто улетели – и ангел, и самолет. Все, что наделено крыльями, имеет полное право летать. Пришлось им немного помочь – просто ради торжества целесообразности формы. А ребята, понятно, вошли во вкус. Не силой же их теперь возвращать.

– Силой не надо. Да и проблема не столько в том, что их больше нет, сколько в твоём настроении. Что нового появилось в городе за последний год? Четыре бездонные пропасти, очередной филиал Серого Ада аж с тремя роковыми закусочными – вот уж чего от тебя никто не ожидал! – и этот жуткий трамвай, курсирующий по Пилимо...

– С чего это вдруг он «жуткий»? По-моему, шикарный, совершенно невозможный трамвай; в каком-то смысле ничем не хуже исчезнувшего моста. Куда сам пожелает, туда и завезет. И наконец-то долговечный! Все его предшественники исчезали буквально через пару часов, а этот с прошлого сентября исправно появляется на одной и той же улице в определенные лунные дни. Не надо его ругать. Я изобретал этот трамвай в поте лица, долгими зимними вечерами, босой, при лучине, питаюсь исключительно вермишелью, застрявшей в бороде на позапрошлом благодетельном обеде для горемычных сирот...

Нёхиси начинает ржать. Устал я или нет, а рассмешить его мне всегда удастся. Наверное, потому, что в этом и состоит мое основное предназначение – его веселить.

– Согласен, отличный трамвай, – наконец говорит Нёхиси. – Но некоторых пассажиров он увозит в такой невообразимый кошмар, что не хотел бы я оказаться на их месте. Впрочем, возможно, ты прав, и это лучшее, что могло бы с ними случиться. А все равно тебе давным-давно пора в отпуск. Всем иногда надо отдыхать.

– Легко сказать – в отпуск. Вот как ты себе это представляешь?

– Обыкновенно. Во-первых, тебе понадобится большой чемодан...

Я делаю страшное лицо, но Нёхиси этим не проймешь.

– А в чемодан непременно надо положить плавки, – добавляет он. – Люди всегда берут в отпуск плавки. Такие специальные мокрые трусы для купания в море. Где-то я об этом совсем недавно слышал. Или читал.

– Ладно, – киваю я. – Ты меня практически убедил. Большой чемодан, набитый мокрыми трусами, – это очень серьезное искушение. Как тут устоять.

– И еще билет, – говорит Нёхиси. – Я точно знаю, что должен быть билет. Потому что без билета тебе придется лететь в отпуск просто с попутным ветром. Что само по себе скорее удовольствие, чем проблема. Но вряд ли ветер сможет прихватить с собой чемодан. А без чемодана отпуска не бывает.

– На самом деле бывает. Например, с рюкзаком. Или просто с кредиткой в кармане, чтобы купить все на месте. Но я не настаиваю. Пусть будет по-твоему. Билет и чемодан.

– Ну и отлично, – улыбается Нёхиси. – Значит, ты отправляешься в отпуск. – И снова став серьезным, добавляет: – Надолго я тебя, конечно, не отпущу. Но неделю-другую вообразить, будто ты – просто беззаботный богатый бездельник, уехавший к морю, я, пожалуй, смогу.

– «Беззаботный богатый бездельник» – это соблазн покруче, чем полный чемодан плавков. Никогда не пробовал, как это. Но в юности, грешным делом, хотел таким стать.

– Ну вот и попробуешь, – говорит Нёхиси. – Я, собственно, почему так настаиваю. Вчера случайно подслушал один разговор. Люди в кафе обсуждали планы на отпуск и пришли к выводу, что путешествовать надо как можно чаще, хотя бы в соседний город, на пару дней. Потому что человек устает не столько от тяжелой работы сколько от повседневного образа себя. И я начал беспокоиться: все-таки ты время от времени утверждаешь, будто когда-то был человеком. Вдруг это правда? И вдруг оно у тебя... не совсем прошло?

«Не совсем прошло» – это он, конечно, метко меня припечатал. Что тут возразишь.

– Честно говоря, я просто боюсь, – признаюсь я.

– Ты боишься?! Да ну, не заливай. Чего?

– Ну как – чего? А вдруг ты сам себе поверишь, когда станешь вообразить меня беззаботным бездельником с чемоданом, набитым плавками и билетом на самолет. И я навсегда им останусь. А ты без меня заскучаешь. И наш распрекрасный хаос понемногу начнет без меня упорядочиваться. И горожане с туристами перестанут то и дело проваливаться за подкладку реальности. И постепенно затянутся все небесные щели, даже самые безобидные, из которых приходят только тревожащие воображение сны, а это уже совсем никуда не годится. Может, ну его к лешему, этот отпуск?

– Конечно, я без тебя заскучаю, – говорит Нёхиси. – Заранее страшно подумать насколько! Но ничего. Неделю уж точно как-нибудь потерплю, а потом выдумаю тебя заново, мне не привыкать. И ты тут же вернешься из отпуска, довольный и отдохнувший. Как видишь, я все предусмотрел.

Кто из нас кого выдумал – это, конечно, отдельный вопрос. У каждого из нас на него как минимум два ответа: «ты» и «я». А еще есть Стефан, совершенно уверенный, будто призвал нас обоих звуками своего бубна и, подкупив обильными жертвами, уговорил не только задержаться подольше, но и решить, будто мы тут были всегда. А еще есть небытие, время от времени нашептывающее мне: «На самом деле вас обоих вообще нет». И несговорчивые древние духи этой земли, которые считают город в месте слияния рек и реальностей случайным недоразумением, а нас – бессовестными самозванцами; им, конечно, с нами не сладить, но по мелочам пакостят изобретательно и так вдохновенно, что лучше бы, ей-богу, учились красить картины и сочинять стихи.

Все вышеперечисленное вносит в нашу с Нёхиси жизнь достаточно неопределенности, чтобы заставить меня опасаться нарушить сложившееся равновесие. Поэтому я ни за что не...

– Эй, – смеется Нёхиси, – с каких это пор ты разлюбил рисковать?

– С недавних, – мрачно говорю я. – И это, конечно, не дело. Наверное, мне и правда пора отдохнуть.

* * *

С этой мыслью я и просыпаюсь: мне пора отдохнуть. В первую очередь, от себя – если уже даже во сне мне об этом твердят, дело плохо, значит, и правда устал. А потом вспоминаю, что отдых – это больше не умозрительная идея, а план, к исполнению которого я приступлю вот прямо сейчас. Выпью кофе, схожу куда-нибудь позавтракать и поеду в аэропорт. Билет в кармане, до вылета почти четыре часа.

Пока варится кофе, я смотрю на улицу Августиюну, куда выходят окна моей новой квартиры. Странная улица – узкая, непроезжая, и ни единого дерева, только камень и солнечный свет. Слева – мрачные здания Иезуитского колледжа, справа – новенькая студия йоги, стены которой выкрашены в жизнерадостный, как скрежет зубовой, оранжевый цвет. Это я, конечно, очень удачно поселился, аккуратно между двух огней, в смысле путей к спасению; оба не для меня. Зато в центре, то есть прямо напротив моего окна установлен своего рода мемориал богооставленности – три мусорных бака, доверху заполненных, скажем так, правдой жизни. Правда жизни, как ей и положено, энергично смердит, назло иезуитам, йогам и романтично настроенным агностикам вроде меня. Замыслившим побег.

При мысли о побеге у меня снова поднимается настроение. Наливаю себе кофе, смотрю на огромный серебристый чемодан, нежно, как на спящую возлюбленную, – еще не время ее будить. В смысле пока рано волочь его вниз. Сперва завтрак, чемодан подождет.

Жизнь в Старом городе позволяет экономить на покупке сковородки. В смысле совершенно необязательно готовить себе завтрак, достаточно выйти из дома, и все омлеты этой части Вселенной к твоим услугам. Надо только выбрать, куда идти, и вот это, кстати, проблема таких масштабов, что, ей-богу, легче было бы пожарить омлет самому. Но я не пасую перед трудностями, а просто бросаю монетку. Орел – направо, решка – налево. При каждом новом приступе нерешительности повторить.

Сегодня направо, и это значит, что монетку мне еще бросать и бросать, очень уж много разнообразных соблазнов таится в той стороне. Но, положив руку на сердце, всем бы такие проблемы. Спорю на что угодно, загорелый старик, роющийся сейчас в одном из мусорных баков, поменялся бы со мной, не глядя. А я с ним, пожалуй, нет.

Ну и дурак, – сердито говорю я себе. – Глупо мыслить стереотипами. Роемся в мусоре – значит совсем пропащий, жизнь его тяжела. А между тем выглядит дед отлично. И одет не хуже меня. Чем сожалеть о его печальной судьбе, лучше подумай, что такой джентльмен может искать в помойке. Наверняка потерянное сокровище, пиратский сундук или случайно выброшенный в мусор золотой слиток. Полуторакилограммовый. Например.

Впрочем, – думаю я, – это ужасно скучно. Ну, слиток, ну потерял, ну нашел, припер домой, поставил на место, тоже мне великое приключение. Лучше так: например, дед узнал, что в одном из мусорных баков спрятана... ай, чего мелочиться, пусть будет Книга Судеб. Понятия не имею, как она там поместится, но все равно, хотя бы один из томов, где, предположим, записаны судьбы жителей нашего Старого города или, скажем, всех горожан, чьи имена начинаются на букву «Б». Понятия не имею, по какому принципу ангелы-хранители ведут документацию, но главное, что ведут. И один из них – то ли уникальный балбес, в сто раз хуже меня, то ли, напротив, хитрец, каких мало, – хранит свои записи в мусорном баке, как в сейфе. Знает, что никто не польстится на выброшенную в помойку старую исписанную тетрадь; это, кстати, объясняет, почему у нас так редко вывозят мусор: с ангельской волей коммунальным службам не совладать. И этот смуглый старик – конечно же, великий маг и алхимик, воз-

можно, недавно прибывший к нам из Магриба верхом на рейсовом джинне – как-то пронюхал, что здесь хранится, и отправился на поиски. Во-первых, такое любому интересно почитать! А во-вторых, пока хозяин тетради беззаботно скачет по облакам, можно найти в списке имя – свое, или лучшего друга, или бывшей возлюбленной, или самого злого в мире злодея, за чьей головой охотишься уже тысячу лет, – и дописать пару строк. И дело в шляпе, написанное не вымарашь, да и вряд ли ангел так уж дотошно всякий раз проверяет...

Нелепая версия, это я и сам понимаю, но ничего не поделаешь, надо же как-то себя развлекать по дороге на завтрак. Почти дойдя до угла, я оборачиваюсь – как там успехи у моего магрибского мага-алхимика? И вижу: старик действительно держит в руках большую тетрадь в темно-коричневом переплете, что-то торопливо в ней черкает, закрывает, кидает обратно в бак и поспешно исчезает – то ли за дверью Иезуитского колледжа, то ли просто посреди бела дня, у меня на глазах.

Больше всего на свете люблю такие нелепые совпадения. Отлично начался день. Главное теперь не испортить себе удовольствие, не броситься к помойке за этой дурацкой тетрадью, чтобы, упаси боже, не обнаружить там какие-нибудь расходные записи или, того хуже, любовительские стихи. Потому что пока не знаешь наверняка, можно воображать что угодно. Например, что я угадал, и старик действительно переписывал чью-то судьбу, и все у него получилось, и теперь...

Нет знака препинания лучше многоточия, хотя на письме ими, конечно, не следует злоупотреблять.

Теперь я не просто иду завтракать, а лечу, натурально на крыльях любви, – к жизни, которая снова кажется мне по-настоящему удивительной штукой, надо только не лениться самостоятельно раскрашивать ее в соответствующие цвета. А я в последнее время как-то утратил эту свою замечательную способность устраивать себе отличные развлечения буквально из ничего. Наверное, просто устал – от себя, больше-то, по идее, не от чего. Хорошо хоть хватило ума купить билет на самолет к далекому теплему морю и собрать чемодан. Все-таки великое дело отпуск – еще никуда не уехал, а усталость, похоже, уже прошла.

И это только начало, – говорю я себе, проходя мимо оранжевого особняка, где недавно открыли студию йоги. С тех пор я мечтаю заказать в мастерской табличку с дурацкой надписью, например «Общество охраны прав василисков» или «Комитет нарушений причинно-следственных связей», и однажды безлунной ночью тайно ее подменить. Вернусь – надо будет этим заняться. И, кстати, нарисовать уже на каменной мостовой улицы Августиону тени деревьев, которые здесь не растут. Мне несложно, бывших художников не бывает. А какой будет эффект! – думаю я, ковыряя вилкой омлет. Откуда он, кстати, взялся? В смысле когда это я успел зайти в кафе и даже дожидаться заказа? Вопрос риторический; ясно, что пока я прикидывал, сколько краски и времени уйдет на рисование теней, откуда следует начинать и не позвать ли помощников, а если да, то кого, жизнь продолжалась, и я в ней довольно активно участвовал – не приходя в сознание. Все-таки мой автопилот удивительный молодец.

Я жую, почти не чувствуя вкуса, потому что разглядываю через окно ярко-синюю дверь на противоположной стене улицы и думаю: как же жаль, что человеческие возможности ограничены, и я не могу сделать так, чтобы эта синяя дверь каждый день оказывалась в каком-нибудь новом месте. Не то чтобы в этом был какой-то особый прок, но такие штуки бросаются в глаза, запоминаются, вносят в повседневное размеренное существование элемент божественного противоречия, лишают реальность избыточной плотности, от которой на самом деле очень легко устать, вон даже я устал, хотя казалось бы... Хотя, – думаю я, – двери на разных улицах можно время от времени тайком перекрашивать; это, конечно, наверняка считается хулиганством и карается штрафом. Надеюсь, что только штрафом, потому что, если уж мне припекло, держите меня семеро; впрочем, все равно не удержите. Непременно этим займусь,

как только вернусь из отпуска и нарисую на Августину хотя бы десяток древесных теней. И закажу какую-нибудь дурацкую табличку для студии йоги. Надо же, сколько дел! Прямо хоть не уезжай.

Но билет жжет мне карман, пепел кармана стучит в моем сердце, на пороге моей квартиры нервно поскрипывает колесиками собранный чемодан, боится, вдруг я без него уеду. Поэтому я откладываю в сторону вилку и, расплатившись, выхожу из кафе. По дороге успеваю придумать площадь имени Летучего Голландца, которая иногда туманными вечерами мерещится праздным гулякам вроде меня самого, огорчиться, что устроить такую штуку уж точно не в человеческих силах, увидеть над входом в студию йоги табличку «Общество охраны прав нарушителей причинно-следственных связей», почувствовать, как волосы натурально становятся дыбом, решить, что такая прическа мне наверняка к лицу, и несколько раз промахнуться ключом мимо замочной скважины: руки у меня те еще дураки, чуть что не так – дрожат. Я уже отчаялся воспитать в них стойкость.

Дома выясняется, что время у меня есть как минимум на еще одну чашку кофе, а пока он варится, хорошо бы проверить, что творится в моем чемодане, потому что собирал я его вчера явно на автопилоте, и теперь совершенно не помню, что туда положил. Но гораздо важнее, что возня с чемоданом отвлечет меня от размышлений о том, откуда взялась табличка над йоговской студией. Именно то, что мне сейчас требуется, потому что какой же дурак согласится сойти с ума накануне отпуска, буквально пару часов до вылета не дотянув.

Открыв чемодан, я действительно сразу забываю о дурацкой табличке. Какая может быть табличка, когда из чемодана к моим ногам вываливаются плавки – не одни, а десятки, нет, сотни плавок разных фасонов, цветов и размеров, мокрых настолько, что по полу от них в разные стороны текут ручейки; сливаясь, они превращаются в реки, вода прибывает, минуту спустя меня уже окружает самое настоящее море, оно мне сейчас как раз по колено, самое время идти на дно, в смысле садиться на пол и хохотать, наконец-то вспомнив, откуда эти мокрые плавки взялись.

* * *

– Это нечестно, – говорю я. – Тоже мне отпуск! Какие-то жалкие полтора часа.

– Час тридцать восемь минут, – педантично поправляет меня Нёхиси. – Я засекал. Однако этого хватило. Твою усталость как рукой сняло.

– Я не то что до моря, а даже до аэропорта не добрался, – говорю я, изо всех сил стараясь изобразить хоть какое-то подобие негодования на своем лице, стремительно превращающемся в безобразно довольную рожу.

Нёхиси тактично делает вид, что не замечает моих провальных попыток. Хотя, по идее, мог бы задразнить.

– Извини, – с несвойственной ему кротостью отвечает он. – Я без тебя как-то неожиданно сильно заскучал. Сам удивляюсь – с чего бы? Теоретически я всемогущ, а значит, могу все, в том числе прекрасно без тебя обходиться. Но теория внезапно разошлась с практикой. Видимо, это и называется «форс-мажор». С другой стороны, все к лучшему. Эта твоя идея с тенями от несуществующих деревьев очень уж хороша, а рисовать их все-таки лучше не той краской, которую можно купить в любой художественной лавке, а новейшим тенеимитатором из моих запасов. Пару банок я охотно тебе ссужу.

– И поможешь мыть кисти, – говорю я условно суровым тоном. Очень условно суровым, потому что голос сейчас повинуется мне не лучше, чем лицо.

– Помогу, – соглашается Нёхиси. – Кто же, будучи в здравом рассудке, доверит тебе самому отмывать кисти? Даже не знаю, во что они превратятся после такой процедуры. А инструменты хорошие, дорогие, еще пригодятся. Надеюсь, не раз.

– А потом я...

– А потом ты займешься исчезающей площадью, – твердо говорит Нёхиси. – Будет обидно, если ее никто никогда не увидит. Например, сегодня на закате в районе Тибетского сквера. И завтра вечером где-нибудь возле Нерис. И послезавтра...

– Да не вопрос, – улыбаюсь я. – Я еще помню, как мне было обидно, что устроить такую штуку не в человеческих силах. Чертовски приятно вспомнить, что «не в человеческих» означает «вполне в моих».

Улица Аукштайчю (Aukštaičių g.) Он подкрался, густой и безмолвный

Нёхиси куда-то пропал.

То есть не глобально пропал, конечно. Об этом речи нет. Если бы Нёхиси пропал глобально, не о чем было бы говорить. Да и, пожалуй, некому.

Строго говоря, Нёхиси вообще никуда не пропадал, просто я уже очень долго его не видел. Дней шесть, кажется. Или даже семь? В общем, с тех пор, как выпал первый декабрьский снег, и он позвал меня отпраздновать это событие кружкой горячего вина. Нёхиси любит зиму, а я терпеть не могу, и он это знает, поэтому в холода с него всегда причитается, а в оттепель причитается с меня, все честно.

Собственно, потому я и беспокоюсь: тот снег, который мы так душевно встретили в гамаке под Заречным мостом, закусывая горячее вино колотым речным льдом, успел благополучно растаять, потом снова ударил мороз, и мокрые тротуары превратились в катки, но всего на сутки, потому что на следующий день на небо, спросонья дико озираясь по сторонам, выкатилось совершенно весеннее с виду солнце, ртутный столбик термометра подскочил до плюс восьми, идиллия продолжалась целых три дня, а Нёхиси так ни разу и не выпрыгнул на меня из-за угла с криком: «Эй, это кто тут слякоть развел посреди моего декабря?» А ведь я все это время предусмотрительно носил во внутреннем кармане пальто флягу с его любимым темным ромом, лучшее, неоднократно проверенное средство от зимних бурь.

Впрочем, это как раз ладно бы, не каждый день Нёхиси приходит охота изображать праведный гнев в обмен на глоток темного рома, но вчера ночью снова изрядно приморозило, с утра начался снегопад, а не нанести мне по такому случаю утешительный визит – совершенно на него не похоже. Торжествуя извиняться передо мной в связи с очередным наступлением холодов Нёхиси любит даже больше, чем эти холода устраивать.

Поэтому я места себе не нахожу. И думаю, что надо бы его поискать.

Штука в том, что, расставаясь, мы с Нёхиси никогда не договариваемся о следующей встрече. До сих пор это было совершенно ни к чему, потому что он и так постоянно попадает на глаза. Ну или я ему. В общем, мы то и дело попадаемся друг другу на глаза, можно подумать, будто в мире никого, кроме нас, вообще нет.

Хотя это совершенно точно не так, мы проверяли.

Ладно, ладно. Все когда-нибудь приходится делать впервые. По крайней мере, я знаю, с чего следует начинать поиски: надо выйти из дома.

Выйти из дома не так просто, как может показаться. Сперва надо одеться, что само по себе та еще задача. Свитер, штаны, ботинки, все вот это вот бесконечное торжество материи над другой материей – той, из которой временно состою я. Ах да, еще под ботинками должны быть носки. Я толком не знаю зачем, но должны, это точно. А поверх свитера следует надевать пальто. Ну или куртку какую-нибудь, но пальто мне нравится больше, его полы развеваются на ветру и таким образом рожают еще один, дополнительный ветер, а это само по себе удовольствие – всегда, даже сегодня, когда на термометре минус четыре, с неба падают мокрые снежные хлопья, под ногами злокозненно похрустывает лед, и в сердце моем по этому поводу не то чтобы настоящая тоска, а, скажем так, некоторая досада.

Впрочем, ладно, я сейчас не о том. А о том, что надо, черт побери, одеться.

Но одеться – это еще только полдела. Прежде, чем выйти из дома, надо решить, что это сегодня будет за дом. И на какой улице он стоит, и как выглядит – все детали, вплоть до цвета входной двери и прорех в заборе. Потому что если уж взялся быть частью материального мира, будь добр, поддерживай полную определенность во всем. Бардака тут и без тебя предостаточно. В смысле без меня. Ну, то есть без нас.

Чаще всего дом, из которого я выхожу, стоит на улице Аукштайчу. Это, на мой взгляд, идеальное место. Улица расположена в самом центре и одновременно на таких задворках, что, если специально ее не искать, в жизни туда не забредешь. Целых домов здесь всего четыре, в одном из них детский сад, второй недавно отремонтировали и устроили там какой-то шикарный офис, а два оставшихся выглядят обжитыми и заброшенными одновременно, вот так сразу не поймешь, то ли хозяев выселили буквально позавчера, то ли они сами затеяли ремонт, то ли просто живут среди покосившихся стен, выходят на крыльцо, переступая через груды отсыревших досок, подставляют тазы под вечную потолочную капель в надежде, что дома выправятся как-нибудь сами, особенно если регулярно подкладывать под их стены новенькие румяные кирпичи, как сухой корм к кошачью миску – угощайся, дорогой.

Мой дом выглядит точно так же, как соседские: щербатые стены, перекошенные двери, черная от времени черепица, цветы на подоконниках, теплый желтый свет за помутневшими от времени стеклами, на осыпающемся балконе в любую погоду сушатся серые от частых стирок полотенца и вызывающе жизнерадостные красные трусы, такие достоверные в своей нелепости, что, глядя на них, никто никогда не вспомнит, что еще вчера на месте этого дома был крошечный пустырь, умиротворяюще пологие холмы тряпок и битых кирпичей в зарослях прошлогодней травы и одна-единственная уцелевшая стена – белая, снизу доверху разрисованная летящими птицами.

А дальше по улице неприветливо скалятся остовы разоренных промышленных зданий, вечная стройка, круглосуточно распахнутые ворота с предостерегающей табличкой: «Внимание, опасно! Не ходить». Врут, кстати, нет там никаких опасностей, но интересного тоже ничего нет, только смутное обещание будущих изменений и сопутствующей им человеческой суеты.

А еще там рядом река. Не то чтобы это было жизненно важно для меня, просто очень приятно. Я люблю жить рядом с рекой.

В общем, сегодня я выйду из дома на улицу Аукштайчу. Это решено.

Но прежде, чем выходить, следует остановиться на пороге и прочитать магическое заклинание: «Ключи, кошелек, телефон». Несмотря на кажущуюся простоту, это очень сильное заклинание, совершенно необходимое в моем положении, без него на улицу лучше не соваться. Все будет не то и не так, реальность рассыплется на фрагменты, как пазл, по неосторожности сброшенный со стола незадолго до завершения работы, рассердишься, растеряешься, а потом внезапно откроешь глаза, и выяснится, что ты все еще лежишь в постели, укутанный в какой-нибудь припасенный с прошлого лета теплый густой туман, а голова покоится на подушке, набитой недосмотренными сновидениями вечно не высыпавшихся студентов Художественной Академии – из них, кстати, получают самые лучшие подушки, какой там пух, какое перо и, тем более, синтепон.

Само по себе все это неплохо, но означает, что хлопотные сборы просто приснились, теперь придется начинать сначала. И хотя бы на этот раз не забыть перед выходом из дома прочитать заклинание: «Ключи, кошелек, телефон».

Аминь.

Можно идти.

И иду я, конечно же, к реке. Не факт, что Нёхиси обнаружится именно там, в отличие от меня, он не видит особой разницы между водой и сушей и не предпочитает одно другому.

Но прогулка у реки сама по себе удовольствие, а значит, вся суэта со сборами была не зря, вне зависимости от того, найдется Нёхиси или нет.

К тому же он все равно уже нашелся.

Сидит, как ни в чем не бывало, под старой высокой ивой, прямо в сугробе. Впрочем, вру, все-таки нет, не в сугробе, нашел где-то древние детские санки, деревянные, на металлических полозьях, теперь на таких, кажется, никто и не катается, но табуретом они служить вполне могут, почему нет.

Удивительно, впрочем, не это. А то, что в руках у Нёхиси книга. Никогда прежде не видел его с книгой в руках. Если Нёхиси приходит охота почитать, он просто идет в ближайшую библиотеку, прячется там на какой-нибудь полке, сворачивается клубком по-кошачьи, а иногда и правда превращается в кота, просто для собственного удовольствия, дремлет там, сколько пожелает, а книги читают ему себя сами, им это очень нравится, а удается нечасто, читателей вроде Нёхиси по пальцам можно пересчитать.

Но сейчас Нёхиси читает книгу обычным способом. Более того, приблизившись, я понимаю, что он делает это вслух. Я открываю рот, чтобы спросить, что это с ним стряслось, но Нёхиси, заметив меня, сразу прижимает палец к губам и – даже не произносит, а думает: «Тсссс!»

Ладно, потерплю.

Я оглядываюсь по сторонам, прикидывая, как бы устроиться поудобней. Вокруг сугробы, а еще одних санок Нёхиси для меня не припас, лучшее, что можно сделать в такой ситуации – забраться на дерево и устроиться на какой-нибудь ветке потолще, прислонившись спиной к стволу.

Ну, почему бы и нет.

– Я был на корабле Флинта, когда он зарыл сокровища, – читает Нёхиси. – С ним было еще шесть моряков – здоровенные, сильные люди. Они пробыли на острове с неделю, а мы сидели на старом «Морже». В один прекрасный день мы увидели шлюпку, а в шлюпке сидел Флинт, и голова его была повязана синим платком. Выходило солнце. Он был бледен как смерть и плыл к нам... один¹¹.

«Остров сокровищ», надо же. Нёхиси читает «Остров сокровищ» – вслух, среди бела дня, на берегу реки. Не стану утверждать, будто ничего более удивительного мне в жизни видеть не доводилось, но вот прямо сейчас припомнить не могу. Спасибо ему за это.

Я поплотнее закутываюсь в пальто и закрываю глаза. Как будто мне снова восемь лет, я лежу в постели с очередной простудой, и папа читает мне на ночь «Остров сокровищ» – честная плата за стойчески перенесенные горчичники, у нас так было заведено.

И я – не то чтобы засыпаю, но погружаюсь в сладкую дрему, синюю, как ранние зимние сумерки, которые уже начались.

– До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!» – произносит Нёхиси, и я сквозь дрему думаю: «Надо же, уже до конца дочитал».

Нёхиси задирает голову и говорит мне:

– Привет.

– Ты чего затеял? – спрашиваю я.

– Читаю, – коротко отвечает он. – А почему ты мне никогда не рассказывал?

– Не рассказывал – о чем? Что есть такая книжка «Остров сокровищ»? Ну, извини. В голову не приходило, что тебе именно этого не хватает для полного счастья.

¹¹ Роберт Льюис Стивенсон «Остров Сокровищ», перевод Н. Чуковского.

– Не рассказывал, что дети любят, когда им читают вслух на ночь. Я-то сам никогда не был маленьким. И не знал...

– А разве это важно? – удивленно спрашиваю я, свешиваясь с ветки.

Разговаривать так не очень удобно, просто мне пока лень слезать.

– Важно, – говорит Нёхиси. – Не лично мне, а деревьям. Они же каждый год засыпают на всю зиму. И никто никогда не читает им вслух. По-моему, им должно быть очень обидно. Они-то знают, как здорово засыпать под хорошую книжку.

– Откуда они это знают?

– Да оттуда же, откуда и я. Из разговоров.

– Из каких разговоров?

– Из человеческих, – устало объясняет Нёхиси. – Ну что ты прикидываешься тупицей?

– Я не прикидываюсь. Просто пока ты читал, я задремал. А спросонок я тупица и есть. Поэтому давай ты объяснишь все с самого начала.

– Ладно.

Нёхиси сегодня на редкость покладист.

– У меня и кофе есть, – говорит он, доставая термос из внутреннего кармана пальто. – Но за ним тебе придется спуститься на землю.

– А еще одних санок у тебя случайно нет? – ехидно интересуюсь я. – Моя задница, видишь ли, не создана для попиранья сугробов.

Нёхиси молча достает из внутреннего кармана пальто деревянные санки на металлических полозьях, такие же, на каких сидит сам. Теоретически я знаю, что у него всегда при себе весь мир, но на практике все равно всякий раз удивляюсь такому эффектному жесту.

И от удивления спускаюсь наконец с неба на землю. В смысле прыгаю с дерева в сугроб.

И достаю из своего кармана флягу с ромом, чтобы Нёхиси тоже как следует удивился. Потому что в такой собачий холод я его обычно не угощаю. Но сегодня – ладно, пусть будет. Такой уж день, все у нас кувырком.

– В кафе, – говорит Нёхиси. – Я зашел в кафе, причем в полной уверенности, что найду там тебя.

Обычно так и бывает – если уж Нёхиси потянуло зайти в кафе, значит, там сижу я. И наоборот. Но нет правил без исключений.

– Тебя там не было, зато был такой, знаешь, несладкий розовый лимонад, – мечтательно говорит Нёхиси. – Из тех напитков, при взгляде на которые сразу хочется стать рекой, в которую их кто-нибудь выльет. Но можно и просто купить и выпить по-человечески, почему нет.

– Почему нет, – с удовольствием повторяю я, отхлебывая кофе из крышки его термоса.

Стать рекой, в которую постоянно кто-нибудь выливает кофе, – это очень соблазнительная идея. Останавливает меня лишь то соображение, что хороший кофе в реку выливать нет дураков, а от всякой бурды у меня быстро испортится характер. И я, вероятно, выйду из берегов.

– За соседним столом сидела довольно большая компания, – говорит Нёхиси. – Разные люди, так сразу и не поймешь, что их объединяет; впрочем, неважно. Важно другое: один из них рассказывал, как отец читал ему на ночь книгу «Остров сокровищ», каждый вечер по одной главе. И это, по его словам, лучшее воспоминание детства: за окном зимняя ночь, падает снег, в спальне тепло и темно, горит только маленькая настольная лампа, отец читает, он слушает, засыпает и сам не замечает, в какой момент книжная история превращается в его собственный сон. Говорит, потом, через несколько лет, перечитал эту книгу и очень удивился, что доброй половины запомнившихся ему приключений там не было, наверное, приснились, ну или отец от себя добавлял на ходу, кто теперь разберет... И другие люди тоже стали вспо-

минать, как им читали на ночь, а одна женщина сказала, что они с мужем и сейчас так делают, он ей читает, когда она вяжет, а она ему – в постели, перед сном. И, слушая их, я подумал про деревья. Чем они хуже людей?

Вопрос, конечно, риторический. О деревьях нам обоим известно, что они ничем не хуже кого бы то ни было. Строго говоря, деревья вообще лучше всех. Отличные ребята, даже жизнь в городе обычно почти не сказывается на их характере, хотя лично я бы на их месте чокнулся. Расти среди людей, в окружении человеческих домов и автомобилей, не имея никакой возможности выкопаться и уйти ко всем чертям, когда окончательно надоест – это все-таки очень нервное занятие. А городские деревья ничего, как-то выдерживают. И даже симпатизируют людям, по крайней мере, некоторым. Тем, кто их замечает. Доброжелательное внимание – это очень ценный подарок, лучшее, что может дать дереву человек.

Впрочем, не будем отвлекаться.

– Когда зима такая теплая, как нынешняя, деревья спят не очень крепко, – говорит Нёхиси. – Скорее, просто дремлют. Самое время почитать им что-нибудь хорошее, так я решил.

– Так вот чем ты занимался все это время! Читал деревьям «Остров сокровищ»!

– Да почему же только «Остров сокровищ», – улыбается Нёхиси. – Эти люди в кафе довольно много разных хороших книг вспомнили. Я их раздобыл и вот, хожу, читаю. Жаль, не получается читать так громко, чтобы было слышно во всем городе сразу. Но тут ничего не поделаешь. Пришлось устроить что-то вроде лотереи – читать всем одно и то же скучно, а выбрать непросто, поэтому я беру книги из стопки по одной, наугад. И иду тоже наугад – куда ноги сами приведут. Деревьям на бульваре Вокечу я читал «Вино из одуванчиков» Брэдбери, в парке Вингис – «Холодный дом» Диккенса, на холме Тауро – рассказы Грина, на Лукишской площади – «Гарри Поттера», на Жверинасе «Записки о Шерлоке Холмсе», ну и «Остров сокровищ» напоследок – здесь. А больше пока ничего не успел. Чтение вслух – медленная работа. Я не справляюсь, дружище. Очень жаль!

– Да ладно тебе, – говорю я, снова протягивая ему флягу с ромом. – Я тебя не брошу. И даже уже знаю, с чего начну.

– Надо же, даже торговаться не стал, – ухмыляется Нёхиси. – А мог бы. Такой шанс!

– Не о чем мне с тобой торговаться, – отмахиваюсь я. – Зима и так будет теплой, это теперь и в твоих интересах. Глупо читать вслух тому, кто тебя не слышит. А в морозы деревья спят очень крепко, ты сам говорил.

– Да, – кивает Нёхиси, – эта зима будет теплой. Твоя взяла.

Теплый весенний ветер вылетает из моего рукава, по-хозяйски оглядывается и принимается за дело. Завтра утром от всего этого белого безмолвия не останется и следа.

А мне того и надо.

Но пока снег еще не растаял, только стал мокрым и рыхлым, из такого здорово лепить снежки. В другое время именно этим я бы, пожалуй, и занялся, но сейчас ничего не выйдет, для игры в снежки нужен хотя бы один партнер. А Нёхиси отправился в Бернардинский парк с томиком Борхеса под мышкой. Меня немного смущает его выбор, невозможно предсказать, как отразится подобное чтение на характере тамошних деревьев; с другой стороны, доживем до лета – узнаем. А мы, несомненно, доживем.

Но лето будет когда-нибудь потом, так нескоро, что сейчас, пока я иду вдоль берега реки Вильняле, почти по колено проваливаясь в снег, трудно думать о нем как о чем-то возможном и принимать эти мысли всерьез. Я и не думаю. Я достаю из-за пазухи книгу, выбранную специально для яблонь Бельмонтаса, к которым я питаю особую тайную слабость, открываю ее и

начинаю читать прямо на ходу: «Первый снег пал на Муми-дол хмурым утром. Он подкрался, густой и безмолвный, и за несколько часов выбелил всю долину»¹².

¹² Туве Янссон «Шляпа волшебника», перевод В.А. Смирнова.

Улица Аушрос Варту (Aušros Vartų g.) После того, как все

– Что бывает после того, как все заканчивается? – спрашивает Евка.

Зря она спрашивает об этом меня. Я не священник, не философ-мистик, не духовидец, беседующий с ангелами, когда тем приходит блажь поболтать. Обычный человек, плохой художник, хороший портной, бывший друг Евкиного бывшего мужа. И ее лучший друг.

Когда-то мы отлично проводили время вдвоем – Витька, Евка и я. А теперь Евка умирает, а Витька сбежал на край света еще полтора года назад, как только узнал о ее диагнозе. А я – ну что я. Явно не тот человек, которого следует спрашивать о важных вещах. Но Евка известная растяпа, никогда не умела сделать правильный выбор. Даже в мужья, как оказалось, взяла самого ненадежного человека в мире, а вот теперь безошибочно отыскала наихудшего теософа – меня.

Эх, Евка, Евка.

Я никогда не был в нее влюблен. Мы просто дружили. Сперва потому, что Евка вышла замуж за моего лучшего друга и стала как бы обязательным приложением к нашим встречам – хочешь не хочешь, привыкай. Но потом время расставило все по местам, и оказалось, что ни к кому Евка не прилагается, она сама по себе. Совершенно золотая девчонка. Думал, таких не бывает.

Нам всегда было интересно вместе, как в ранней юности, когда дружба нужна для того, чтобы совместными усилиями познавать мир и хоть как-то разбираться с постоянно прибывающей информацией о нем. Ставили друг другу любимую музыку: «Как тебе Нина Хаген?», «Неужели Лори Андерсон никогда не слушала?» Бурно ссорились, обсуждая книги, и немедленно мирились, узнав о большой выставке Базелитца или Бойса – где-нибудь условно недалеко, всего в полутора тысячах километрах от нас, и надо срочно понять, как мы будем туда добираться. Евка приохотила меня к фильмам Клода Шаброля и Жака Риветта, а я нанес сокрушительный ответный удар Джармушем. Евка научила меня делать смородиновое вино, запускать воздушных змеев и кататься на роликовых коньках. Я уговорил Евку достать из шкафа заброшенную со школьных лет скрипку и сшил для нее лучший в мире пиджак, с настоящими часами на груди. То есть оставил на виду стрелки, а часовой механизм с крошечной батарейкой спрятал под подкладку, и счастливая Евка ходила по городу, звонко тикая, сверкая парчой и вельветом лоскутного циферблата, первая в мире девушка-хронометр, только сегодня, только у нас. Мы азартно резались в покер ночи напролет, отплясывали Линди Хоп на вечеринках, разрисовывали стены дружественных кафе, устраивали импровизированные уличные концерты для соседских детей и еще столько всего замечательного делали мы вместе с Евкой – не перескажешь.

Боже, какие же мы были прекрасные веселые дураки всего два года назад. Вот бы еще так пожить. Хоть когда-нибудь.

Но ничего не выйдет, потому что Евка скоро умрет. Может, завтра, может, через неделю. Счет в любом случае идет на дни, и она это знает. И Зося знает, и я.

...Зося – Евкина старшая сестра, больше у них вообще никакой родни. Не знаю почему – никогда не расспрашивал. Зося молодец, забрала Евку к себе домой, на Аушрос Варту. Дома гораздо лучше, чем в больнице, здесь клетчатые пледы, цветы на подоконниках, ласковая серая кошка Брыська, сладкие кухонные запахи, колокольный звон и солнечный свет сквозь зеленые

занавески, здесь человеческая жизнь кажется хорошей штукой, которая не может вот так ни с того ни с сего взять и закончиться ничем.

Мне – и то не верится.

– Что бывает после того, как все заканчивается? – настойчиво спрашивает Евка.

И я, дурак несчастный, глупый тупица, за сорок лет так и не выучившийся вдохновенно врать, бормочу:

– Я не знаю.

– Витька однажды рассказывал, ты в детстве почти утонул, еле откачали, – говорит Евка.

А толку-то, – думаю я. – Все равно ничего не помню. Ни пресловутого света в конце тоннеля, ни добрых ангелов, ни покойных прабабушек, вышедших мне навстречу, ни каких-нибудь тибетских милосердных божеств. Мне же тогда пяти лет еще не было. Я даже о самом событии знаю только с маминых слов; она меня потом лет до пятнадцати на пляж не пускала. Собственно, дай ей волю, до сих пор не пускала бы, просто я научился удираТЬ без спроса. И не только на пляж.

– Я больше никого такого не знаю, – говорит Евка. – Чтобы умер, а потом ожил. Некого больше спросить. А мне сейчас только это и важно.

Мне тоже сейчас только это и важно, – думаю я. – Хотел бы я быть наивным дураком, совершенно уверенным, будто после того, как здесь все закончится, где-нибудь что-нибудь начнется. Ослепительно прекрасное. Для Евки. Тогда не так страшно навсегда с ней расставаться.

– Золотая лестница, – говорю я.

И мысленно хватаюсь за голову. Боже, какая глупость. Что я несу. Какая, к черту, лестница. Да еще и золотая. Это же не ребенок и не старушка суеверная, а Евка. Человек с двумя гуманитарными образованиями. Кого я хочу обмануть.

– Вот, – она почти улыбается. Насколько это вообще возможно. – Так и знала, ты что-то помнишь.

– Золотая лестница спускается с неба, – говорю я. – Но не металлическая. Мягкая. Из чего-то вроде толстого каната. Но позолоченного. То есть, сплетенного из золотых волокон. Наверное. По-хорошему, надо бы поближе посмотреть.

Несу все это просто от отчаяния. Понимаю, что если уж ляпнул, надо развивать тему. И не дай бог мне сейчас остановиться, запнуться или покраснеть, потому что Евка мне верит. Поздно придумывать что-то умное. Раньше надо было. А теперь выкручивайся как можешь. Только не умолкай. Говори. Говори. Говори.

– Я был еще жив, но уже не понимал, что тону. Не чувствовал, что вокруг вода. Не задыхался. Просто смотрел, как лестница спускается с неба. И так ей радовался, как вообще никогда ничему в жизни. Ничего на свете так не хотел, как ухватиться за эти золотые канаты и ползть вверх. Если бы мне тогда велели выбирать – ожить и попасть домой к маме или лезть по золотой лестнице, – у мамы не было бы ни единого шанса. Хотя она у меня хорошая. Я ее очень люблю, а в детстве вообще обожал. Но когда глядел на золотую лестницу, даже не вспомнил, что где-то есть мама. И другие люди. И какая-то жизнь. Такое счастье было – просто смотреть на золотую лестницу. И даже вообразить не могу, как здорово было бы по ней лезть! Но меня, как видишь, все равно откачали. В первые дни после этого я все время плакал. Взрослые думали, от пережитого страха, а я им ничего не объяснял. Откуда-то знал, что золотая лестница – это тайна, никому нельзя рассказывать. Потом я о ней забыл, конечно. А теперь ты спросила, и я вдруг вспомнил. Надо же.

– Ежи, дружище. Как же хорошо, – говорит Евка. – Если самому хочется по этой лестнице лезть, то наверное не страшно, да?

– Очень хочется, – твердо говорю я. – И совершенно не страшно.

– Хорошо, – повторяет Евка. – Тогда хорошо.

* * *

– Так странно, Ежинька, – говорит Зося. – Так это все странно.

Она мертвой хваткой вцепилась в мой рукав. Хотя я раз сто уже пообещал, что никуда не уйду, даже ночевать останусь, если будет нужно. Но своими руками держать, конечно, надежнее, чем полагаться на слова, я понимаю.

– Так этого дня боялась, – говорит Зося. – Каждое утро думала: ну пускай еще сегодня поживет, один денек, неужели жалко? И еще один. И еще. Совершенно не понимала, как это можно – взять и отпустить человека в смерть. А не отпускать я не умею. Не знала, что буду делать, когда Евка все-таки уйдет. И вот – все, ушла. И при этом так улыбается, как будто ничего лучше смерти не может случиться с человеком. Вот правда, улыбается. Как будто там хорошо. Даже я ей поверила, представляешь?

И начинает плакать. Это вроде бы правильно. То есть гораздо лучше, чем сдерживаться, все так говорят.

– Хочешь на нее посмотреть? – спрашивает Зося. – Попрощаться.

Господи, конечно, я не хочу смотреть на мертвую Евку. Но ясно, что придется. Зосе это зачем-то надо. Глядит умоляюще, тянет меня за рукав. И хорош я буду, если стану сейчас с ней препираться.

– Смотри, Ежинька, – говорит Зося. – Она улыбается. Мне не показалось. Не обманываю себя. Правда же?

– Правда, – отвечаю я.

Но смотрю не на мертвую Евку. А вниз, туда, где на темно-вишневом ворсе старенького Зосинога ковра сверкают обрывки золотых волокон. Один, два, три – господи, да сколько же их тут.

Улица Ашмянос (Ašmenos g.) На сдачу

– ...и еще акрил в больших банках, – говорит ненасытный Тони, – да-да, все цвета, кроме краплака. И кисти. Нет, не эти, а вон те. Первый, второй, третий и нулевку. И, может быть... да, вот такой мастихин. И еще такой. А это у нас что вон на той полке?..

Пока мы пакуем добычу в рюкзаки, маленькая седая продавщица суетливо роется в кассе, как птица в кормушке, ищет там сдачу с Тониной двухсотлитровой купюры.

– Мелочи совсем нет, – наконец вздыхает она. – Может быть, возьмете на сдачу?

Кладет на прилавок коробку с цветными мелками. Не пастельными, не восковыми даже, а обычными, которые только и годятся на школьной доске рисовать. И, конечно, на асфальте.

Мне не до мелков, я пытаюсь застегнуть рюкзак, а Тони рассеянно сует коробку в карман. Продавщица, убедившись, что проблема со сдачей улажена, расплывается в улыбку.

– Вот и хорошо, – говорит она нам вслед. – Детям подарите, пусть рисуют.

Ни у Тони, ни у меня нет детей. Но эту информацию мы оставляем при себе, чтобы не разочаровывать маленькую седую птичку.

...За порогом сияют целых два солнца – небесное и его отражение в серебристо-синей луже, разлившейся на всю проезжую часть. И дует ветер, по-весеннему теплый и такой сильный, что мы сразу же оставляем попытки самостоятельно выбрать дальнейший маршрут и разворачиваемся так, чтобы он дул нам в спину.

– Солнечный ветер, – говорит Тони. И щурится, как довольный кот.

Мы сворачиваем за угол, на улицу Ашмянос, а там, гляди-ка, почти никакого ветра. И мы, конечно, сразу же вспоминаем, что давным-давно хотели покурить. Еще до того, как зашли в лавку. А уж теперь-то как хотим, слов нет.

Тони возится с машинкой для набивки сигарет и трепетными пустыми гильзами, а я слоняюсь вокруг, всем своим видом изображая моральную поддержку. И, конечно, глазею по сторонам, по старой привычке кадрирую окружающий мир – клац, клац, клац.

– Смотри, – говорю, принимая из Тониных рук сигарету, – кому-то явно не дали поиграть в «классики».

– Дорисовать – и то не дали, – кивает он.

Тротуар и правда расчерчен на квадраты, а вписать в них соответствующие цифры неведомый художник уже не успел. То ли обедать позвали, то ли просто дали по ушам за порчу общественного асфальта.

Зато нам, счастливым великовозрастным дуракам, закон не писан. Нас уже давно никто не зовет обедать. И по ушам нам не очень-то надаешь, до них сперва еще поди допрыгни.

Опьянев от внезапно (лет тридцать назад) наступившей и все еще восхитительной вседозволенности, солнечного ветра, табачного дыма и тяжести набитого красками рюкзака, я вытаскиваю из Тониного кармана коробку с мелками, сажусь на корточки возле первой клетки, намереваясь написать там большую цифру 1. Ярко-синюю, как небо в лужах под нашими ногами, или желтую, как веселое весеннее солнце, или зеленую, как будущая, невидимая пока листва, или красную, как Тонина старая куртка. Но, взяв в руки мелок, тут же забываю о первоначальном замысле и зачем-то закрашиваю синим всю клетку. Не удовлетворившись достигнутым, вытряхиваю из коробки остальные мелки и начинаю рисовать рыб. Потому что синяя клетка – это, конечно же, море. Судя по яркой окраске рыб, Красное. Например. Впрочем, несколько минут спустя, рыбы мои принимают очертания столь причудливые, что море теперь явно при-

дется передать в дар инопланетянам. Пусть они с этими рыбами договариваются о совместном существовании. Потому что человечество в моем лице – пас.

– Ух ты, – говорит Тони.

Он уже выбросил докуренную сигарету и рвется в бой. Ему только повод дай.

Вторую клетку Тони уверенно штрихует зеленым и синим, и мне заранее ясно, что это будет Венеция, на которой он совершенно помешан, вот и разноцветные дома поднимаются из воды, но вместо гондол и моторных лодок пейзаж внезапно заполняется крылатыми существами, похожими одновременно на людей и на лис.

– Матерь божья, это кто такие? – изумленно спрашиваю я. Тони смеется:

– Понятия не имею. Сами пришли и захотели быть. Мое дело маленькое.

– Ладно, пусть тогда мои рыбы живут в их воде, – говорю я. – Они, по-моему, друг другу подходят.

– Вполне, – соглашается Тони, переставляя коробку с мелками так, чтобы мне тоже было удобно их брать.

Третью и четвертую клетки мы разрисовываем одновременно, можно сказать, наперегонки. Тони, конечно, выходит победителем – все-таки профессионал. Поднимается, разгибает спину, потягивается, с явным удовольствием разглядывает результат.

– Ух ты! А у тебя это что? – спрашивает он.

– Наверное, карта города, – неуверенно говорю я, откладывая в сторону фиолетовый мелок. – Ну точно, карта. Такая, знаешь, схема маршрутов для туристов. Ее каждый день рисуют на городской стене. А ночью идет дождь и смывает рисунок. Поэтому по утрам приходит дежурный художник и рисует новую карту. Он, конечно, не очень-то помнит, что было на вчерашнем рисунке, да и не старается вспомнить, а просто чертит, как бог на душу положит. Но туристы все равно могут ею пользоваться: пока художник рисует новую карту, город меняется в полном соответствии с ней.

– Тогда художников должно быть двое, – говорит Тони. – Во-первых, нельзя человеку работать без выходных. А во-вторых, так еще больше перемен и путаницы. И все довольны.

Его картинка в четвертой клетке полностью соответствует этому утверждению. На ней два чрезвычайно довольных крылатых человека-лиса, немного – насколько это возможно с их лисьими мордами – похожие на нас, парят над своим городом-озером с большими красными кружками в руках.

– Они наверняка пьют кофе, – говорю я.

– Конечно. Как бы ты ни выглядел и где бы ни жил, а без кофе никак нельзя.

Мы бы тоже могли сейчас отправиться пить кофе – собственно, мы и собирались – но вместо этого Тони начинает сворачивать очередную сигарету, а я – разрисовывать пятую по счету клетку. Совершенно невозможно остановиться.

– Что это? – спрашивает Тони. – Очень красиво, но ни черта не понятно.

– Наверное, – говорю я, – это такая книга. Вернее, то, что у них вместо книг. Когда постоянно летаешь над водой, очень здорово, если в ней отражаются всякие интересные штуки. Например, книжки с картинками, которые в такой непростой ситуации лучше сразу писать на облаках. Причем в зеркальном виде. Чтобы отражались уже как надо.

– Ладно, – кивает Тони. Отдает мне сигарету, отбирает мелки и, пока я перевожу дух, быстро-быстро рисует в шестой клетке летающих писателей, старательно покрывающих облака письменами.

– Ага, именно так они и работают, – киваю я.

И принимаюсь за седьмую клетку, а Тони достается восьмая.

Я рисую потоки разноцветного ветра над густой чернотой прибрежных плодовых садов, а Тони корпит над главной площадью, где высажены подводные деревья, настолько высокие, что в их поднявшихся над поверхностью озера ветвях могут отдохнуть усталые летуны.

В девятой клетке я рисую мост, но не между берегами, а между землей и небом. В точности как Старый Лондонский мост, он застроен домами, по крайней мере, на обозримом участке, а что делается выше, за облаками, я не знаю. Куда уж мне.

Тони еще рисует, поэтому сигареты для нас сворачиваю я. Закончив последнюю, десятую клетку, он берет у меня самокрутку и, забыв прикурить, замирает, уставившись в небо. А я озадаченно разглядываю его картинку. Наконец спрашиваю:

– Слушай, а что это?

– Наверное, карта, – улыбается Тони. – Но не города, как у тебя была. А как туда добраться. В смысле отсюда. Ну, если вдруг приспичит. Мало ли что.

– Ого, – говорю я, всматриваясь в рисунок. И повторяю: – Ого.

А что тут еще скажешь.

...Мы сидим прямо на бордюре и курим. Нам, по правде говоря, довольно зябко, потому что наш приятель ветер снова тут как тут. Пока мы рисовали, он отдохнул и теперь готов дуть сколько угодно.

Нам, если по уму, следовало бы оторвать задницы от холодного тротуара и бегом бежать в ближайшую кофейню или сразу домой. Но мы так устали, что пока можем только курить на ледяном солнечном ветру и блаженно улыбаться, глаза на причудливое дело своих рук.

Из соседнего двора выходит девочка лет семи. Рыжая девочка в старом красном пальто, достаточно пухлая, чтобы заслужить во дворе прозвище «бомба» или что-то в таком роде. У девочки коса до пояса, круглые зеленые глаза, упрямый лоб и такой волевой подбородок, что не хотелось бы мне оказаться на месте ее гипотетических обидчиков. В левой руке у девочки серая вязаная шапка, которую она только что сняла с растрепанной своей головы, в правой – круглая плоская белая коробочка, которую вполне можно использовать как битку. На лице у девочки крупными буквами написано неслыханное намерение немедленно поиграть в классики, которые она сама так старательно чертила перед обедом, чтобы были только ее, чтобы никто не мешал прыгать и не смеялся над промахами.

Увидев наши с Тони рисунки, девочка изумленно замирает. Секунд на пять, не больше. Потом кладет битку на первую клетку, прямо на голову одной из моих рыб. И начинает прыгать.

Девочка прыгает очень аккуратно. Подолгу стоит в каждой клетке, примеряясь к следующему прыжку. Она старается – не то по возможности сохранить картинки, не то просто добиться идеальной точности движений. Ей, похоже, вполне удастся и то и другое.

Добравшись до девятой клетки, девочка замирает и внимательно разглядывает десятую. Наконец вместо того, чтобы прыгать, носком цветастого резинового сапога осторожно подталкивает битку к границе между клетками.

Вот битка уже подползла к меловой черте. И потихоньку двинулась дальше. Вот... Черт, да где же она?

Толстая девочка в красном пальто стоит в девятой клетке, на моем мосту между землей и небом. И озадаченно разглядывает десятую, в которой нет ничего, кроме Тониного рисунка. Белая плоская коробочка никак не могла потеряться на его фоне. Тем не менее, ее там нет.

Девочка роняет на землю свою серую шапку. Машинально сует в рот кончик длинной косы. Думает. Садится на корточки, внимательно смотрит на картинку. Осторожно трогает ее рукой. Наконец поднимается и делает шаг вперед.

Мы с Тони глядим на нее как замороженные.

Улица Базилиону (Bazilijonų g.) Живой человек Валентин

Вел себя отвратительно.

Ну то есть на самом деле просто как всегда. Бранил осыпающуюся штукатурку старых зданий, критиковал неумелый новодел, неодобрительно комментировал провинциальную эклектичность архитектурного ансамбля, яростно бичевал граффити, демонстративно морщил нос при виде мусорных баков и синих туалетных будок, язвительно рассуждал о менталитете местных жителей, заперших чуть ли не все проходные дворы, с притворным умилением называл «милой деревенской» каждую вторую улицу и предрекал скорое появление пасущихся коз. И только в самом конце экскурсии, когда уселись на веранде кафе над рекой, и официант принес два полулитровых бокала сидра, запоздало сообразил, что так было нельзя. Люси – не старинная подруга, которая в любой момент может ласково сказать: «Заткнись, мое сердце» или просто развернуться и уйти, наскучив его ворчанием. То есть пока гуляли, ощущалось именно так, а теперь опомнился: на самом деле Люси – просто наемный специалист. Когда человек проводит экскурсии за деньги, разумно предположить, что деньги человеку очень нужны. Вряд ли она могла себе позволить вот так сразу послать клиента подальше.

А в таких обстоятельствах непрерывное брюзжание – это уже свинство. Словно и правда считаешь, будто за деньги можно купить право безнаказанно доставать кого угодно.

Стыдно-то как, господа.

Сказал:

– Будете смеяться, но я только сейчас вспомнил, что на самом деле мы с вами знакомы не с детства, а только с полудня. И я не старинный друг, а просто клиент. Теперь, задним числом, понимаю, что вам было довольно неприятно выслушивать мои комментарии. Это, конечно, не дело. Можно я вам хотя бы вдвое больше заплачу? За вредность. За мою.

Люси нахмурилась.

– И речи быть не может. Наоборот, я как раз собиралась сказать, что возьму с вас вдвое меньше. Судя по вашей реакции, я плохо сделала свою работу. Мне не удалось по-настоящему вас увлечь. Так бывает. Не то чтобы часто, но бывает. На самом деле это нормально. Не всем должен нравиться город, не всем должны быть интересны мои байки. Ничего страшного. Но брать с вас полную цену за время, потраченное без особого удовольствия – грабеж среди бела дня.

Яростно замотал головой.

– Это было огромное удовольствие! Правда. Совершенно не похоже на просто экскурсию, как я их себе до сих пор представлял. Просто я – вот такой неприятный тип. У меня язвительный ум и слишком длинный язык, чтобы держать его за зубами. И все осколки зеркала тролля, не израсходованные бесхозяйственными персонажами Андерсена, засели в моих глазах. Будьте снисходительны к инвалиду сказочных войн.

– Ладно, – кивнула Люси. – Принято. Тогда платите, как договаривались, упираться не стану. Но вдвое – это правда перебор. Не настолько вы противный, чтобы вас за это штрафовать.

Невольно улыбнулся. «Не настолько противный» – это она молодец. Одним словом за все свои муки расквиталась. И да, она совершенно права. Деньгами не извиняются.

А извиниться очень хотелось. Не формально, а по-настоящему. То есть исправить причиненный ущерб. Как минимум поднять ей настроение. И удивить. И наконец-то понравиться.

Или хотя бы остаться в памяти занятым чудачком, о котором можно рассказывать знакомым. Тоже, собственно, вариант оплаты.

Сказал:

– На самом деле ваш Вильнюс не нравится мне ровно по одной причине: я представлял его совсем другим. Сами наверное знаете, что такое обман ожиданий. И как это иногда бесит.

Люси удивленно подняла бровь:

– Другим – это каким? Более опрятным и праздничным? Этаким разноцветным пряничком, как старая Рига? Ну надо же.

– Нет, что вы. Совсем нет. Не опрятным, не пряничным. Просто совершенно другим. Штука в том, что Вильнюс мне несколько раз снился. Обычно я не придаю значения снам, но впечатление было настолько сильным, что я, честно говоря, и приехал сюда только из-за них. Так-то я не большой любитель путешествий по Восточной Европе, мне северо-запад подавай.

– Вот как, – протянула Люси.

Одобрительно, надо сказать, протянула. Похоже, нашел все-таки способ ей понравиться. Ну, то есть, будем честны, на то и рассчитывал после всех этих вдохновенных баек о якобы спящем князе, в чьем сновидении мы все сейчас имеем удовольствие обретаться, что сердце экскурсовода сразу растает при слове «сон». Если бы на самом деле никогда не видел никаких снов про Вильнюс, выдумал бы их непременно. А так совсем здорово вышло, врать не пришлось.

Сказал:

– Я даже фотографии в интернете перед поездкой не смотрел. Нарочно. Догадывался, что разочаруюсь, и не хотел, чтобы это случилось заранее. Разочаровываться следует лицом к лицу. Гораздо более неприятно, зато честно.

– Ну вы даете! – изумилась Люси. – Я бы точно не удержалась, сразу полезла бы смотреть фото. Я любопытная.

– А я, наверное, нет. По крайней мере, не искать фотографии Вильнюса в интернете мне было очень легко.

– А какой Вильнюс вам снился? – спросила Люси. – Как он выглядел? Помните? Можете рассказать?

Еще бы не помнил. Но вот рассказывать было особо нечего. Никогда не умел конвертировать сны в слова; впрочем, этого никто толком не умеет. Бормочут какую-то утомительную бессвязную чушь. Раньше думал, это от недостаточной дисциплины ума и скудости лексикона, но на практике выяснилось, просто из-за драматического несовпадения логических систем и образных словарей сна и бодрствования. Сон следует пересказывать в другом сне, тогда все отлично получится.

Вздыхнул.

– Довольно мало на самом деле. Только какие-то детали: длинные крытые галереи, красные стены с рисунками, большое здание с фонтаном на крыше; о нем говорили: «храм», – хотя совершенно не похоже. На некоторых улицах зеркальные тротуары, на других вполне обычные. И большой стеклянный сад на площади возле центрального проспекта; что-то подобное я однажды видел на Мурано – вы там были? Неважно, я только и хотел сказать, что даже сад муранских стеклодувов ни в какое сравнение не идет с вашим, в смысле, с тем, который мне снился.

– А еще? – нетерпеливо спросила Люси. – Что там было еще?

– Очень густые вечерние туманы, молочными реками стекающие с холмов. И другие, прозрачные, как пар над кастрюлей, поднимающиеся снизу, от воды. Разноцветная черепица крыш, по большей части, синяя, иногда зеленая. Проходные дворы невероятной красоты – скульптуры в нишах, солнечные часы, цветники, лампы какие-то невероятные, почему-то на арабский манер, дровяные сараи в стиле ар-нуво, и все это, представьте, нараспашку, открыто

целыми днями, ходи сколько хочешь, не то что наяву. Ладно, я не о том. И вот, кстати, трамваи. В Вильнюсе, который мне снился, было много трамвайных маршрутов, всюду проложены рельсы, разноцветные и блестящие, как елочные игрушки. И вагоны такие интересные, снаружи суровое ретро, внутри вполне современные и удобные. И улицы по ночам освещаются живым огнем факелов и костров на площадях – ясно, что просто для красоты и привлечения туристов, а не из практических соображений, электричество-то в городе есть. Но все это, конечно, совершенно не передает общую картину идеально продуманного и спланированного города. И атмосферу царящей там радости – подлинной, не вымученной, не фальшивой, потому что в фундаменте ее – глубокая, осознанная и очень спокойная печаль смертного существа, ненадолго остановившегося на краю бездны... Но это меня, конечно, уже в дебри какие-то занесло. Раньше надо было остановиться.

На самом деле мог бы еще говорить и говорить, но заметил, что Люси, поначалу слушавшая его с живым интересом, озабоченно хмурится, словно он не сны рассказывает, а жалуется на проблемы, которые ей же теперь и решать.

Правду говорят, что никто не любит разговоры про чужие сны. Немного похоже на ревность к формирующему их бессознательному – понимаю, что я у бессознательного не один такой красивый, но хотя бы избавьте меня от повинности выслушивать про его шашни с другими сновидцами!

Наконец Люси спросила:

– Слушайте, а вы правда рассчитывали что-то подобное здесь увидеть? Я хочу сказать, вы же взрослый человек, немало, как я понимаю, поездивший, и примерно знаете, как обычно выглядят города в этой части света. Зеркальных тротуаров, храмов с фонтанами и костров на площадях не дожدهшься.

Пожал плечами.

– Ну как вам сказать. Конечно, понимал, что мне снится парадный, сказочный вариант реальности. Недостижимый идеал. Но надеялся обнаружить хотя бы некоторое сходство. Дом с разноцветной черепицей, картины на красных стенах, небольшая выставка стекла под открытым небом, хотя бы одна длинная крытая галерея, площадь с факелами, какой-нибудь причудливо украшенный проходной двор – теоретически, все это вполне могло бы существовать на самом деле. Я не так уж требователен, для счастья мне хватило бы пары-тройки узнаваемых фрагментов. Сошел бы даже просто небывало густой туман или сворачивающий за угол трамвай. Но нет, ни одного совпадения. И это очень обидно. Получается, мне снилась полная чушь.

– Ну почему сразу чушь? – улыбнулась Люси. – Вам снился замечательный сон. Несколько раз, говорите? Да вы счастливчик! Впрочем, наверное я вас понимаю. Иногда очень хочется внешней опоры. Подтверждения. Доказательства подлинности – не столько прекрасных образов из сновидений, сколько собственной живой связи с... с неведомо чем.

Удивленно кивнул:

– Да, пожалуй. Таков, вероятно, типичный современный человек: копни поглубже и непременно наткнешься на невроз богооставленности. Не знаю, как еще этот неутолимый голод по неведомо чему можно назвать.

– Хорошее определение, – серьезно сказала Люси. – Точное.

И залпом допила свой сидр. Спросила:

– А где вы остановились? На какой улице?

– На Базилиону, возле Святых Ворот.

Хотел было добавить, что гостиница оказалась паршивой, и даже не скажешь вот так с ходу, что больше вредит локации: соседство с рынком или близость Остробрамской часовни, где хранится одноименная чудотворная икона Божией Матери; так или иначе, а нищих, бомжей и просто пьянчуг в окрестностях несколько больше, чем требуется для создания неповторимого городского колорита.

Но как-то взял себя в руки и промолчал. Хватит на сегодня критических выступлений. Меру надо знать.

Люси задумалась. Наконец сказала:

– Знаете что? Не стоит гулять по этому району по ночам. Не то чтобы по-настоящему криминальный, но довольно неприятный. Внутри Старого города гуляйте на здоровье, туда я бы даже несовершеннолетнюю барышню в полночь спокойно отпустила, а вот пограничные улицы – Базилиону, Пилимо – как-то не вызывают у меня доверия. Тем более, что...

Осеклась и умолкла.

Переспросил:

– Тем более – что?

Люси усмехнулась, смущенно и немного сердито.

– Не люблю такое вслух говорить. Но ладно. Понимаете, у всякого города есть свой характер. И свои способы его проявлять. Может быть, вы и сами замечали?

Кивнул:

– Ваша правда, есть такое дело. По крайней мере, так начинает казаться, когда побываешь во множестве разных городов и пытаешься понять, почему в одних, ничем особо не примечательных, был совершенно счастлив, в других чувствовал себя лишним, где-то ощущал себя капризным ребенком, на которого валятся незаслуженные подарки, а где-то как по лезвию ходил, хоть и не смог бы объяснить даже себе, в чем именно заключается опасность.

– Да-да, я именно об этом! И что касается Вильнюса, я уже давно заметила, он любит нравиться. Особенно посторонним, в смысле приезжим, со своими у него более сложные отношения; впрочем, неважно. Штука в том, что когда понравиться не удастся, у нашего города портится настроение, и он начинает устраивать неприятности. На моей памяти такое случилось несколько раз. У одной недовольной Вильнюсом супружеской пары всего за полтора дня украли фотокамеру и телефон, другой в первый же день разбили лобовое стекло автомобиля – на платной стоянке в самом центре, что вообще-то совершенно немыслимо. У мамы моего друга, которая приехала в гости к сыну и как вы ворчала по поводу облупившихся стен, сперли кошелек, к счастью почти без денег и даже без банковских карт. Моя кузина, которая очень не любит Вильнюс и приезжает только раз в несколько лет по семейным делам, всякий раз непременно съедает здесь какую-нибудь пакость и проводит остаток отпуска в обнимку с унитазом. Кроме нее я не знаю ни одного человека, хоть раз отравившегося в одном из городских ресторанов, а этой бедняге даже домашняя еда не впрок, представляете?

Ухмыльнулся:

– Заранее надо было предупреждать. Тогда я бы точно держал язык за зубами.

– А это как раз все равно. Важно не что вы говорите, а что ощущаете. Город не человек, его не обманешь. Впрочем, лично я на месте Вильнюса вас бы не обижала. Сам виноват, что снился вам слишком прекрасным, это его ответственность... Но все равно лучше берегите карманы. И сохраняйте трезвость. И не гуляйте возле своей гостиницы по ночам. Если где-нибудь задержитесь допоздна, лучше возьмите такси. Благо они у нас очень дешевые – если по телефону вызвать, а не на стоянке садиться, разница существенная, втрое, если не вчетверо, представляете? Записать вам номера?

Кивнул:

– Конечно, запишите. Ночью, когда силы зла властвуют безраздельно, а тебе позарез надо на торфяные болота, такси – отличный вариант.

Так и не понял, опознала ли она цитату. Не улыбнулась в ответ. Впрочем, возможно просто не расслышала.

Нелепая, конечно, идея, будто город устраивает неприятности всем, кто его не полюбил, но все равно здорово, что Люси о нем заботится. Она ему нравилась, чем дальше, тем больше. Ясно, что испорченная его ворчанием экскурсия вряд ли станет началом великолепной дружбы,

ну и черт с ней. Может же человек нравиться просто так, бескорыстно, без каких бы то ни было перспектив.

Если разобраться, это и есть самая честная разновидность симпатии – без перспектив. Наверное, поэтому даже не стал пытаться затянуть приятную паузу, предлагая взять еще сидра или кофе, в надежде, что Люси скажет: «Здесь кофе дрянь, но неподалеку есть отличное место, я вам покажу, пошли». Неизвестно, насколько вероятен был подобный исход, проверять не стал. Просто еще раз поблагодарил за экскурсию, попросил разрешения рекомендовать Люси знакомым, если вдруг соберутся в Вильнюс, поднялся, улыбнулся, ушел.

Люси долго смотрела ему вслед. Думала: «Ладно, он тут только до послезавтра, вряд ли успеет...» Спрашивала себя: «Вряд ли успеет – что?» Огрызалась: «Не прикидывайся», – и сердито отвечала: «Выключи уже тревожную наседку. Нет, ну правда, какое мне дело?..»

Встала из-за стола, пошла дворами в сторону Малуну, посмотреть, что там сейчас висит. Обычно всех экскурсантов водила туда, на уличную выставку фотографий с постоянно сменяющейся экспозицией, а этого не повела, не захотев слушать, как он еще и фотографа критикует. После первого часа совместной прогулки сократила программу, как могла – все, условно говоря, важное конечно оставила, работа есть работа, ее надо делать на совесть, но необязательные, самые любимые подробности вроде этой выставки решила не показывать. Кто ж знал, что на самом деле он вполне ничего. Просто разочарован и очень, очень сердит. Я бы сама на его месте...

Очень понятно, да.

Долго стояла перед фотографией из Непала – обезглавленные трупы принесенных в жертву тощих коров, мальчишка, беспечно бегущий по каким-то своим детским делам, перепрыгивая через кровавые ручьи – думала: «Ладно, к черту его, как будет, так и будет, это не мне решать».

Уже по дороге домой позвонила Яну, который прислал этого клиента. Спросила:

– Слушай, а как моего сегодняшнего экскурсанта зовут? Я, как всегда, представилась и сразу начала тарыхтеть, поэтому даже если он и назвался, не расслышала. А теперь этот красавец пакет с открытками в кафе забыл, я бы ему в гостиницу занесла, мне сейчас как раз по дороге, а для кого оставить, не знаю.

– Ты и сейчас тарыхтишь, не слушая, – рассмеялся на том конце провода Ян. – Я тебе уже два раза сказал: Валентин.

Поблагодарила, спрятала телефон в карман.

Сказала себе: «Ладно, хоть что-то», – и отправилась дальше, на ходу машинально укладывая в сумку наспех выдуманный невесомый бумажный пакет с сувенирными открытками, покупать которые этому дурацкому сварливому мечтательному прекрасному Валентину в голову бы не пришло.

Люси все-таки была чудесная. И произвела на него совершенно неизгладимое впечатление. Пока шел через Старый город в гостиницу, ее голос натурально звучал в ушах, насмешливо комментируя увиденное: «Это только на первый взгляд обычные трещины, а на самом деле – следы прикосновений неумолимого Кроноса; он, как видите, самолично проходил по этой улице, и вот именно тут зачем-то остановился и погладил стену, можно сказать, приласкал; священное, стало быть, место, а мы с вами – паломники, теперь нам автоматически прощены грехи опозданий, грехи излишней поспешности и даже страшный грех бессмысленного убийства времени, можно начинать грешить сначала, с чистой страницы, повезло».

Думал всякую ерунду Люсиным голосом и улыбался, только что не смеялся вслух. Но город, честно говоря, все равно не стал нравиться ему больше. Ничего личного, уважаемый Вильнюс, просто ты не в моем вкусе. И оказался совершенно не похож на мои сны. Прости, я

сам дурак, зря затеял эту поездку. Вроде бы взрослый человек, давным-давно в курсе, что чудес не бывает, а сны – это просто сны, но вот, понимаешь, нашло помрачение. Кризис среднего возраста, чрезмерная начитанность, безответственная болтовня старого приятеля про онейронавтику¹³, внезапно образовавшееся свободное время, испытание которым мало кто выдерживает достойно, все дела. Не серчай, я скоро уеду.

В гостинице принял душ, завалился в постель с планшетом, ответил на пару писем, попытался посмотреть очередную серию «Игры Престолов», но заснул при попытке вспомнить, кто там кому кем приходится и кого успел убить, слишком велик был перерыв. Проснулся пару часов спустя, не разбитый, как обычно после дневного сна, а напротив, бодрый и готовый на подвиги. Интересно, какие подвиги можно совершить в тишайшем городе Вильнюсе, в половине седьмого субботнего вечера? Ответ однозначный: пожрать. И выпить. Но совсем немного. Люси велела сохранять трезвость, ее воля священна, prost.

Сперва поужинал в одном из ресторанчиков, рекомендованных Люси. Кстати, просто отлично поужинал, даже не ожидал, а загадочный грушевый коньяк, продегустированный из любопытства, оказался выше всяких похвал. Потом какое-то время бродил по улицам, отмечая, что в сумерках город нравится ему гораздо больше; темнота, впрочем, кому угодно к лицу. Выпил кофе, как-то незаметно вышел на центральный проспект, прогулялся по его проезжей части, в вечернее время свободной от автотранспорта в пользу пешеходов – отличная, кстати, традиция, но позволить себе такую может только глубоко провинциальный городок, где «пробкой» называют небольшое скопление машин у светофора, а «часом пик» – такое ужасное время, когда десятиминутная поездка может растянуться на целую четверть часа.

Наконец обрел успокоение на белом пластиковом стуле под желтым тентом кафе с забавным названием No Sugar. Название оказалось враньем, сахарницы там все-таки стояли, но простил им эту сладкую ложь за отличный кофе, грамотный апероль-шприц и оранжевый плед, защитивший от речного ветра. Если учесть, что планшет со всеми специально закачанными в дорогу книгами был с собой, неудивительно, что просидел там до самого закрытия. И даже растерялся, когда вежливая бариста попросила освободить стул и отдать плед – чего это они так рано сворачиваются? Оказалось, не то чтобы рано, полночь на носу, все приличные золушки удаляются с бала, роняя хрустальные тапки. И мне, стало быть, пора.

О возможности вызвать такси не то чтобы не вспомнил, еще как вспомнил и возмутился: это что же значит, через пять минут приедет машина, вжик-вжик, и я дома – еще через пять? То есть не дома, а в паршивой гостинице, где бесит абсолютно все, хотя придраться, строго говоря, особо не к чему. Ну, то есть обои не висят ключьями, техника работает, слив в умывальнике не забит, даже запах из коридора не тошнотворен, но сердцу не прикажешь, уму – тем более, гостиница все равно бесит. Поэтому глупо возвращаться туда задолго до того, как захочется спать. А случится это, спасибо внезапному дневному визиту Морфея, ой как нескоро.

Подумал: ладно, если этот город и правда так мстителен, как рассказывала Люси, от возмездия мне все равно не уйти, захочет – покажет мне, где раки зимуют, для этого не обязательно грабить и убивать, достаточно устроить под окнами какую-нибудь дискотеку с русской эстрадой, которую здесь почему-то так трепетно любят, и дело сделано, враг в моем лице будет ползать на брюхе и просить о пощаде уже через полчаса. Лучше уж, правда, пусть просто грабят и убивают, дам им такую возможность, будь что будет, пойду пешком. И самой дальней дорогой, авось все-таки устану, тогда гостиничная койка сразу обретет для меня новый ослепительный смысл.

По дороге завернул в какой-то бар, заказал там местного пива, попробовал, не понравилось, ушел, не допив. Во втором баре повезло гораздо больше, там играл, страшно сказать,

¹³ Онейронавтика – условно говоря, наука об, условно говоря, осознанных и, еще более условно говоря, контролируемых сновидениях.

Pink Floyd, и смешивали, глазам своим не поверил, кайпириню¹⁴, да такую отличную, какой давненько не пробовал, там просидел почти целый час, мог бы и дольше, но вдруг почувствовал, что устал – еще не настолько, чтобы все-таки вызывать такси и заснуть прямо на заднем сидении, но достаточно, чтобы спросить дорогу, выслушать объяснения и обрадоваться, а не огорчиться, выяснив, что пешком до гостиницы – максимум пятнадцать минут.

Шел по широкой, темной, скудно освещенной редкими фонарями улице, глазел по сторонам, насмешливо думал, что кайпириня – отличный напиток, специально для придиричивых туристов, первую порцию следует принимать прямо в зале прилета или на вокзальном перроне, а потом постоянно добавлять, примерно раз в два часа. Очень полезный коктейль, поднимает настроение, застилает глаза сладким туманом, примиряет с жизнью настолько, что нравится решительно все, начиная с нелепо оформленной витрины парикмахерской, где возвышается пирамида отрубленных кукольных голов, пухлощеких и голубоглазых, с туго завитыми льняными локонами, и заканчивая старым зеленым трамваем, с лязгом и грохотом влекущем по рельсам свое прекрасное ветхое тело... Так, стоп. Получается, тут все-таки есть трамвай? А Люси не сказала, когда я досадовал на их отсутствие. Интересно, почему? Неужели настолько рассердилась? Впрочем, имеет право, я же действительно совершенно ужасный клиент. А что другом могу быть хорошим, так это у меня на лбу не написано, поди угадай.

Трамвай поднял и без того уже исправленное кайпириней настроение на недостижимую какую-то высоту. Шел, озираясь по сторонам с оптимистическим любопытством именинника, твердо уверенного, что сегодня ему положено еще много подарков, главное – не зазеваться, не пройти мимо, ничего не пропустить.

И совершенно не удивился, заметив, что под ногами клубится туман, прозрачный, как пар над кастрюлей, в точности, как во сне. Напротив, подумал, что теперь наконец-то все пошло как надо. Получается, поездку затеял не зря.

Все не зря, абсолютно все.

Люси уже успела надеть пижаму и завалиться – пока не в постель, а только на диван. Сегодня она ночевала одна и желала насладиться всеми преимуществами холостяцкой жизни. Например, поужинать лежа, одним глазом уставившись в телевизор, где хлопотала на кухне жена инспектора Барнаби¹⁵, а другим – в экран ноутбука, где, повинаясь ее воле, прыгали и исчезали разноцветные шарики¹⁶. В жизни всякого культурного человека должно быть место приятной деградации. А когда у человека чуть ли не каждый божий день лекции, восхитительные, но выматывающие экскурсии по выходным, полдюжины недописанных статей, танцы как минимум два раза в неделю и внезапно удавшаяся личная жизнь, времени на деградацию остается, увы, совсем немного. Надо использовать всякий подвернувшийся шанс.

Пустая тарелка уже стояла на полу, инспектор Барнаби волок на допрос очередного добросердечного деревенского маньяка, число исчезнувших по Люсиной воле разноцветных шариков перевалило за пять тысяч, когда она, сама того не заметив, задремала в обнимку с теплым, тихо гудящим ноутбуком, но тут же вскочила, не открывая глаз, бросилась к закрытому по случаю слишком ветреного вечера окну, прижалась лбом к прохладному стеклу и долго-долго стояла, не то разглядывая ночную улицу, не то просто досматривая сон.

Наконец сказала вслух:

¹⁴ *Кайпириня* – коктейль, в состав которого входят кашаса (бразильская водка из сахарного тростника), сок лайма и колотый лед.

¹⁵ Инспектор Том Барнаби – главный герой британского детективного телесериала «Чисто английские убийства» (англ. Midsomer Murders).

¹⁶ Вероятно, Люси играет в компьютерную игру Color Lines.

– Так и знала, что влипнет. Так и знала! У него же на лбу было написано: «Я приехал сюда специально, чтобы влипнуть в какую-нибудь дурацкую историю». Мать твою. И что теперь делать, а?

Ясно что – одеваться. Не в пижаме же из дома выходить.

Когда впереди замаячил массивный корпус крытого рынка – перед ним надо будет свернуть налево, за угол, и, считай, на месте – почти огорчился, что прогулка уже закончилась, хотя спать хотел зверски, глаза закрывались буквально на ходу, таково воздействие умеренного количества алкоголя на крепкий организм: не выветривается, а перерабатывается в чистую сому¹⁷... в смысле тьфу ты, дрему. Но оговорка, конечно, хороша.

Сонливость прибавила ему невозмутимости. Совершенно не удивился, обнаружив, что прозрачный поначалу вечерний поземный туман уже почти скрыл от глаз тротуар, и его собственные ноги стали невидимыми. Очень необычное, надо сказать, переживание – идти по колену в облаке, не ощущая ни сопротивления среды, ни влажности, ни даже прохлады, вообще ничего.

Не удивился, когда мимо, отчаянно дребезжа, промчался очередной трамвай, а ведь проходил по этой улице со смешным названием – «пилим»? «попилим?»¹⁸ – когда искал свою гостиницу, и никаких трамвайных рельсов тут не было, я бы обязательно заметил, я же везде их высматривал, наивный дурак. Впрочем, не такой уж наивный, есть, есть тут трамваи. Все-таки есть.

И когда увидел при свете факелов, аккуратно пылающих в каких-то хитрых специальных жаровнях на другой стороне улицы, красную стену жилого дома, явно разрисованную какими-то картинками, тоже не удивился, но сразу рванул туда через проезжую часть, чтобы рассмотреть рисунки, отсюда ни хрена не видно, в смысле никаких деталей, только сам факт.

Долго разглядывал многофигурные сцены из жизни русалок, драконов и странных условно антропоморфных существ, словно бы вышедших из средневековых учебников географии, одноногих и одноруких, иногда безголовых, с глазами на груди и зубастыми голливудскими улыбками в районе брюха. Рассмотрел почти все, кроме нижнего ряда, очень уж высоко поднялся к тому времени туман; попробовал разогнать его ключья, как докучливых собачонок, но тут нарисованная на стене зеленоволосая дева с рыбьим хвостом натурально показала ему кулак, зло прошипела: «Оставь наш туман в покое, убирайся отсюда, незваная лишняя тень!» Отшатнулся – не столько от неожиданности, не потому даже, что рисункам не положено шевелиться и говорить, а испуганный ее недоброжелательностью. Во всех его снах о Вильнюсе окружающий мир был не то чтобы добр, скорее, просто равнодушен, но никакой угрозы не таил, это точно, во сне такие вещи чувствуешь не просто сердцем, всем телом, а наяву, получается, нет. Пока кулак под нос не сунут, думаешь, будто все наваждения этого тихого ночного мира, русалки, трамваи, огни и туманы – твои добрые друзья. А это, похоже, не так.

Впервые за весь этот удивительный вечер спросил себя: погоди, а что вообще происходит? Я просто заснул в кафе? Или скорее в том баре с флоридом и кайпириньей? Ладно, если так, все в порядке, рано или поздно меня растолкают и отправят домой. Мое дело маленькое: терпеливо ждать и постараться не свалиться во сне с высокого табурета – там, на далеком яву.

Туман тем временем поднимался все выше, уже окутал его по пояс, прежде восхитился бы – боже, какая невероятная красота! – но в тот момент, когда испугался нарисованной русалки, сам того не желая, повернул в себе какую-то тайную кнопку, ответственную за поступление в организм чистого животного страха, и теперь пугающим казалось все вокруг.

¹⁷ *Сом* – ритуальный напиток у индоиранцев и в более поздних ведийской и древнеперсидской культурах и одновременно олицетворяющее этот напиток божество.

¹⁸ На самом деле по всем приметам это улица Пилимо (Pylimo), она действительно находится совсем рядом с улицей Базилону, и крытый рынок (Hales Turgus) там тоже есть.

Приземистое здание рынка выглядело сотканным из живой, хоть и дремлющей до поры, до времени тьмы, туман тоже явно был совершенно живым и, в отличие от остальных присутствующих, голодным, ясно, что он не просто романтически стелется по земле, поднимаясь все выше и выше, а совершенно осознанно подбирается к горлу, вернее, ко рту и к носу, туману важно, чтобы ты вдохнул его полной грудью, как воздух, тогда все получится, он заполнит тебя изнутри и станет тобой, а ты станешь туманом – а откуда, как ты думаешь, берутся туманы? Из чего они состоят? Мельчайшие продукты конденсации водяного пара? Держи карман шире. Мельчайшие продукты конденсации отчаяния заблудившихся странников, утративших все, кроме способности постоянно пытаться вспомнить себя и не мочь. Никогда не мочь.

Метнулся в ближайшую подворотню. Сперва сам не понял, зачем это сделал, но оказавшись во дворе, обрадовался, обнаружив: тумана здесь почему-то нет, ни следа, ни намек. Словно туман был рекой, а улица – руслом, изменить которое конечно возможно, но не сразу, не так быстро, как необходимо, чтобы настичь добычу, вкусную, но слишком шуструю, не повезло.

Подумал: «Зато мне повезло. А теперь, пожалуйста, давай просыпаться». Но и сам в глубине души понимал, что толку от этих призывов не будет. Невозможно проснуться тому, кто еще не уснул.

Сказал себе: только без паники, эй! Паника – последнее дело, во сне ли, наяву ли, в этом смысле разницы никакой. Призыв не бояться, ясное дело, из тех, что легко и всегда уместно озвучить, но совершенно невозможно исполнить, однако это не повод давать страху власть над собой. Действовать следует так, словно ни черта не боишься, когда-то ты это умел. В детстве, устав быть трусом, убегающим домой от любой наспех выдуманной опасности, нарочно учился притворяться, будто ничего на свете не страшно, закалял характер и вроде бы даже более-менее закалил, по крайней мере, потом не раз получалось выглядеть храбрым и вести себя, как должно, когда в глазах было темно от ужаса, и сердце, устав колотиться о ребра, замирало в тайной надежде, что замереть удалось навсегда, а со стороны, говорят, не было заметно, и поступки оставались разумными, и жесты твердыми, я был большой молодец. Ну и где теперь этот полезный навык? Соберись, успокойся, если уж так вышло, что сдуру испугался, можешь продолжать бояться сколько душе угодно, но очень прошу тебя: соберись и веди себя как разумное существо.

Очень вовремя с собой поговорил. Потому что буквально несколько секунд спустя, когда земля начала дрожать и вибрировать под ногами, не побежал черт знает куда, оглашая окрестности дикими воплями, а остался стоять где стоял, напомнив себе, что землетрясение – это далеко не всегда конец света. Тем более, что здесь, в Прибалтике, их вроде бы вообще не бывает. Нечему тут трястись, кроме твоих поджилок, бедняга. И еще табурета в баре, где ты, будем надеяться, все-таки мирно спишь вот прямо сейчас, оглушенный ранним подъемом, чересчур свежим воздухом, выпивкой и впечатлениями.

Дождавшись, пока земля уgomонится, огляделся по сторонам – вроде бы двор как двор, с цветами в палисаднике и даже полотенцами на веревках, натянутых, как струны и гудящих на теплом ночном ветру. И разноцветные фонари в мавританском стиле развешены у подъездов – как же это, оказывается, красиво в сочетании с простодушными двухметровыми мальвами, самодельными скамейками, наспех сколоченными из недолговечных светлых сосновых досок, и как почему-то пугают теплые пятна их света, разбросанные по земле, откуда, о господи, может быть ясно, что на них нельзя наступать, с чего я вообще это взял?

Долго еще стоял бы в недоумении, не решаясь сделать ни шагу в этом уютнейшем из дворов, но тут распахнулась дверь ближайшего подъезда и высокая статная женщина, не то блондинка, не то просто седая, с достоинством кутающаяся в банный халат, как в дорогие меха, гневно закричала:

– А ну, убирайся, незваная лишняя тень! Тварям вроде тебя нечего шастать возле человеческого жилья, ваше место в лесу на холмах за рекой. Уходи по-хорошему или я позвоню в полицию, уж они-то знают, что делать с такими как ты!

Ушла в дом, хлопнув дверью, а он еще какое-то время встревоженно оглядывался в поисках какой-то загадочной незваной тени, которую гнали прочь, думал: наверное, она не очень опасна, если тетка вышла ругаться, а не заперлась на все замки.

Думал: ну и дела, ну и город, ну и порядки у них, чьи-то бесхозные тени скитаются тут по дворам, как бродяги, и никто им, похоже, не рад, только стращают полицией, на самом деле ужасно смешно.

Думал: кажется, что-то такое говорила мне нарисованная русалка: «незваная лишняя тень». Погодите, вы что, хотите сказать, незваная тень – это я?!

Поднес к лицу руки, но их не увидел, опустил глаза и не обнаружил на положенном месте ни туловища, ни ног, вообще ничего, только полупрозрачный почти бесформенный сгусток тьмы на асфальте, таком растрескавшемся, словно Кронос не просто шел мимо, а закатил тут истерику и яростно топал ногами последние полчаса. Подумал: похоже, тень – это и правда я сам. Похоже, я исчезаю. Интересно, что следует делать тени, которая не хочет исчезнуть? Выйти на яркий свет?

Но не смог сделать ни шагу. Очень трудно пошевелиться, когда состоишь из почти рассеявшейся тьмы, особенно если это случилось с тобой впервые, и у тебя просто нет соответствующих навыков, никогда не знаешь заранее, чему следует научиться, какие умения однажды спасут тебе жизнь, которой, похоже, у тебя никогда не было, только мерещилась, не жалко с такой расставаться, ну ее к черту, мне пора исчезать.

Исчезать оказалось совсем не страшно, напротив, сладко, как засыпать после долгого трудного дня, закрыть глаза, разглядывать мелькающие перед ними картинки, ждать, когда им на смену придет блаженная тьма.

Из оцепенения его вывел звонкий женский голос, пронзительно, почти переходя в визг, оравший где-то вдалеке: «А потом сюда приехал в гости Валентин! Хороший живой человек по имени Валентин приехал в наш город и стал тут гулять. И до сих пор гуляет здесь человек Валентин!»

Сперва эти вопли его раздражали, как музыка за окном, которую слышишь во сне, недостаточно громкая, чтобы разбудить, но и не настолько тихая, чтобы можно было ее игнорировать. Спросонок попробовал заткнуть уши; вроде бы правда заткнул, но крики от этого никуда не делись, напротив, они явно приближались, становились все громче, поэтому пришлось открывать глаза и подниматься, почему-то не с постели, а с земли, вернее, с асфальта – господи, где это я, что со мной, почему?

Безуспешно пытаясь отряхнуть слишком светлые для отдыха на голой земле брюки, вспомнил, как исчезал. И почему-то даже не стал пытаться убедить себя, будто это просто приснилось. Двор-то – вот он, все тот же, цветы, полотенца, фонари в мавританском стиле, через широкий проем распахнутых настежь ворот видно, что на улице по-прежнему пылают факелы, а про тротуарам стелется чертов туман. И терпкий привкус тьмы на онемевших от небытия губах, это ощущение ни с чем не перепутаешь, а значит страшный сон о прекрасном городе продолжается, по сценарию я тут – незваная лишняя тень, привет.

И в этот момент у него на шее повисла Люси.

– Нашелся все-таки! – торжествующе воскликнула она. И рассмеялась. И почти заплакала, но передумала в самый последний момент, поэтому просто по-детски шмыгнула носом, этим и ограничилась.

Смотрел на нее, распахнув рот. Ничего себе поворот.

Наконец Люси прыгнула с его шеи, отошла на несколько шагов, критически осмотрела с ног до головы, похоже, осталась вполне довольна увиденным. Одернула сбившуюся набок кофту. Деловито сказала:

– Значит, так. Главное, что тебе следует знать: ты не сошел с ума – это раз. И два – ничего еще не закончилось, рано расслабляться. Давай руку.

Так обрадовался, что она тут, да еще перешла на ты, что не стал задавать никаких вопросов. Не то чтобы их не было, просто временно вылетели из головы.

– Другое главное, что следует знать, – говорила Люси. – Это место не злое. Бояться его не надо. Честно говоря, бояться даже нельзя; по моему опыту, страх очень мешает найти дорогу, пока не успокоишься, не выйдешь, хоть годами тут броди.

Повторил:

– Не злое. Ладно, попробую в это поверить. Мне так не показалось; с другой стороны, зачем тебе врать?

– Я, между прочим, вообще никогда не вру, – усмехнулась Люси. – Даже когда рассказываю туристам о василиске, зайцах-людоедах и прозрачных сияющих птицах, порой залетающих к нам из других миров. Другое дело, что часто путаю разные правды, меняю их местами, произношу вслух там, где они слишком похожи на выдумки. Но на моем месте кто угодно мог бы запутаться. Обычное дело, когда живешь одновременно в нескольких городах, и в каждом свои порядки. И правда тоже своя. Пошли. Только держи меня за руку, живой человек Валентин, и ни в коем случае не отпускай. Лучше не рисковать.

Ну, не то чтобы это было невыполнимое требование.

Пошли, но не в сторону улицы, а в глубь двора, где за кустами давно отцветшей сирени обнаружился узкий проход в следующий двор, засаженный виноградом, а оттуда – еще в один, все не заперты, открыты нараспашку на радость ветрам, любопытным дошкольникам и вездесущим туристам, желающим всюду сунуть нос.

Люси говорила:

– Этот город придумал мой дедушка Жюль. И, кстати, не только его. Еще много всякого разного. Дед не желал довольствоваться одним-единственным Вильнюсом, хоть и любил его, и уезжать отсюда никуда не хотел. А в утешение своей бродяжьей душе придумал теорию, будто всякий город – это сумма городов-близнецов, существующих одновременно в одной точке пространства и одновременно в разных Вселенных. На этом месте все уважающие себя математики немедленно сходят с ума, а дедушка Жюль испытующе смотрит в глаза пятилетней внучке – то есть мне – спрашивает: «Ну как, понятно?» И внучка в моем лице отвечает: «Конечно, да». В пять лет такие вещи и правда довольно просто умещаются в голову... Эй, человек Валентин, ты меня слушаешь? Не начал опять исчезать?

– Не исчезаю. Слушаю. Правда, ни черта не понимаю. Но мне и не пять лет.

– Да, это серьезное препятствие. Поэтому долой теорию, переходим к практике. А на практике вышло так, что сперва все чудесные города, придуманные дедом, чьи сказки я была готова слушать сутками напролет, стали мне сниться. И в этом, конечно, не было ничего удивительного, считается, что сновидения слагаются из дневных впечатлений, а сказки это тоже впечатления, правильно?

– Да.

– Ну вот. А потом, когда я пошла в школу, и у меня появились подружки, оказалось, им тоже снятся точно такие или просто очень похожие города. И как же это было здорово – обсуждать наши приключения среди туманных улиц с горящими факелами, или на площадях, освещенных огненными летучими змеями...

– А что, и такое бывает?

– Чего только не бывает, мой друг, живой человек Валентин. И не только во сне. И не только с детьми. Когда год примерно спустя после дедовой смерти я впервые забрела в один из его городов наяву, удивилась только тому, что так не случилось гораздо раньше. Всю жизнь подозревала, что дедушка Жюль, как и я сама, никогда не врет, только путает правды, меняет их местами, не выдумывает, а проговаривается. У нас это, понимаешь, фамильное: слишком длинный язык... Эй, это не повод отпускать мою руку! Еще слишком рано, мы пока никуда не пришли.

Спросил:

– А куда мы идем?

– Как – куда? Домой. В тот город, куда ты приехал поездом или прилетел самолетом, не знаю, как было дело...

– Прилетел.

– Отлично, принято. Только разницы никакой. Важно, что там у тебя номер в гостинице, чемодан с вещами, настоящее, прошлое, будущее и как минимум несколько сотен человек, твердо знающих о твоём существовании. Там ты можешь оставаться сколько угодно, не исчезая, и мне не придется поминутно вопить, напоминая реальности, что ты – настоящий живой человек по имени Валентин.

– О боже. Так ты...

– Совершенно верно, живой человек Валентин, ты все правильно понимаешь, я спасла твою шкуру и продолжаю ее спасать. Этот город совсем не зол, просто с его точки зрения тебя действительно нет. А я, конечно же, есть – здесь и во всех остальных городах, выдуманных дедушкой Жюлем, потому что, рассказывая мне сказки, он непременно упоминал, что в этом чудесном месте на улице Заячьих Снов или в переулке Безымянных Звезд живет девочка Люси. А о тебе он никогда не рассказывал, не со зла, конечно, просто не знал, что живет на свете такой человек Валентин, который однажды забредет в его выдумку, или в свой собственный сон, все предусмотреть невозможно, сам понимаешь. Такие дела. Ну, я как могла исправила вашу с дедом оплошность. Когда знаешь человека по имени, обычно удается убедить реальность, что он по-настоящему существует, а не прикидывается живым, чтобы, дождавшись утра, съесть наши тени и закусить нашим солнечным светом, не мотай головой, я знаю, что ты ничего подобного не замышлял, но мог бы так поступить, если бы дождался рассвета. Что, будем честны, маловероятно, когда я пришла, от тебя оставались одни воспоминания; впрочем, воспоминаний всегда достаточно, чтобы воскреснуть. Или почти всегда.

Дернул ее за рукав.

– Люси, вон там...

– Ты прав, дорогой живой человек Валентин, там, за воротами, улица Базилиону, самая настоящая. Выйдем аккуратно напротив твоей гостиницы, только держись крепче. Не закрывай глаза, когда еще такое увидишь – путешествие из одной реальности в другую, в рамках которого не происходит практически ничего выдающегося, только белый кот перебегает дорогу, он, между прочим, не просто так киса-киса, а настоящий страж. Голодные тени боятся его до смерти и ведь действительно умирают, заступив проведенную его бегом черту, а настоящие люди, веселые путники вроде нас, только смеются: «Хорошая примета!» – и бесстрашно... Эй, живой человек Валентин, повторяю: бесстрашно! – идут и выходят на улицу Базилиону. Вот и мы тоже вышли. Привет.

– Привет! – сказала Люси.

Они стояли на улице Базилиону, почему-то держались за руки, как влюбленная пара младшего школьного возраста, и Люси смотрела ему в лицо, снизу вверх, приветливо, но и встревоженно.

– Привет, живой человек Валентин! – повторила она. – Мы же не станем делать вид, будто ничего особенного не произошло, и я просто случайно встретила тебя... – прошу прощения, вас – среди ночи возле гостиницы? Тем более, совершенно непонятно, за каким чертом я тут слоняюсь в половине четвертого утра.

Стоило ей назвать его по имени, как в голове прояснилось. И то, что буквально секунду назад казалось почти забытым сном – находчивый ум даже успел придумать объяснение: увидел кошмар, проснулся, не смог спать дальше, пошел проветриться – снова стало воспоминанием. Малоправдоподобным, зато вполне четким, грех жаловаться. И отмахиваться тоже грех.

Наконец спросил:

– Ты... Вы поэтому советовали мне возвращаться домой на такси, а не бродить пешком? Заранее знали, что я могу... забрести, куда не положено?

Люси просияла.

– Ну да! Почему-то именно здесь, на границе Старого города, ткань реальности слишком тонка. Гулять здесь по ночам – одно удовольствие, но оно может стать довольно опасным, когда город влюблен в тебя по уши и ревнует, и все больше хочет понравиться, и очень, очень сердит.

Улица Балстогес (Balstogės g.) Синей вечности, вечности

Когда он шел к Юрге по улице Балстогес, где клены и рельсы, рельсы, но никаких поездов, откуда тут поезда, была осень. А больше он никуда, и-мец, не ходил, не ходил.

Юрга долго возилась с замками, замками, наконец открывала двери, сначала тяжелую металлическую внутреннюю, потом хлипкую наружную, покрашенную в «цвет синей вечности», согласно каталогу цветов и оттенков, а на самом деле тусклый, почти серый при электрическом свете, близоруко моргала, радовалась: «Борька, ты?», прижималась к нему всем тонким, твердым, очень горячим телом, всего на какую-то долю секунды, секунды, потом отступала, бормоча: «Чего мы топчемся в коридоре, и-мец, заходи, заходи», — и впускала его в жаркую, натопленную квартиру, где всегда, даже в солнечную погоду царил полумрак, окна были закрыты ставнями, ставнями, в дальнем углу мерцал какой-то тусклый старинный светильник, больше похожий на кальян, да на высоком кухонном столе, который он сам когда-то помогал мастерить, выжигал на толстой деревянной столешнице старинные карты, карты каких-то выдуманных островов, шкурил, раскрашивал, лакировал, горела настольная лампа с витражным цветным абажуром, «Тиффани» или что-то вроде того. Изредка Юрга принималась крутить эту лампу, лампу, и тогда на потолке плясали разноцветные тени, и-мец, тусклые, как синяя вечность, виноградный туман, шифер, бездна и буря, бледные, как ее лицо.

Он всегда приносил Юрге цветы, чаще мелкие горькие хризантемы, иногда — астры, астры, изредка — крупные георгины с тонкими длинными лепестками, золотые, алые, темные, цвета свернувшейся крови, да какие угодно, лишь бы не круглые, как помпоны, их она терпеть не могла. Юрга ставила цветы в вазы, банки, бутылки, ни разу не видел, как она наливает воду, но цветы оставались свежими, вообще никогда не увядали, их становилось все больше и больше, а он каждый раз все равно приносил новый букет, и-мец, и-мец, черт его знает зачем.

Юрга шла к плите готовить чай; он предпочел бы кофе, очень соскучился по его вкусу, но безропотно брал тонкий керамический стакан, стакан с горячим пуэром, и-мец, сваренным на огне по методу Лу Юя, как их когда-то учили в чайном клубе. Юрга запомнила рецепт, а он, конечно, давно забыл, забыл.

У пуэра был удивительно честный вкус мокрой земли и солоноватой золы. Пил его маленькими глотками, растягивал удовольствие. Юрга неизменно доставала откуда-то блюдечко с сушеными ананасами, передвигала его по столешнице, как шашку по полю, полю, аккуратно переставляла с одного нарисованного острова на другой, смущенно улыбалась, поймав его взгляд: «Глупо получится, если оно утонет в океане, кроме этих ананасов в доме сейчас никакой еды, еды, а выходить в магазин мне не хочется, и-мец, ты уж прости». Говорил: «Ничего, я не голоден, голоден». Обещал: «Завтра что-нибудь тебе принесу», но потом наступало завтра, и он опять приходил к Юрге с дурацким, никому не нужным букетом, букетом вместо конфет, печенья, фруктов и колбасы.

Иногда Юрга спрашивала: «Как ты живешь?» Правильный ответ: «Не живу, и-мец», но вместо этого он всегда начинал рассказывать о погоде, делах, общих друзьях, выставках и концертах, концертах, Стинг приезжает, ты знаешь, знаешь? Правда, не к нам, а в Каунас, но можно съездить, и-мец, сколько там, сто километров, не о чем говорить. Я возьму машину,

машину в прокате, в CityVee, говорят, недорого; впрочем, это неважно, с деньгами сейчас все в порядке. Тебе, кстати, надо? – на этом месте Юрга всегда отрицательно мотала головой: «Пока не нужно, если что, сразу тебе скажу, скажу».

Допив чай, он обнимал Юргу, целовал ее в шею, нежно кусал мочку уха, касался губами мягких податливых губ; не то чтобы он действительно этого хотел, но Юрга ждала поцелуев, и-мец, и-мец, она всегда их ждала. Снова, как в коридоре, прижималась к нему всем телом, телом, теперь не на миг, надолго, казалось, что навсегда. Шептала: «Как же с тобой спокойно, и-мец, и-мец, словно вернулась домой, хотя я и так сижу дома, дома, но без тебя, и-мец, нет покоя, словно это не дом, и-мец, и-мец, или просто не мой». От ее умиротворенного шепота, шепота ему тоже становилось спокойно: ну вот, наконец-то все правильно, делаю то, что должен, как могу, так и делаю на дне твоей синей вечности, вечности, как могу, и-мец, как могу.

Он всегда оставался с Юргой до утра, утра, а потом начинал собираться, говорил: «Мне пора, и-мец, на работу», – какая такая работа и в чем она заключается, предпочел бы не уточнять; Юрга, слава богу, не спрашивала, сонно потягивалась, как кошка, сладко шурилась, бормотала: «И-мец, и-мец, когда же ты будешь спать?», но не ждала ответа. Ей было все равно. Он уходил, а она оставалась в спальне, спальне, загроможденной мебелью, цветочными вазами, сундуками, и-мец, статуэтками, погашенными светильниками, устланной коврами, увешенной картинами, которые он не мог рассмотреть в полумраке; кажется, на одной из них было нарисовано море, на другой – цветущий сад, а на третьей – квадраты и треугольники, почти неразличимые, черные на черном же фоне, он и не различал, просто помнил: эти квадраты и треугольники когда-то очень давно нарисовал он сам. Это больше не имело значения, но при взгляде на невидимые в темноте спальни квадраты и треугольники, он всегда улыбался, словно бы говорил себе – тому, кто когда-то их рисовал: «Привет».

Он уходил от Юрги, и-мец, спускался по лестнице и где-то между третьим и вторым этажами всегда приходило сладкое, ни с чем не сравнимое ощущение, словно тело понемногу тает, очень медленно, как кусок рафинада, брошенный в умеренно теплый чай. Впрочем, оно и правда таяло, начинало таять в подъезде и продолжало на улице, тихой, темной, тусклой, как синяя вечность, вечность, запорошенной мокрым снегом, когда он уходил от Юрги, всегда наступала зима. Но он, конечно, не мерз, на улице его оставалось так мало, что некому было мерзнуть, только идти легкой, как снегопад, походкой через этот восхитительный, исполненный красоты и покоя сумрачный предрассветный ад.

А потом наступала осень, осень, теплая, сладкая, ласковая, золотая, почти безветренный солнечный день, и он снова шел к Юрге, по улице Балстогес, где клены, клены и рельсы, как всегда с цветами, на этот раз с лиловыми и белыми астрами, астрами, смешной куцей букет, такие обычно младшие школьники приносят учительницам первого сентября. В последний момент, уже возле Юргино подвезда, подобрал несколько алых кленовых листьев, добавил к букету. Уже забыл, как это бывает – делать что-то по собственной воле вместо того, чтобы наблюдать, как оно с тобой случается. Очень необычное ощущение, а-ши, а-ши, скорее мучительное, чем приятное. Но все равно пусть теперь всегда будет так.

Увидев кленовые листья, листья, Юрга не стала его обнимать, как обычно при встрече, отступила назад, в теплую темноту коридора, спрятала руки за спину, словно боялась, что он насильно заставит ее взять букет. Наконец опомнилась, приветливо улыбнулась: «Борька, я так ждала, а-ши, заходи же скорей!» Но цветы не взяла, не поставила в вазу, пришлось положить их на стол, так что алые кленовые листья оказались прямо в нарисованном океане, а-ши, а-ши,

но, конечно, не утонули, не в чем там было тонуть. Юрга смотрела на них, как зачарованная, не отрываясь, наконец сказала: «Надо же, листья, а мне почему-то казалось, уже наступила зима, зима».

Чайник как всегда стоял на огне, огне, но вода в нем не закипала, даже не нагревалась, оставалась холодной наверное полчаса, долгие, как самая синяя вечность, вечность, наконец, Юрга сказала: «Это, наверное, потому, что тебе, а-ши, никогда не нравился чай», – и достала откуда-то из темноты очень старую джезvu, дешевую, алюминиевую, теперь таких уже нет даже на барахолках, долго рылась на полках, бормоча: «Где-то здесь, а-ши, оставался кофе, кофе», – и действительно отыскала почти полную пачку арабики, осколок коричной палочки, горошину черного перца; вдруг рассмеялась звонко, совсем как раньше: «Твоя взяла!»

Кофе был горек, а-ши, как память о нем, то есть ровно настолько, чтобы очнуться от его вкуса, как от пощечины. Давно было пора.

Юрга смотрела на него так внимательно, словно впервые увидела, или наконец-то узнала, или испугалась, что вот-вот перестанет узнавать. Наконец спросила: «Я умерла, это правда?» – и он молча кивнул. Допил горький кофе, поставил чашку, чашку на нарисованный остров Курайти-Кунайти, название которого когда-то придумали вместе, теперь уже, пожалуй, не вспомнить, почему оно тогда казалось настолько смешным.

Молчание становилось невыносимым, тогда он сказал: «Из-за меня». Подумав, добавил: «Я тебя убил. Нечаянно. Просто оттолкнул, но так неудачно, что ты... Неважно. В общем, ты умерла».

«И ты мне теперь мерещишься? – почти беззвучно спросила Юрга. – Потому что я тебя очень любила? А это место – такой специальный рай для несчастных влюбленных дур, которых убили их кавалеры? Спасибо тебе, ты отлично мерещился, я тебе почти верила, верила. Вернее, в тебя. Но знаешь, пожалуй, хватит. Больше не надо. Мне все надоело, особенно ты, такой хороший, такая неправда. Настоящий Борька не стал бы ходить с цветами. Он давно меня разлюбил».

Не стал говорить ей: «Я тебе не мерещусь, я тоже умер в тот день, решил, что должен пойти с тобой, раз уж так получилось, потому что если вдруг все-таки выяснится, что со смертью ничего не кончается, ты испугаешься, натворишь каких-нибудь дел, испортишь себе всю предстоящую вечность, вечность, я тебя знаю, ты великая паникерша, а значит, надо за тобой присмотреть». Не стал говорить: «Я ни секунды не сомневался, сразу пошел за тобой, смерть дело серьезное, промедлений не терпит, я и так, похоже, промазал, оказался не рядом, а где-то еще; может быть, просто нигде. И теперь хожу к тебе в гости вместо того, чтобы всегда быть рядом, как собирался, но, по-моему, лучше уж так, чем никак». Не стал говорить: «Наверное, я не могу оставаться рядом с тобой, потому что перед тем, как все это случилось, я хотел от тебя уйти, очень хотел, больше всего на свете, а ты не пускала, кричала и плакала, проклинала и умоляла, висела на шее, шее, ни вдохнуть не давала, ни выдохнуть, это было невыносимо, поэтому сейчас – так».

Вместо этого он сказал: «Если все надоело, просто выйди наружу. Сколько можно сидеть взаперти, среди завалов этих твоих красивых, бесполезных, ненужных мертвых вещей, словно в волшебной лавке, закрытой на вечный обеденный перерыв? Одевайся. Я подожду внизу – настоящий. Тот, который действительно я, такой же мертвый, как ты, все честно». И ушел, не дожидаясь ответа. Пусть решает сама, сама.

Спускаясь по лестнице, больше не таял. И, наверное, знал, почему стало так, но объяснить словами не смог бы, даже на языке мертвых; особенно на языке мертвых, а кроме него, теперь не было языков.

Потом долго стоял на улице у подъезда, не днем, не ночью, не утром, не вечером, в сумерках цвета синей, синей, вечности, вечности, среди алых, алых кленовых листьев и белого, белого, белого снега, ни о чем не тревожился, просто ждал Юргу. Очень хотел ее обнять.

Переулок Балтасис (Baltasis skg.) Дело в шляпе

Уже почти возле дома, на углу улицы Кривю и переулка Балтасис, увидел на мостовой мертвого кота, белого с серыми пятнами, мелкого, тощего, можно сказать, знакомого; ну то есть как знакомого, просто кормил его несколько раз, когда в кармане оказывался пакетик витаминного сухого корма из зоомагазина в торговом центре, они там регулярно раздают перед входом рекламные образцы.

Он, конечно, знал, что такое случается: время от времени неосторожные коты попадают под колеса автомобилей, сам несколько раз буквально чудом тормозил и сворачивал, везло, обошлось без жертв; в общем, теоретически был готов к подобному зрелищу, как любой горожанин, но сейчас мертвый кот попался ему на глаза в конце трудного, скверного, на дурной сон похожего дня и стал последней каплей, вратами, через которые в человека входит верный оруженосец смерти, тяжкая свинцовая тьма. И не в том беда, что входит, а в том, что как-то внезапно оказывается по росту, по размеру, по силам, как будто всегда так и жил в мутном тумане, твердо зная, что ничего, кроме горечи, скуки и боли, человеку на этом свете не уготовано, сам дурак, что родился, теперь терпи.

По уму, дома надо было сразу отправиться в ванную, подставить голову под кран и держать под струей холодной воды, пока не полегчает, проверенный метод, проточная вода обладает удивительным свойством уносить тошнотворную гадскую дурь. Но вместо этого почему-то, не разуваясь, вошел в кухню, сел на табурет, закрыл лицо руками и застыл в этой нелепой позе. Твердил про себя: «Чем хуже – тем лучше».

Вот интересно, кому «лучше»? Нет, правда, кому? Кота этим не воскресишь; шансов исправить все остальное, будем честны, не больше. Впрочем, неподвижно сидеть в центре темной, разогревшейся за день до состояния преисподней кухне, не включая ни кондиционер, ни кофеварку, ни даже собственную, временами неглупую голову – это и есть упражнение на тему «будем честны». Куда уж честнее.

Пока сидел, на улице окончательно стемнело, это значит, дело к полуночи; в окнах соседнего дома загорелся свет, на улице – три бледно-лиловых, почти розовых фонаря, и все это было настолько невыносимо, что он наконец-то встал, сменил пропитавшуюся потом сорочку на первую попавшуюся чистую футболку и вышел. Не куда-то конкретно, а просто из дома. К маршруту сейчас было только одно требование: не в ту сторону, откуда пришел, потому что вряд ли мертвого кота успели убрать, а смотреть на него еще раз совершенно невыносимо. Даже хуже, чем на собственное зеркальное отражение, широкое, рыхлое лицо малоприятного перекормленного ушлепка, который скоро – любой человеческий срок – это «скоро» – бесславно умрет от какой-нибудь стариковской болезни, если очень повезет, то во сне или хотя бы как кот, внезапно, посреди улицы, даже не успев испугаться, но подобную привилегию еще поди заслужи.

Подумал, неожиданно спокойно, без злости, без тени обиды, даже почти без горечи: на самом деле совершенно неудивительно, что Эмма решила уйти от меня – вот такого. Я бы и сам от себя такого ушел, просто мне некуда, а ей – есть. Повезло.

Подумал, все так же спокойно и отстраненно, как будто с сегодняшнего утра успели пройти не часы, а годы: и что заказ мне в итоге не отдали, несмотря на клятвенные обещания, тоже неудивительно. Я же, положи руку на сердце, довольно плохой архитектор. Опытный, добросовестный и, как до сих пор казалось, с прекрасными связями, но совершенно неинтересный. Торговый центр на какой-нибудь дальней спальной окраине – мой потолок, причем не

стеклянный, а бетонный, головой не пробьешь. Мантас, конечно, по-свински себя повел, ну и подумаешь, великое горе, минус старый приятель, не он первый, не он последний, мне не привыкать, а для дела так только лучше, он же и правда талантливый, в курсе всех новомодных тенденций, и к городскому пространству относится почти до смешного трепетно, в худшем случае просто ничего не испортит, пусть работает, к черту меня.

К черту меня совсем. Как того кота.

«К черту» – это оказалось в самый центр, в Старый город; черт, к слову, неплохо устроился: здесь били фонтаны, сияли разноцветные огни над летними верандами баров и ресторанов, звучала музыка, благоухали шипящие на грилях гамбургеры, пенилось пиво, лилось вино, смеялись собравшиеся за столами друзья, целовались юные пары, над полосатыми тентами с криком носились разбуженные светом и шумом птицы, даже ветер был по-настоящему свежим, как будто дул с моря, а не со стороны обмелевшей за жаркий июнь реки.

Чувствовал себя каким-то нелепым зомби, случайно забредшим на праздник торжествующей жизни, самым горемычным зомби на земле, лишенным даже последней радости живых мертвецов – аппетита. Унесите, пожалуйста, эти ваши мозги, мой голод ими не насытит, а того, что мне нужно, у вас самих нет, и не было никогда, и не будет; другое дело, что вы обнаружите эту недостачу несколько позже – завтра, через месяц или двадцать лет спустя. Вот тогда приходите, обнимемся, вместе поплачем об отсутствии хоть какого-то смысла нашего общего существования, которое – стремительный бег вниз, под гору, и невозможно ни остановиться, ни даже замедлить движение, разве что упасть немного раньше положенного, не добежав, вот вам и вся «свобода воли». То есть не вам, а нам.

Строго сказал себе: только не вздумай напиться по случаю вечера худшей пятницы в жизни, с горя нельзя, развезет. Самому же было бы противно смотреть, как рыдает над пятой по счету кружкой в пивной стареющий толстый дурак.

Придерживаться принятого решения оказалось несложно. Ему сейчас совсем не хотелось выходить из темноты на свет, садиться за стол, объясняться с официантом, слушать чужие разговоры, шутки и смех; когда захотел пить, заказал в одном уличном баре стакан газировки со льдом, и это оказалось почти физически больно – включиться в общий поток, быть замеченным и услышанным. Больше нигде не останавливался, но и обратно к дому не поворачивал, а кружил по Старому городу, выбирая самые тихие и темные улицы, где пока не открыли ни ресторанов, ни баров, ни клубов, у входов которых толпятся веселые клиенты, выскочившие покурить.

Понемногу становилось легче. Прогулки по Старому городу целительны – это он понял еще в юности, когда приехал в Вильнюс учиться и, можно сказать, влюбился в его узкие улицы, заброшенные храмы и заросшие мальвами проходные дворы; впрочем, «влюбился» – неточное определение, скорее был потрясен, обнаружив, каким красивым, оказывается, может быть почти полное отсутствие каких бы то ни было признаков красоты. Так до сих пор толком и не понял, чем его подкупил этот старый, но вовсе не древний, небрежно спланированный, неухоженный город, однако точно знал: от соприкосновения ног со здешними мостовыми любая душевная боль не то чтобы вовсе проходит, но становится вполне выносимой. Ну или просто пока слоняешься по улицам без толку и цели, успеваешь привыкнуть, что теперь всегда будет так.

Шляпа натурально свалилась ему на голову. Но не с небес, а с балкона на третьем этаже высокого старого дома. Расстояние вполне приличное, сам бы ни за что не сумел так ловко попасть оттуда шляпой в прохожего – чтобы она не просто упала в руки или стукнула по башке, а села на нее, как влитая.

Там, на балконе, всю веселилась не то компания временно падших ангелов-туристов, не то стая перелетных айтишников, сорвавшихся с цепи по случаю начала выходных; во всяком случае языков, вот так сразу, на слух, насчитал как минимум три – притом что они вообще почти ничего не говорили, только хохотали, радуясь меткому попаданию. Наконец один из весельчаков крикнул на таком типичном интернациональном английском, понятном всем на свете, кроме самих носителей языка: «Оставьте пока себе! Утром вернете!»

Дурацкая шутка. «Утром вернете»! Ага, уже побежал. Но когда стоишь на балконе веселый и пьяный от запахов летней ночи больше, чем от вина, в компании таких же беззаботных балбесов, любая дурацкая шутка кажется самой удачной в жизни, это он еще помнил. Когда-то сам так умел.

Ответил: «Ладно, договорились», – развернулся и пошел дальше, неторопливо, чтобы дать этим падшим-перелетным весельчакам возможность потребовать свою шляпу назад, но они только хохотали ему вслед и громко желали удачи. Звучало как издевательство, но ясно, что это они не со зла.

Свернув за угол, увидел свое отражение в зеркальной витрине, освещенной ярким фонарем, и обнаружил, что шляпа, во-первых, зеленая. А во-вторых, очень ему идет. Мягкая мясистая ряха внезапно стала вполне выразительным лицом, нос обрел не свойственную ему прежде четкость, а подбородок словно бы выдвинулся вперед. Ну и взгляд больше не казался затравленным; впрочем, он вообще никаким не казался, потому что глаза скрылись в тени шляпных полей. Неожиданное открытие. Никогда раньше не носил шляпы; получается, зря.

Стыдно признаться, но настроение после этого заметно поднялось. Хотя, казалось бы, что изменится от того, что ты стал чуть-чуть лучше выглядеть? Не настолько лучше, чтобы внезапно начать нравиться всем женщинам подряд, а ровно настолько, чтобы было не так противно, как раньше замечать себя в зеркалах. Правильный ответ: ничего не изменится. Даже Эмма не вернется; впрочем, вряд ли я ей теперь обрадуюсь, к черту Эмму, ушла – значит ушла. И все остальное к черту.

Но сердце все равно ликовало. Ничего удивительного, оно просто мышца, не наделенная даже подобием разума, ни одной чайной ложки мозга дотошные ученые там до сих пор не нашли, в этом вопросе им можно доверять.

Несколько кварталов прошел в состоянии идиотического довольства собой и даже, страшно сказать, жизнью в целом – оказывается, иногда свалившаяся на голову шляпа действует не хуже стакана водки. Просто удивительно, что такой сильный наркотик еще не запрещен какой-нибудь Европейской комиссией по безопасности всех от всего. Однако, обнаружив, что его снова мучает жажда, с досадой поморщился: возвращаться к яркой иллюминации, музыке и радостным голосам даже в шляпе совсем не хотелось. Подумал: мне бы сейчас просто воды, без всего остального, что к ней прилагается, то есть без праздника, шума и смеха. И вообще без людей.

И тут же споткнулся, вернее, врезался в стоящую прямо на тротуаре упаковку питьевой воды: шесть полуторалитровых бутылок, запечатанных в пластик, с прорезанной ручкой, чтобы было удобно нести. Больно ушиб лодыжку, но ладно, по крайней мере, не упал.

Стоял над этой упаковкой, растерянно оглядывался по сторонам в поисках ее владельца. Но на улице было пусто, и окна в домах темные, и единственные обнаруженные поблизости ворота во двор закрыты на замок. И ни одного кафе или бара, даже закрытого. И никаких автомобилей, благо парковка в переулке запрещена.

Наконец решился – какого черта?! Невелика кража, вода стоит копейки, а я очень хочу пить. Вскрыл упаковку, вынул одну бутылку, остальные переставил поближе к стене, чтобы больше никто не споткнулся. Отвинтил крышку, пил так жадно, словно выбрался из пустыни. Выпил добрую половину бутылки, отдышался и только после этого наконец удивился: надо же,

не успел подумать, что хочу воды, и она сразу же появилась – просто так, посреди улицы, без каких-либо очевидных причин. Удивительное происшествие, кто бы сказал – не поверил бы, но как не поверить, если вода – вот она.

Вода вдохновила его даже больше, чем привлекательность собственного отражения. Господи боже, как же все-таки мало надо человеку, чтобы воспрянуть духом: дурацкая шляпа, сброшенная с балкона, упаковка воды посреди тротуара, и вот мир уже кажется удивительным добрым местом, как в детстве, мало ли что моя жизнь рухнула буквально сегодня утром, сразу по всем фронтам.

Подумал: а может, и хорошо, что она наконец-то рухнула. Сам бы ни за что не решился ее развалить, а ведь, если начистоту, дурацкое было здание. Ничего удивительного, сам ее выстроил, а архитектор я и правда довольно хреновый, никакого воображения, пора бы это уже признать. Ладно, зато живой и даже не очень старый. И совершенно точно не умру этой ночью от жажды. От всего остального – вполне возможно, но не от жажды, нет.

Рассмеялся вслух, не стесняясь гипотетических случайных свидетелей его помрачения; впрочем, на улице по-прежнему было пусто, а в окнах темно.

Воду допил неподалеку от улицы Бокшто; он довольно часто ходил через этот квартал и всегда огорчался состоянию нескольких старых домов. Не благородная ветхость, присущая большинству закоулков Старого города, а настоящая мерзость запустения – полусгнившие пороги, ржавые куски железа вместо дверей, окна, кое-как заколоченные фанерой, сквозь щели сочится вонь стихийно возникшего внутри общественного сортира; нельзя так обращаться со старыми домами, вообще ни с чем и ни с кем так нельзя.

Проходя мимо, всегда невольно прикидывал, как здорово можно было бы это отремонтировать: аккуратно и бережно, без ярких пряничных красок, без блеска и лака, без вот этой истошно оранжевой новенькой черепицы. Так, чтобы казалось, будто ремонт был сделан примерно сто лет назад, просто потом время чудесным образом прекратило свою разрушительную деятельность, и все осталось как было, не стерлось и не потрескалось; в общем, долго объяснять, проще сделать, да кто же мне даст, у зданий есть собственники, а у собственников, похоже, нет денег даже на самый примитивный ремонт, так что и говорить тут не о чем, только мечтать.

И на этот раз привычно подумал: «Вот бы...» – и далее по тексту, эти его мечты о ремонте квартала были как давным-давно выученная наизусть поэма: произнесешь первую строчку, а дальше по накатанной, само. И только добравшись до обычного финального: «И чтобы без этой карамельной имитации якобы черепицы...» – осознал наконец, что уже какое-то время стоит возле свежештукатуренной светло-серой стены и растерянно гладит ее, как внезапно обретенную первую юношескую любовь, которую, с одной стороны, счастлив встретить и заключить в объятия, а с другой, совершенно непонятно, что теперь делать с таким подарком судьбы.

Ничего не сделал, конечно. Какое-то время молча разглядывал неожиданно похорошевший в точном соответствии с его идеальным планом квартал, а потом развернулся и пошел прочь. Ошарашенный и почему-то совершенно, без оговорок счастливый, хотя не далее как сегодня окончательно договорился с собой, что никакого счастья вообще не бывает, испытывать его – нелепый, недостойный мало-мальски мыслящего существа самообман. Впрочем, последовательность никогда не была его сильным местом, и это к лучшему, факт.

Шел, не разбирая дороги, чуть не упал, спускаясь с холма не по лестнице, как обычно, а по какой-то, прости господи, козьей тропе, но устоял на ногах, вышел к реке, сел на берегу, прямо в мокрую от росы траву. Отдышался, но в себя так и не пришел. Пожалел, что бросил курить. Отличный был способ быстро взять себя в руки; впрочем, говорят, все дело не то в сосательных движениях, возвращающих человека в золотой век раннего младенчества, не то

просто в глубоких размеренных вдохах. Сорвал какой-то колосок, некоторое время сосал его, потом немного погрыз. Легкая травяная горечь и никакого душевного равновесия; впрочем, этого следовало ожидать.

Сидел, думал: что это вообще было? Там же... Нет, ну правда, я совершенно трезвый, даже пока не сонный и могу поклясться: сперва все выглядело обычно, то есть как всегда. Говорят, человек часто видит не то, что на самом деле показывают, а то, что заранее ожидает увидеть, мозг так устроен, сейчас много об этом пишут, вон даже до меня донеслось, хотя я не особенно интересуюсь всеми этими популярными открытиями в области устройства сознания. Но ладно, все-таки предположим: я привык, что там руины, и увидел руины, договорились, согласен. Но запах? Как быть с запахом? Сперва я его чувствовал, там довольно сильно воняло, что, в общем, понятно, в такую-то жару. А потом, когда я бродил, как дурак, от здания к зданию, махая новенькую штукатурку, пахло только цветущей акацией, травами и речной водой – это я точно помню. Нос есть нос, глупо ему не верить, он никогда меня не подводил.

Подумал: а ведь перед этим была еще и вода. Целая упаковка, внезапно, посреди улицы, в тот самый момент, когда я захотел пить, это все-таки удивительно. Хотя теоретически, наверное, объяснимо. Было бы желание объяснять.

Голова кружилась от возбуждения, попробовал было прилечь, но оказалось очень уж мокро. И неудобно, потому что на голове... Ну елки, конечно. Дурацкая зеленая шляпа. Свалилась мне на голову, и сразу как понеслось... Неужели все дело в ней? Да ну, не может такого быть.

Не может? Тем лучше.

Волшебная шляпа, исполняющая желания, – именно то, что надо, чтобы быстро, безболезненно и даже не без некоторого удовольствия сойти с ума и забыть о своих настоящих проблемах. Самое время, когда, если не сейчас. А все-таки надо проверить эту гипотезу, благо никто не видит и не слышит, как взрослый, практически пожилой человек сидит на берегу реки и твердит вслух, на всякий случай обратив взор к светлому предрассветному небу: «Я хочу бургер. Нет, лучше бутылку вина. И красотку, готовую полюбить меня с первого взгляда. И, предположим, яхту... такую специальную яхту, способную плавать по нашим рекам, чего мелочиться, чудо, так чудо, пусть будет, хочу».

Но ничего, конечно, не произошло. Яхта не плюхнулась в бурные воды Вильняле с каких-нибудь обетованных небес, красотка не вылезла с треском из прибрежных кустов, и даже гамбургер не свалился в протянутую руку. И бокал не материализовался в другой. Обидно, но на самом деле не слишком: есть он совсем не хотел, а при мысли о вине почему-то слегка тошнило. И от влюбленной красотки не знал бы куда смыться, только ее не хватало сейчас. И яхту потребовал просто для смеху, никогда ими не интересовался, даже теоретически. Хорошо, что не получилось. Ну ее в пень.

Подумал: а все-таки жалко. Отличная была версия про волшебную шляпу. Милое, безобидное безумие и избыточные материальные блага в качестве побочного осложнения, мне бы вполне подошло.

Подумал: с другой стороны, настоящая волшебная шляпа, по идее, должна исполнять только искренние желания. Ее не обманешь. Пить-то я хотел по-настоящему. И квартал этот дурацкий хорошо отремонтировать – тоже. Он же каждый раз душу из меня вынимал своим жалким видом. А больше я сейчас, как назло, ничего не хочу.

Подумал, невесело усмехнувшись: а желаний при этом наверняка может быть только три. Таковы сказочные законы, мы все знаем их с детства. Два я уже израсходовал. Интересно – нет, правда же интересно – что еще можно ей заказать? Чтобы Эмма передумала и вернулась? Хорошая идея, только искренне захотеть, пожалуй, уже не получится. Что я буду с ней делать после всего, что услышал утром? Нет уж, вопрос закрыт. И с заказом вопрос тоже закрыт. Даже

непонятно теперь, почему я так из-за него убивался. Всех денег не заработаешь, а мне давно пора взять передышку, я очень устал.

Подумал: а вот кот... И поспешно, как будто и правда верил в силу волшебной шляпы, добавил: только не воскрешать его, как у Кинга в «Кладбище домашних животных», не надо мне жизнерадостных трупов в моем переулке. Лучше просто все отменить, как будто ничего не случилось, как будто водитель успел свернуть на пустой тротуар и долго потом бранился, чуть не плача от облегчения, кричал шмыгнувшему в кусты коту: «Ах ты тупой засранец!» – а потом поехал дальше, взвинченный, но ужасно довольный собой. Я сам в таких случаях всегда бываю до смешного счастлив, потому что – ну все-таки жизнь. Что бы я сам о ней ни думал, а, как ни крути, драгоценность. Большая удача, если удастся ее сохранить.

Вот бы и тогда удалось.

Когда осознал, что сидит на берегу реки, обливаясь слезами, то есть натурально ревет, как в детстве, навзрыд, с такими жалобными тоненькими подвываниями, и одновременно улыбается до ушей, и глаз дергается в нервном тике, понял, что дела совсем плохи. Гораздо хуже, чем ожидал. Видимо, это и называется «нервный срыв»; ладно, ничего, с кем не бывает, просто не выдержал напряжения. На самом деле еще хорошо, что дело ограничилось вполне безобидной одинокой истерикой на рассвете, могло быть гораздо хуже, особенно если бы начал вечер, к примеру, с пива, а закончил... ну, как пойдет. В общем, молодец, что не напился. А теперь, пожалуйста, возьми себя в руки. И спокойно дойди до дома, очень тебя прошу.

И дошел как миленький, запер дверь, выключил свет в прихожей, рухнул, не раздеваясь, на неудобный диван в гостиной; это и к лучшему, в спальне еще было полно Эмминых вещей, она обещала забрать их не позже понедельника.

Спал до трех, проснулся почти спокойным. И со зверским аппетитом, что совершенно неудивительно: в последний раз ел больше суток назад. Даже щекастое зеркальное отражение успело изрядно осунуться, в сочетании с легкой небритостью это выглядело неожиданно свежо, даже отчасти брутально. Подумал: так бы и надо оставить. Только для этого, вероятно, придется есть не чаще, чем раз в двое суток и старательно, с полной самоотдачей рыдать на рассвете – хороший, но трудноосуществимый план. Не жрать еще ладно бы, а регулярно рыдать все-таки вряд ли получится. С чего бы? Теперь вчерашние проблемы казались ему не то чтобы высосанными из пальца, но недостаточно серьезными для еще одного нервного срыва. Даже удивительно, что так расклеился. А, ну да. Из-за кота. Глупо, но на самом деле очень понятно. Жалко его, дурака дурацкого. Даже сейчас.

О шляпе вспомнил уже позавтракав, и только потому, что решил проверить, действительно ли она настолько ему к лицу, как вчера показалось. Искал ее по всему дому, включая спальню, в коридоре, на крыльце и даже в палисаднике у входа, но не нашел. Вероятно, осталась валяться в траве у реки; ничего удивительного, спасибо, что как-то доставил домой себя с телефоном, ключами и даже бумажником. Настоящий герой.

Ближе к вечеру выгнал себя в магазин за продуктами; не то чтобы было позарез надо, просто пройти лишнюю пару-тройку километров никогда не повредит. К тому же прогулки по городу действительно здорово утешают и успокаивают, это не фантазии, а вывод, сделанный на основании житейского опыта и не раз проверенный на практике, мало ли, что вышло вчера.

Специально сделал крюк, чтобы пройти по свежерееставрированному кварталу, проверить, что там творится. Вчера в темноте толком не разглядел. Не зря пошел, дома и правда были отремонтированы на славу, и это здорово подняло ему настроение. Как будто, смешно сказать, и правда имел к этому какое-то отношение, проектировал, консультировал или просто помогал собирать деньги. Хотя, конечно, пальцем о палец не ударил, только мечтал.

По холлу торгового центра расхаживала девушка-стажерка из зоомагазина, раздавала рекламные образцы сухого кошачьего корма на пробу, на возражения: «У меня нет кошки», – привычно отмахивалась: «Наверняка есть у кого-нибудь из ваших друзей, вот и угостите». Милая барышня, с чудесной, совсем не рекламной улыбкой, такую не хочется огорчать отказом. И, тем более, печальной историей о сбитом машиной уличном коте. Поблагодарил, взял пакетик, сунул в карман, развернулся и вышел из магазина, так и не купив хлеба, молока и оливок, ради которых, собственно, приходил.

Когда маленький тощий кот, белый с серыми пятнами выбежал ему навстречу из переулка Балтасис и, как ни в чем не бывало, панибратски потерся о штанину, он не почувствовал ни удивления, ни даже радости, только что-то вроде облегчения. Достал пакетик с кормом, разорвал, высыпал содержимое на асфальт. Кот ел, урча от восторга, а он сидел рядом на корточках, осторожно, одним пальцем, чтобы не напугать, гладил пятнистую шкурку, думал: все-таки дело в зеленой шляпе. Получается, именно в ней.

Улица Барборы Радвилайте (Barboros Radvilaitės g.) Strange Love

Сказал: «Я люблю тебя больше жизни», – а потом проснулся, представления не имея, кому именно это говорил.

Никогда этого не помнил.

Сны, в которых был страстно, самозабвенно и очень счастливо влюблен, снились ему время от времени, лет примерно с пятнадцати. Некоторые смутные подробности оставались в памяти, в основном, городские улицы, по желтым каменным тротуарам которых ходили, обнявшись, никуда не спеша – всегда одни и те же, застроенные невысокими двух-трехэтажными домами с одинаковыми островерхими светлыми золотистыми крышами, наяву незнакомые, но за множество сновидений изученные, исхоженные вдоль и поперек, даже машина у него там была, старый кабриолет шоколадного цвета, обычно оставлял ее в переулке, недалеко от смешного фонтана в виде стаи попугаев, реже – на площади, возле пешеходного моста, подсвеченного зелеными фонарями, с закрытыми глазами нашел бы, честное слово, хоть сейчас.

В этом городе почти всегда была ночь, изредка сумерки, только однажды приснился очень яркий, теплый солнечный день, золоченая черепица крыш сияла так, что глаза слепило, а стены домов оказались яркими и полупрозрачными, как леденцы; прохожих, впрочем, все равно было мало, ну или просто не замечал их, полностью поглощенный – вот вспомнить бы кем.

Но вспомнить никогда не удавалось. И сегодня не удалось.

В юности очень сердился – на дырявую память, на зыбкость ускользающего сновидения и на неведомый объект своей влюбленности – к чему такая таинственность? Вот не увижу тебя больше во сне, ни за что, никогда, посмотрю, как ты тогда запоешь!

Злиться, конечно, давно уже перестал. Когда так сильно любишь, соглашаешься на любые условия. Зачем-то надо, чтобы я тебя не помнил? Ладно, как скажешь, пусть будет так, только снись, пожалуйста, почаще. Потому что без снов о любви к тебе в моем существовании станет гораздо меньше смысла. А резко уменьшать дозу смысла опасно для жизни, особенно такой бестолковой, как моя, проживаемой кое-как, не начерно даже, наметками и набросками, как записывают на рекламной листовке план будущего романа, вдохновенно сочиненного в дружеской беседе, о котором заранее известно, что никто из участников разговора никогда не станет над ним трудиться, и бумажка с неразборчивыми записями упокоится в ближайшей урне задолго до того, как трижды пропоет петух.

Всякий раз после этих снов о любви в городе с золочеными крышами был по утрам сам не свой. Хотелось летать, ругаться, выскочить на улицу и хоть кого-нибудь поцеловать, запереться в кладовке и больше никогда не выходить на свет, смеяться от счастья, которого, строго говоря, не случилось, и плакать. Плакать – больше всего, причем не пустить со скорбным достоинством скупую слезу, а рыдать громко, самозабвенно, навзрыд, как в детстве после большого праздника или похода в луна-парк, не от усталости даже, а от избытка впечатлений и чувств, которые натурально рвут сердце на части, просто не помещаются в нем, но и не уходят никуда, выкручивайся как хочешь. Пореветь всегда помогало, жаль, с возрастом разучился, теперь непонятно даже как запускать этот процесс.

Поэтому вместо слез будет кофе, горький, как всякое пробуждение, если кинуть в него пару кристаллов морской соли, вкус почти не изменится, но это неважно, главное, ты знаешь, что кофе у тебя *со слезой* – ладно, с двумя слезами на большую кружку, хорошая пропорция,

доброе утро, невыносимый ты тип, рева-корова, просыпайся уже, эй! Незачем потерянно оглядываться по сторонам, этим утром некому тебя обнимать, а когда бывало иначе, ты сам отстранялся, ощущая себя не живым человеком, а первым декабрьским днем, холодным и темным. Вот и ощущай на здоровье, только не стой при этом столбом, отправляйся в душ, тебе надо как минимум успеть на почту. Четыре посылки следовало отправить еще вчера, но кое-кто протупил за работой до ночи, а сегодня суббота, короткий день, даже центральное отделение только до двух, а ты дрых почти до одиннадцати. Это только кажется, будто три часа – очень много, на самом деле почти ничего.

И даже не надейся отсидеться дома под предлогом обещанного прогнозом дождя. Человек – царь природы и венец творения, ему есть, что противопоставить беспощадной стихии. Например, зонт. Прекрасный, полезный предмет, без пяти минут волшебный жезл, к сожалению словно бы специально созданный для того, чтобы всегда оставаться забытым в прихожей, на заднем сидении автомобиля, в автобусе, в кафе; забыть зонт можно абсолютно где угодно, это очень легко, даже руками ничего делать не надо – раз, и его у тебя уже нет.

...И ведь действительно забыл. После всех этих рассуждений вышел из дома без зонта, как последний дурак.

Возвращаться, конечно, поленился. Махнуть рукой на дождь, который еще не начался, а только был предсказан синоптиками, проще, чем подниматься на пятый этаж.

Шел через Ужупис по улице Полоцко, с востока на запад. Навстречу, с запада на восток, неспешно ползла туча, свинцово-синяя, сияющая, неотвратимая. Всю дорогу прикидывал, где можно будет быстро спрятаться от грядущего ливня. Вон в том дворе, в беседке или в этом на крыльце под навесом, а дальше через дорогу парикмахерская, и в случае чего...

Но успел пройти мимо беседки, мимо крыльца с навесом и мимо парикмахерской, свернуть в арку с порывшим от ржавчины трубящим ангелом, спуститься по лестнице к Художественной Академии, перейти мост, по диагонали пересечь Бернардинский сад, и только когда вышел из него на углу улиц Майронё и Барборы Радвилайте, туче надоело держать драматическую паузу, и на город обрушился – ладно бы просто дождь, ладно бы ливень – какой-то вертикальный океан. К тому же штормящий. Спасибо, что без акул.

Ну, по крайней мере, можно не особо сожалеть о забытом дома зонте. Зонтом такой беде не помочь, если только он не четырех хотя бы метров в диаметре, как в уличных кафе – вот например, совсем рядом с выходом из парка, возле кафе Strange Love. Надо же, еще несколько дней назад водил сюда дорогого гостя из далеких краев дегустировать кофе, приготовленный новомодным способом «кемекс»¹⁹, и никаких зонтов на улице не было, а тут вдруг поставили, желтый, как цветок подсолнуха, с рекламой нового сорта пива; кстати, именно это пробовал, редкостная дрянь.

Но сейчас-то какая разница.

Когда на человека выливают всю воду мира разом, человек способен на многое. Например, преодолеть десяток метров практически одним прыжком. Все равно вымок, конечно. До нитки. Но не до костей. Уже хорошо.

¹⁹ Кемекс (*chemex*) – стеклянная колба, по форме напоминающая песочные часы, и одновременно способ приготовления кофе в этом сосуде. Название происходит от английского слова «химия» – chemistry. При приготовлении кофе в верхнюю часть сосуда вставляется фильтр, на который высыпается кофе крупного помола. Бариста медленно льет на кофе горячую воду из специального чайника с длинным носиком, заваренный кофе постепенно проливается через фильтр в колбу. При использовании такого метода кофе сравнительно долго контактирует с кислородом, что позволяет смягчить его вкус. Кемекс изобрел в середине двадцатого века американский химик Петер Шлюмбом, а активно использовать его начали только 50 лет спустя. Некоторые называют кемекс кофейным декантером (по аналогии с винным), считая, что соприкосновение с кислородом обогащает и раскрывает кофе.

Оказавшись под зонтом, отдышался. Потом огляделся, оценивая обстановку. Отличная, надо сказать, обстановка. Не только зонт, но и белый пластиковый стол, и такие же кресла, целых четыре штуки. Можно переждать ливень с комфортом.

Два кресла уже были заняты опередившими его товарищами по несчастью. Ну или, наоборот, по чудесному спасению, это с какой стороны посмотреть.

Сказал им:

– Здравствуйте.

Лысый старик в зеркальных солнцезащитных очках и пиджаке, давно утратившем цвет и форму, не то кивнул в ответ, не то просто потупился, как мальчишка, вынужденный знакомиться с посторонними взрослыми. Невольно последовав за его взглядом, обнаружил, что в ногах у старика стоит ведро с розовыми флоксами, связанными в тощенькие букеты. Обычно такими торгуют смурные похмельные тетки средних лет и аккуратные старушки с жадными, просящими глазами, а тут, гляди-ка, дед-цветочник. Элиз Дулиттл. Чего только не бывает.

– Добрый день, – вежливо ответила женщина средних лет, холеная, отлично подстриженная, однако облаченная в простецкий камуфляжный комбинезон. Жесткая линия рта, спокойный внимательный взгляд. Непростая такая тетка. Амазонка.

– У вас случайно нет зажигалки? – спросила она, выразительно взмахнув в воздухе невыносимо пижонской сигаретой. Черной с золотым фильтром. *Sobranie* или как их там.

Достал зажигалку, защелкал, пытаюсь прикрыться от ветра – интересно, как это сделать, когда ветер дует со всех сторон сразу? Амазонка нетерпеливо протянула руку: «Я сама», – не сказала, но вполне ясно выразила жестом. И прикурила с первой же попытки. Высокий класс.

Пока прятал зажигалку в карман, под зонт влетела толстая девица, закутанная в целый ворох черных тряпок, мокрых, разумеется, каких же еще. Волосы у девицы тоже были черные, явно крашенные – с учетом белейшей кожи и россыпи мелких веснушек на круглом простодушном лице, измазанном сейчас обильными потоками туши, смытой с рыжеватых ресниц немилосердным дождем. Ужас, летящий на крыльях ночи, адская плюшка тьмы, бедный ребенок. Вероятно в мире есть зрелища более душераздирающие, чем промокшая насквозь толстушка, одетая по готской моде, но их явно немного. И созерцать их доводится далеко не каждый день.

– Извините, – сказала она, залившись от смущения почти неестественно ярким румянцем. – Там так льет!

– Все в порядке, – улыбнулась ей женщина-амазонка. – Это же не наш личный зонт, а общественный. Очень вовремя его поставили. Еще вчера ничего тут не было. Нам фантастически повезло.

Барышня-адская плюшка улыбнулась, обрадованная приветливым приемом. И сразу стало заметно, насколько она юная. Скорее всего, еще школьница.

Амазонка протянула ей пачку бумажных салфеток. Молча, но так выразительно, что девица сразу все поняла и принялась вытирать перепачканное тушью лицо. Кое-как привела себя в порядок, уселась на стул, достала из кармана телефон, уткнулась носом в экран и, можно сказать, исчезла, провалившись не то в фейсбук, не то в какую-нибудь игрушку, кто ее разберет.

Занял оставшийся стул, посмотрел на часы. Двенадцать пятьдесят шесть. Когда так сильно льет, это обычно ненадолго, шансы успеть на почту пока неплохие, до центрального отделения на проспекте Гедиминаса отсюда минут пятнадцать. Даже в десять можно уложиться, если как следует поспешить.

Глаза почему-то закрывались, хотя вроде выспался и кофе выпил достаточно. Наверное, из-за погоды. Никогда не знал, какое у него давление и есть ли оно вообще, но обычно в дождливую погоду спать хочется целый день, это факт. В слишком солнечную, впрочем, тоже хочется. И зимой, когда крепчает мороз. И в оттепель заодно. Зевнул, подумал: «Да я просто засоня, давление тут ни при чем».

Вроде не спал, просто сидел, кое-как угревшись в отсыревшей одежде, неподвижно, ни о чем особенно не думая, уставившись на каким-то чудом оставшийся сухим асфальт у себя под ногами, но вздрогнул от неожиданности, когда женский голос произнес над самым ухом:

– Надо же, уже половина третьего, а все льет и льет.

Как – половина третьего?! Буквально только что было... Или не только что? Получается, все-таки уснул среди бела дня, в мокрой одежде, сидя на стуле под желтым зонтом кафе, терзаемый всеми ветрами, под шум, нет, под грохот дождя, под его вездесущие брызги, веселые и не по-июльски холодные. И с почтой ничего не вышло, с тем же успехом мог оставаться дома до вечера. Обидно.

Женщина в камуфляже сама выглядела растерянной и сонной. Черная адская плюшка горбилась над телефоном, старик-цветочник Элиз Дулиттл сидел, откинувшись на спинку стула и задрав голову вверх; спят они или бодрствуют, поди пойми.

Женщина-амазонка достала из сумки большую зеленую термокружку, сделала несколько жадных глотков и вдруг протянула ему:

– Там кофе, еще горячий.

Дураком надо быть, чтобы отказываться от такого предложения.

Пока пил, она выложила на стол пригоршню конфет «Рафаэлло» в полупрозрачных белых обертках. Сказала присутствующим:

– Угощайтесь.

– Спасибо, – смущенным дуэтом откликнулись те, но к конфетам не прикоснулись. Девица по-прежнему пялилась в экран телефона, а старик неуверенно протянул руку куда-то в сторону, но тут же снова положил ее на колени.

Только теперь заметил, что к стулу Элиза Дулиттла прислонена белая трость, с какими обычно ходят слепые.

Амазонка, похоже, тоже только сейчас увидела трость. Губы ее дернулись, словно хотела сказать себе: «Вот дура!» но тут же снова сложились в приветливую улыбку. Она вложила одну конфету в ладонь старика, вторую – на колени юной избранницы зла. Объявила весело и строго, как учительница, призывающая учеников отложить в сторону учебники и сплясать:

– Сухой паек для жертв всемирного потопа. Обязательно надо съесть!

Отдал ей кружку. Сказал:

– Просто чудо какое-то это ваше внезапное угощение.

Она энергично кивнула.

– Я бы на вашем месте сама удивилась такому приятному повороту. Но я – на своем. И прекрасно знаю, откуда что взялось. Не чудо господне, а просто мои дорожные припасы. Это я так интересно к морю стартовала: через центр, чтобы купить всякую всячину и заодно запастись приличным кофе в дорогу, на бензоколонках все-таки страшная бурда. И надо же было так застрять! Я тут, а машина аж за рекой, на бесплатной стоянке, между нами – полтора километра дождя.

Адская плюшка меж тем проглотила угощение и застыла с деланно равнодушным видом, стараясь не коситься на оставшиеся конфеты. А старик-цветочник все еще разворачивал обертку, медленно и аккуратно, словно она была ценностью, которую непременно надо сохранить. Наконец справился и осторожно положил белый шарик, обсыпанный кокосовой стружкой, в рот. Некоторое время прислушивался к ощущениям, потом расплылся в улыбке.

– Я такие у внуки на дне рождения ел. Очень вкусно!

– Значит, надо повторить, – решительно сказала женщина-амазонка. И вложила в его руки еще одну конфету. И толстухе выдала. И вдруг заговорщически подмигнула – дескать, ну хоть тебя-то не надо уговаривать, правда?

Правда. Взял конфету и съел. Спросил свою благодетельницу:

– А почему вы не вызвали такси? Ну, чтобы отсюда до машины...

Она ответила ему растерянным взглядом.

– Слушайте, просто не сообразила. А ведь точно! Вот что значит всегда сама за рулем, отвыкла уже от идеи, что кто-то другой может меня куда-нибудь отвезти.

Дозвониться в такси оказалось практически невыполнимой миссией. Женщина-амазонка снова и снова нажимала кнопку своего телефона, кривилась: «Занято», – и начинала сначала. Неудивительно, можно вообразить, какая толпа народу пытается сейчас добраться до дома, не одни мы такие умные, увы. Решил прийти ей на помощь, стал набирать все хранившиеся в телефонной памяти номера такси, по очереди. Бесполезно: короткие гудки, снова короткие гудки, наконец у аппарата сдали нервы, и на все попытки дозвониться он стал отвечать грубым молчанием – да что с ним такое?

Никогда не умел чинить приборы, но одно золотое правило все же знал: когда что-то не работает, попробуй его выключить, а потом включить снова. Это помогает примерно в половине случаев. Но, к сожалению, не на этот раз. Ну то есть как – телефон благополучно включился, но значок в левом верхнем углу экрана, демонстрирующий качество связи, отсутствовал вовсе. А при попытке набрать номер, появлялась угрожающая надпись: «Только SOS».

Растерянно констатировал:

– Похоже, нет связи.

– И у меня уже нет, – кивнула амазонка. – Сперва у них хотя бы просто занято было, а теперь совсем кирдык. У вас какой оператор? Случайно не Omnitel?

Отрицательно помотал головой.

– Vite. Как это они дружно, а.

– И интернета тоже нет, – неожиданно сообщила барышня в черном. Вид у нее был совершенно потерянный.

Предположил:

– Из-за дождя, наверное. Замкнуло у них там что-нибудь, у всех сразу. Или, наоборот, разомкнуло. Техника часто выходит из строя из-за погоды.

– Три года назад летом так же лило, даже хуже, громче шумело, – вдруг сказал старик-цветочник. – У моего соседа тогда машину затопило. Выше дверцы вода поднялась. Он до сих пор со страховкой воюет, хочет деньги за ремонт получить. А у них это называется «форс-мажор» – раз, и никто никому ничего уже не должен. Хитро придумали! Но телефоны тогда работали, я точно помню. Мне внучка несколько раз звонила, беспокоилась.

Подумал: «Надо же, а я совершенно не помню того потопа, хотя вроде все лето двенадцатого в городе просидел. Как же быстро все забывается. Не только сны».

Амазонка достала из пачки очередную черную сигарету. И вдруг спросила:

– Слушайте, а вам не кажется, что там, через дорогу все стало как-то не так?

– Как – «не так»?

Впрочем, тут же сам понял, о чем она говорит. Куда-то подевалась афишная тумба, всегда стоявшая возле «зебры» пешеходного перехода, почти на самом углу Майронё и Барборы Радвилайте. Что в общем не так уж удивительно, все афишные тумбы рано или поздно убирают или переносят на другое место. А вот дом...

– Этот угловой дом на моей памяти всегда был светло-коричневый. И как минимум трехэтажный, – сказала женщина в камуфляже. – Скорее даже четырех, точно не помню; факт, что довольно высокий. Не такой приземистый, голову на отсечение даю! И уж точно не красный.

– Слушайте, а ведь да. Если бы вы не сказали, я бы не обратил внимания. Когда смотришь сквозь такую стену воды...

– Все что угодно можно объявить оптическим обманом и успокоиться, – кивнула она. – Я и сама сперва так решила. Если бы у меня была с собой читалка, или хоть пара игрушек в телефоне, даже думать об этом не стала бы. Но читалка осталась в багажнике, а игрушки я как

раз недавно снесла, все до единой, когда поняла, что голове они совсем не на пользу. Поневоле приходится смотреть по сторонам и размышлять об увиденном, других-то развлечений нет. Так вот, этот дурацкий дом. Что с ним стряслось? Цвет – ладно, предположим, дождь, освещение, с утра перекрасили, чего только не бывает. Но исчезновение как минимум двух этажей никаким дождем не объяснишь.

– Про дом ничего сказать не могу, – вмешался старик-цветочник. – Я его не вижу. Но слышу я, слава богу, хорошо. И теперь не могу понять, почему все машины стоят?

– А разве они стоят? – переспросили растерянным хором.

Даже удрученная разлукой с интернетом барышня оставила тщетные попытки восстановить пропавшую связь и уставилась на проезжую часть. Никаких машин там не было, не ехало и даже не стояло, то есть вообще ни одной, даже платная парковка, в выходные всегда забитая под завязку, была сейчас совершенно пуста. Куда все подевались?

– Машины не то чтобы стоят, – наконец сказала старику женщина-амазонка. – Их вообще нет! И это совсем странно. В центре, в субботу, тем более, в такой дождь...

– А. Значит, поэтому шума от них не слышно, – кивнул старик.

Он явно обрадовался. Это можно понять. Когда ничего не видишь, очень страшно обнаружить, что теперь еще иглохнуть начал. Так и чокнуться недолго.

Подумал: «На его месте я бы и без всякой глухоты уже давным-давно чокнулся».

Всегда боялся потерять зрение – без каких-то особых причин, просто в детстве, классе, кажется, в третьем поставил эксперимент, попробовал провести день с завязанными глазами. Исследовательского азарта хватило всего на час, потом избавился от повязки. Но состояние охватившей его тогда полной беспомощности запомнил навсегда. Внезапно оказалось, что жизнь почти целиком состоит из того, что видишь, остальные впечатления не так уж важны. И крошечная царапина в воображении становится огромной раной, и привычный уличный шум за окном кажется угрожающим, и даже вкус почти пропадает, если не видишь, что именно ешь. А когда заходишь в ванную, не включив там свет, вдруг выясняется, что темнота ощущается буквально кожей, и как же страшно стало тогда в этой двойной темноте! Походом в ванную эксперимент, собственно, и завершился. И даже не стыдил себя, что не продержался хотя бы до возвращения родителей. Есть вещи, которых лучше не делать, сколько бы народу ни записало тебя за это в трусы и слабаки. А тогда и записывать было некому, никто же не знал.

– Этот чертов дом через дорогу уже не красный, а почти белый, – растерянно сказала амазонка. – И снова высокий, даже выше, чем был. И посмотрите, какие там башенки, такие только в мультфильмах пририсовывают к королевским дворцам. В Вильнюсе ничего подобного отродясь не строили. И, по-моему, вообще нигде. Уму непостижимо. Вы это тоже видите? Или все-таки чокнулась я одна?

– Да-а-а, башенки, – тоненьким голосом повторила девица в черном. Лицо у ней сейчас было совершенно пятилетнее. Гладкое, щекастое, с круглыми глазами и удивленно распахнутым ртом.

Амазонка адресовала ему вопросительный взгляд: ты тоже видишь?

Кивнул:

– Если чокнулись, то все вместе. Но скорее всего, мы сейчас просто наблюдаем какое-нибудь редкое неизученное природное явление. Миражами в пустыне никого не удивишь, а про дожди с миражами лично я никогда не слышал. Но я о многом никогда не слышал, это точно не показатель.

– Нннуу... Может быть, – согласилась амазонка. – Я мало помню о природе миражей, но вроде бы там все дело в большой разнице температур в разных слоях атмосферы и каком-то особом преломлении света. А в такой дождь... Ну ладно, предположим. Вполне может быть, что со слоями атмосферы сейчас творится что-то неладное. Вариант.

– Миражи – это самая настоящая магия! – неожиданно встряла толстуха. Нижняя губа ее предательски дрожала, выдавая желание зареветь от избытка противоречивых чувств, но светлые зеленоватые глаза полыхали вдохновенным огнем, а подбородок упрямо выдвинулся вперед.

– Фата-моргану до сих пор никакие ученые объяснить не могут, – сказала она. – Только придумывают разные версии, но ни одна пока не доказана. Ни одна! Я очень много об этом читала и фильмы смотрела. Все, что смогла найти.

Понял вдруг, из какого прекрасного теста слепили эту смешную плюшку. Подумал: как же тебя угораздило, детка, родиться здесь и сейчас с таким вдохновенным взором, с буйным воображением, с сердцем, готовым безоглядно раскрыться всем наспех выдуманному тайнам Вселенной, в несуразном большом рыхлом теле, совершенно не соответствующем нынешним стандартам – не то что красоты, но даже самой дальней границы приемлемой нормы. Поэтому твой восхитительный энтузиазм всегда будет казаться смешным, а тяга к чудесному нелепой. Разговоры о необычных вещах к лицу худым длинноногим красоткам с тонкими запястьями, с гладкими волосами ниже лопаток, а тебя и слушать не станут, бедняга. Даже я, скорее всего, не стану, вернее, не стал бы – всего минуту назад. Господи, о чем ты вообще думал, когда раздавал неприкаянным душам человеческие тела? Нельзя так жестоко шутить, особенно над девочками, им и без того непросто живется, а мечтательным вдохновенным толстухам – сто-кратно трудней, чем всем остальным.

Девушка в черном адресовала ему укоризненный взгляд, в котором явственно читалось: «Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Не надо меня жалеть».

Но вслух сказала совсем другое.

– Миражи Ар-Мутарха обычно возникают на рассвете и являются только тем, кто бодрствовал всю ночь; они несут утешение, но не изменяют судьбу. Миражи Ходай-Ю-Ба можно увидеть только в городе, которому не меньше трехсот лет, в самых старых его районах; они нужны, чтобы приукрашивать действительность. Миражи Ту-Юлайфа предсказывают будущее, причем обычно чужое; при виде их человек ощущает сильную тревогу, даже когда представшее ему зрелище само по себе отрадно. Миражи Отаера наблюдаются только в зимнее время на морских побережьях, они предназначены для птиц, а люди, случайно ставшие их свидетелями, даже не понимают, что увидели нечто особенное...

Женщина-амазонка адресовала ему встревоженный взгляд: что она несет? Ты вообще понимаешь, что происходит?

Отрицательно покачал головой: конечно не понимаю. Куда уж мне.

Слепой Элиз Дулиттл молчал и мечтательно улыбался, но его поза выдавала внутреннее напряжение. То ли старался запомнить получше, то ли просто силился вообразить все эти зрелища, недоступные его мертвым глазам.

– Миражи Одабу имеют человеческую форму и любят подолгу беседовать с теми, кому примерещились, – говорила толстуха. – Они дружелюбны, а все же вреда от подобных встреч больше, чем пользы, потому что их болтовня ничего не объясняет, но остается в памяти до конца жизни. Очень хочется отыскать в ней какой-нибудь тайный смысл, но его никогда нет. Хуже только миражи Агалана-Та, которые обычно возникают перед учеными, подсказывают им неверное решение трудных задач и надолго сбивают с толку. Еще есть миражи Яй-Улота, они столь ярки, что их видят даже с закрытыми глазами, а миражи Дето-Уяна всегда сопровождаются необычным шумом, таким громким, что на само зрелище мало кто обращает внимание; поэтому Яй-Улота в народе называют «нахальными миражами», а Дето-Уяна – «застенчивыми»...

– Я такой видел! – внезапно воскликнул старик.

Спросили хором:

– Какой – такой?

– «Нахальный», – объяснил он. – Огромный такой корабль с парусами! Прошлым летом. Меня внучка в Ниду возила, на своей машине. Я там с утра до вечера на пляже сидел, грелся, слушал море. Хорошо было. И однажды я увидел корабль, такой большой, что мачты доставали до облаков. Так-то я почти ничего не вижу, только день от ночи отличаю и еще иногда могу определить, какого что цвета. И тут вдруг этот корабль! Я сперва подумал, вылечился, теперь буду все видеть. Но нет, корабль уплыл, и опять стало как раньше. Никому не рассказывал, даже внучке, думал, испугается: «Рехнулся дед». А это оказывается такой специальный «нахальный мираж», даже известный науке. Корабля все-таки не было, но и я не рехнулся. Хорошо!

Ну, положим, насчет известности и науки есть некоторые сомнения. Девушка, похоже, просто шпарит, что в голову взбредет. Но говорить это вслух, конечно, не стал. Зачем огорчать двух человек сразу.

Женщина-амазонка, наверное, думала примерно о том же. Усилием воли сменила скептическое выражение лица на заинтересованное, спросила:

– А какие еще бывают миражи?

– Миражи Ара-Тутха, которые всегда белого цвета, – снова принялась перечислять девушка. – Миражи Увернай, предназначенные только для детей, взрослые их не видят, и от этого случается множество недоразумений в семьях, когда родители думают, будто дети им врут. Северные миражи Отаун-Я всегда появляются на исходе долгой зимы и похожи на бескрайние поля цветов. Миражи Шам-Кудрана добры и надежны; если наивный свидетель повелит такому миражу и войдет в него, Шам-Кудрана будет сохранять форму сколько угодно долго, лишь бы не испугать вошедшего и не разочаровать. Миражи Уулай возникают только при очень сильном ветре и вид всегда имеют пугающий...

Совершенно не хотел снова ее перебивать, но как-то почти помимо воли спросил:

– А что насчет миражей, которые появляются в дождь? Бывают такие?

– Не знаю, – беспечно ответствовала толстая девушка. – Этого мы пока не придумали.

– Не придумали?

– Не успели, – кивнула она.

И вдруг запоздало смутилась, осознав, видимо, что выступила с лекцией перед посторонними взрослыми людьми. И сделала это вовсе не в мечтах. Не в пылком своем воображении, не в фантазиях. А взяла и все рассказала. Громко и четко, вслух.

Покраснела так, что нежный румянец стал похож на опасный ожог. Огляделась, явно прикидывая, не лучше ли выскочить из-под тента и убежать, но дождь по-прежнему не просто лил, а стоял стеной. Пересилила себя, сказала:

– Просто мы книжку пишем про волшебные миражи. С... с братом.

На последнем слове голос ее так дрогнул, что сразу стало ясно: никакого брата нет и в помине. Только в фантазиях. Причем брат скорее всего двоюродный, чтобы мог при случае, если вдруг очень понадобится, оказаться еще и женихом. Мечтать-то не запретишь.

Ну или нет. Глупо все-таки за других додумывать, руководствуясь исключительно собственными представлениями о том, что должно твориться у людей в головах.

– Ну вы с братом даете! – восхитилась женщина-амазонка. – Просто юные Борхесы какие-то. Но Борхес был одинок, а вас двое. Вам веселей.

– Да, – пылко кивнула толстуха. – Нам друг с другом очень повезло!

– А вы можете записать мне на бумажке, как они все называются? – внезапно спросил старик-цветочник.

– Кто – все?

– Ваши миражи. Я бы внучке про них рассказал. У нас с ней договор: встречаемся по воскресеньям, и я рассказываю шесть сказок, за каждый день недели, пока не виделись, а потом седьмую – большую воскресную. Очень трудно бывает так много нового сочинить. А тут я ей

перескажу ваши истории, как получится, а потом дам бумажку: «Видишь, специально для тебя записали имена миражей». Вот она обрадуется!

Интересная внучка у него получается. То на машине к морю возит, то сказки ей подавай. Впрочем, чего это я, внучек может быть несколько. Скорее всего, так и есть.

– Я бы вам все написала, но у меня нет бумаги и ручки, – огорченно сказала повелительница вымышленных миражей.

– Ну вот тут-то я вам и пригожусь.

Достал из рюкзака ручку и специальный блокнот с легко отрывающимися страницами, для раздергивания на записки самое то. Вырвал сразу несколько, вручил толстухе. Та снова отчаянно покраснела, от смущения поперхнулась благодарственными словами и принялась строчить.

– А теперь вовсе нет никакого дома. Ни красного, ни белого, ни низкого, ни высокого, – флегматично заметила женщина-амазонка.

Губы ее иронично кривились – дескать, вот какие забавные штуки порой случаются с нами, взрослыми, серьезными, психически нормальными, кто бы сомневался, людьми. А глаза она отвела, опасаясь, вероятно, что испуганный взгляд выдаст ее с головой.

Дождь стоял такой плотной стеной, что разглядеть перемены, произошедшие на другой стороне улицы, толком не удавалось. Вроде бы действительно больше никаких зданий, только деревья. Высокие, с пышными зелеными кронами. А вот разобрать, сколько их там – несколько штук, целый парк или вообще лес – уже не удавалось.

Подумав о парке, обернулся – интересно, хотя бы ворота Бернардинского сада на месте?

Ага, держи карман шире. Шиш тебе, а не ворота. Площадь какая-то там теперь. С фонтаном, что в такой ливень особенно актуально.

Мираж, конечно. Что же еще.

Ну, правда кафе «Strange Love» никуда не делось. Надо же, какой стойкий оказался объект. Просто теперь оно лепилось к площади, а не к окружающей сад стене. Но на дизайне и названии это совершенно не отразилось.

Сказал:

– Шутки шутками, но иначе как миражами это, пожалуй, действительно не объяснишь. Разница температур, преломление света – вот и хорошо, пусть себе преломляется на здоровье. Всяко лучше, чем наспех придумывать внезапные испытания какого-нибудь галлюциногена массового поражения, удачно растворяющегося дождевой водой. Или что мы вообще умерли и сидим тут в очереди в рай, как в общественную поликлинику.

– Вы тоже так подумали? – удивилась амазонка.

– Естественно. Все мы воспитаны примерно на одних и тех же книжках и фильмах. И когда что-то идет не так, сразу спрашиваем себя: «А не умер ли я часом? Это бы многое объяснило». Но я, честно говоря, думаю, смерть – такое событие, которое сложно не заметить.

– Ну здравствуйте. А если во сне?

Вздыхнул:

– Ну разве что во сне.

– Моя внучка... – подал голос старик цветочник. Осекся, поспешно добавил, словно бы перебив сам себя: – Внучка не раз говорила, что если уж умирать, так лучше во сне, чтобы не успеть испугаться. А то как-то глупо получится – прожить хорошую интересную жизнь и закончить ее таким сильным страхом, от которого даже себя забываешь. Тогда получится, что все остальное насмарку. Не считается, не имеет цены, зачем оно нужно, если в самом конце не будет ничего, кроме страха. Поэтому лучше всего умереть во сне, она так решила, и все получилось... Ну, то есть обязательно получится, когда она станет старой, внучка у меня молодец.

Вот оно значит как.

– И дождь все не прекращается, – вздохнула женщина-амазонка. – Еще немного, и я забуду, что бывает просто нормальная человеческая жизнь, без миражей и дождя.

– Я записала, – наконец сказала толстуха.

Отдала исписанные листочки старику, а ручку машинально сунула в карман своего черного балахона. Не стал напоминать, что ручка на самом деле его. Ясно уже, что бедняжка смутится так, словно ее застучали на попытке вынести кило леденцов из сиротского дома. Еще чего доброго убежит потом в дождь от стыда. С пылкими юными барышнями надо быть очень осторожным, потому что страдать, переживать и терзаться они уже научились, а просто жить – еще нет.

– Ну вот и миражи прошли, – будничным тоном заметила она, оглядевшись по сторонам. – Дом выглядит как положено. И вообще все.

Это было, скажем так, некоторое преувеличение. Лесопарк и площадь с фонтаном к тому времени и правда исчезли, но высоченный, никак не меньше девяти этажей дом из темного, почти черного камня, возникший на углу Майронё и Барборы Радвилайте, совершенно не походил на коричневый трехэтажный, который стоял здесь всегда. И широкий проспект с магазинами и кафе на месте Бернардинского сада тоже был не совсем уместен. То есть ладно, пусть будет, если уж появился, никаких возражений, но не пытайтесь меня убедить, будто это и есть «как положено». Кто бы его ни положил.

Со стороны проспекта к ним стремительно приближался человек – ну наконец-то, хоть кто-то живой и антропоморфный, а то посидишь так под этим тентом, в окружении стены дождя еще пару часов или лет и окончательно разуверишься в существовании рода человеческого. Откуда бы здесь взяться еще каким-то людям? Нет их больше. И не было никогда.

Но высокий человек в длинном черном плаще, с огромным, примерно полутора метров в диаметре черным зонтом, приближавшийся к ним со стороны неведь откуда взявшегося проспекта, явно не испытывал ни малейших сомнений в собственном существовании. Очень уж бодро, почти вприпрыжку шел он по лужам и очень уж весело улыбался им, всем сразу. И приветливо махал рукой.

– Рыжик! – закричал он издалека. – Держись, спасение близко! Я принес тебе зонт!

Толстуха подскочила, уронив стул, на котором сидела, счастье еще, что выстоял одноногий тент. Тоже замахала руками, заорала что-то – видимо, имя. Разобрать в любом случае было невозможно. Но ясно, что много раз повторяется «а».

– Брат за мной пришел! – гордо объявила она.

– А как же он узнал, куда идти? – удивилась женщина-амазонка. – Связи-то нет.

– Ну так это сейчас не стало, а сначала была. Я ему сразу написала, похвасталась, как удачно спряталась от дождя под тентом возле кафе Strange Love. Не просила спасать, но сами видите, брат все равно тут как тут, с самым большим в мире зонтом!

Согласился:

– Да, зонт у него – это нечто. Сам бы такой хотел.

– Спасибо! – сказала толстуха всем сразу. – Хорошего дня! Надеюсь, дождь скоро все-таки закончится. Или за вами тоже кто-нибудь придет.

Вот не факт, что это – доброе пророчество. Совершенно не факт.

Смотрел вслед удаляющейся парочке в черном, под черным огромным зонтом – хороши! Так-то мужчина, пожалуй, слишком высок и костляв, а барышня все-таки чересчур толста, но нельзя не признать, что в качестве черного силуэта, неспешно удаляющегося по пустынному проспекту, постепенно тающего в немилосердных потоках небесной воды, они прекрасны и совершенны. Была бы ручка, зарисовал бы, но ручка, увы, удалялась сейчас от хозяина в кармане повелительницы миражей, адской плюшки, застенчивой и рассеянной. Ладно, черт с ней,

пусть уносит, не гнаться же за ними теперь под дождем по проспекту, возникшему неизвестно откуда на месте Бернардинского сада.

Все это как-то даже смешно.

– Все это как-то даже смешно, – мрачно сказала женщина-амазонка. И, помолчав, добавила: – Теперь вместо этого высоченного черного гроба на углу красуется особнячок в стиле рококо. Не угодно ли полюбоваться, пока не исчез?

Полюбовался. Не совсем рококо и даже не то чтобы особняк. Но да, розовый двухэтажный дом с белыми колоннами, довольно вычурный.

– У меня там внучка живет, – сказал старик-цветочник.

Уставились на него во все глаза. Удивительно было даже не то, что внучка у человека живет в невесть откуда взявшемся розовом доме с колоннами, подумаешь внучка, какая вообще может быть внучка, когда слепой старик сдвигает на лоб темные зеркальные очки, только что закрывавшие его невидящие глаза, и внимательно разглядывает улицу, отделенную от него сплошной стеной дождя.

– Я все думаю заходить к ней или нет? – вздохнул старик. – Вообще-то внучка всегда мне рада. Но вот так, не позвонив, не предупредив... Как думаете?

Что тут ответишь. Но женщина-амазонка решительно сказала:

– Так вы же не по своей вине не можете позвонить. Просто телефоны из-за дождя не работают. Это называется форс-мажор, как у вашего соседа с машиной. Обстоятельства непреодолимой силы. Если бы у меня в соседнем доме кто-нибудь близкий жил, ввалилась бы, не раздумывая. И пусть бежит за одеялом и греет вино. Пусть спасает, это очень приятная роль – спасать.

– Ну вот и я так подумал, – улыбнулся старик цветочник Элиз Дулиттл. – Я, конечно, совсем промокну, пока добежу, но там найдется, во что переодеться. И вино, наверное, есть. И... И вообще.

Не договорив, он поднялся, подхватил ведро с флоксами и, вдохнув поглубже, как ныряльщик перед погружением, выскочил под дождь.

А белая трость так и осталась, прислоненная к стулу.

– Знаете что? – сказала женщина-амазонка. – Мы с вами не будем об этом говорить, ладно? Потому что если заговорим, мне придется начать думать. А к этому я пока не готова. Только не сейчас.

Усмехнулся:

– Да и я не то чтобы готов. Но наш дед добежал до подъезда и уже вошел – вот это факт. А все остальное от лукавого. Если можно, дайте мне сигарету. Я свои дома оставил, думал, ненадолго выхожу.

– Все мы так думали, – кивнула она, протягивая черную сигарету.

Крепкая оказалась – жуть. Даже забыл, что дым может так драть горло. Но все к лучшему. Такие вещи отлично отвлекают от мыслей, которым в голове лучше бы пока не сновать. Толку от них никакого, одно беспокойство.

– На худой конец всегда можно решить, что это мне просто снится, – сказала женщина-амазонка после того, как розовый особняк с колоннами уступил место обычной панельной девятиэтажке, в центре города совершенно неуместной. – Даже удивительно, что я так долго тянула. Сразу надо было себе так сказать.

Улыбнулся:

– Если так, значит, я – просто ваш сон. Какое облегчение! Вообще никакой ответственности.

Женщина адресовала ему изумленный взгляд; секунду спустя оба хохотали, да так, что он начал сползать со стула, действительно чуть не упал, с трудом удержался, да и то только

потому, что сумел взять себя в руки и как-то обуздать неконтролируемый смех. Не то чтобы сразу успокоился, но какое-то время спустя это все-таки удалось.

Пока смеялись, панельная девятиэтажка благополучно канула в Лету, на ее месте возникло сразу несколько домов, довольно высоких, узких, стоящих на небольшом расстоянии друг от друга и соединенных между собой на некоторых этажах аккуратными застекленными переходами. Один красный дом, один черный, два синих, два белых. Интересное архитектурное решение, этакий оммаж Мондриану, никогда ничего подобного не видел.

– В жизни ничего подобного не видела, – сказала женщина-амазонка. – Прямо какой-то Мондриан.

– Мысли мои читаете.

– Если вы мой сон, это совсем несложно. А если нет... Все равно не особо удивительно – на фоне всего остального.

Да не то слово.

– Я вот сижу и думаю – интересно, в какой момент мне захочется выскочить под дождь? – вдруг сказала женщина-амазонка. – Какое здание будет стоять тогда на углу Майронё и Радвилайте? Что окажется на месте горемычного Бернардинского садика? Вот, кстати, кому должно быть обидно! Только довели до ума, только открыли, и на тебе – пора исчезать.

– Может, появится еще. Скорее всего, это временно.

– Все – временно. Вы сейчас о чем?

– О миражах, конечно. И о дожде. И о нас. Я имею в виду нас, сидящих под этим тентом. Рано или поздно надо будет выходить. И это хорошая новость.

– Думаете, хорошая? – серьезно спросила она.

И надолго умолкла.

Хотел попросить еще одну сигарету, но почему-то постеснялся. Хотя казалось бы, чего уж тут, все свои. Настолько свои, что и подумать страшно: кто-то из нас снится другому, а кто и кому, какая разница, потом разберемся. Сначала бы покурить.

Но вместо того, чтобы просить, поднялся со стула, просто чтобы размять затекшие ноги. Подошел к самой границе между дождем и защищенным от него пространством, брызг оказалось достаточно, чтобы сразу промокнуть по новой, с ног до головы. Но зачем-то высунул руку наружу, под дождь и держал ее там довольно долго. Думал: «Я люблю тебя больше жизни», как будто и правда надеялся, что иногда мысль становится криком, способным преодолеть расстояние и немощь умолкшего телефона, добраться до адресата, влететь в одно ухо, в другое не вылетать.

А вслух сказал:

– Вода как вода.

– Получилось! – торжествующе объявила женщина-амазонка.

– Получилось? Что именно?

– Дом, – ответила она. – Вот этот чертов дом из рыхлого желтого камня, который сейчас стоит на углу – видите? Это я его загадала.

– В каком смысле?

– В самом обычном. Сказала себе: пусть сейчас на этом углу появится дом, в котором я выросла. И вот пожалуйста, желтый камень-ракушечник, в Вильнюсе из такого не строят, здесь его просто нет. И все балконы увиты виноградом. Южный черный мелкий душистый виноград «Изабелла», сейчас, по идее, как раз урожай. Видите балкон на четвертом этаже, голубой в белый горох? Это наш. Папа его так покрасил, специально по моей просьбе, потом каждый год подновлял... Неважно. Очень приятно было все это снова увидеть, но я, конечно, туда не пойду. Делать мне там совершенно нечего. У меня было отличное детство, но жить его еще

раз – нет уж, увольте. Один раз я этот номер исполнила, вопрос закрыт. Лучше продолжим эксперимент, управлять городскими пейзажами гораздо интересней, чем покорно принимать их внезапную смену. И возьмите, пожалуйста, сигарету. Мне приснилось, что вам очень хочется закурить, а свои вы оставили дома, рассчитывая быстро вернуться, всего не предусмотреть, особенно такой форс-мажор.

Взял, конечно. Поблагодарил. Снова сел на пластмассовый стул, затянулся крепким горьким дымом. Смотрел, как там, за сплошной стеной дождя, на углу улиц Майронё и Барборы Радвилайте вырастает сперва синий дом с резными декоративными башенками и круговыми балконами, потом какой-то футуристический ужас из стекла и металла, потом аккуратный краснокирпичный образец неоготики и вдруг – хрустальный дворец. Ну или не хрустальный, а из какого-то неизвестного материала, сверкающего, полупрозрачного, текучего, словно построенное из него здание не стоит на твердой земле, а льется с неба вместе с дождем.

– Видите! – торжествующе воскликнула женщина-амазонка. – Я сперва вспоминала разные знакомые здания, и они появлялись как миленькие, я даже не успевала по-настоящему захотеть. И вдруг подумала: желаю хрустальный дворец! Сама не знаю, как мне пришло в голову, но он уже тут. Такой прекрасный получился, гораздо лучше, чем если бы я продумала каждую деталь, ни познаний в архитектуре, ни даже мало-мальски хорошего вкуса у меня отродясь не было. А теперь вы попробуйте. Хотите? Почему нет?!

Пожал плечами.

– У вас так здорово получается. Но я, честно говоря, сейчас ничего уже не хочу. Только чтобы все это поскорее закончилось – дождь, миражи, наше с вами сидение под зонтом. И чтобы телефон наконец заработал. Меня дома ждут, дозвониться не могут. И, конечно, волнуются, хотя что со мной может случиться? Теоретически – ничего такого, чего нельзя пережить. А на практике все равно волнуются. Я бы и сам сейчас волновался, если бы это я остался дома. Такие уж мы дураки.

Женщина улыбнулась.

– Конечно, я понимаю. Вам уже все надоело. Затянувшийся дождь, дурацкие миражи, какие-то чужие ненужные чудеса.

Ответил ей такой же улыбкой.

– Не то чтобы надоело. Скорее, просто устал. И замерз. Даже ваш хрустальный дворец не могу оценить по достоинству, откладываю на потом, на такую, знаете, специальную полку памяти с пометкой: «Вспомнить и восхититься, когда появятся силы». А сейчас просто жду, пока эта улица станет наконец хоть немного похожа на ту, по которой я сюда пришел.

– Ладно, – серьезно сказала женщина. – Если так, я потерплю. Не буду пока ничего загадывать. Пусть реальность возвращается на место, пора бы вас отпустить. Если дома волнуются, это не дело – силой удерживать вас в игре.

И сдержала слово. Не сразу, но довольно быстро погасла. Сперва перестали пытать ее руки, потом лицо, только в глазах еще какое-то время прыгали веселые язычки огня, но если не присматриваться, совершенно обычное лицо, таких теток средних лет с короткими стрижками – полгорода, а что явственно светится в резко сгустившихся сумерках, так это обычное дело, видимо, влюблена.

И дома на углу улиц Майронё и Барборы Радвилайте прекратили наконец издеваться над разумом, сменяя друг друга со скоростью сорок наваждений в час. Все действительно стало, как прежде, и теперь сквозь плотную стену дождя виднелись бледно-лиловые полупрозрачные стены и золотистая черепица двухэтажного жилого дома, который всегда здесь стоял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.